

ОСКВЕРНИТЕЛЬ СОЛОМОН

Романтический Триллер о Запретном

Люциан Бэйн

На седьмой день седьмого года... её осквернили.

В Уэстоне, Западной Вирджинии, у сил зла свой устрашающий ритуал.

Каждый седьмой год духи городского заброшенного приюта для душевнобольных призывают достойные души себе в услужение. Но в этот седьмой год ритуал осквернения не похож на прежние, город под угрозой опустошения. И крики Безмолвия зовут Соломона Горджа принять участие в этих душераздирающих событиях.

***** ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ *****

Этот тёмный, готический, с ноткой лёгкой эротики, романтический триллер может содержать элементы, которые могут взволновать или оскорбить читателя. Пожалуйста, читайте с осторожностью, даже если вас привлекают описания жестокости и различных форм надругательства.

Люциан Бэйн

«Осквернитель Соломон»

Соломон Гордж.
Однажды ночью ты пришел в мою обитель.
Я в полусне гналась за мимолетною мечтой
Истекая кровью, плакали фиалки
Меж Оскверненных битвами земель.

Ты прибыл ночью,
Твои кроваво-красные губы у моего входа.
Сердце предано и ум отвергнут.
Отброшен на полу кровавый след.
Так ты безмолвно заклинаешь
Соломон...
Соломон...
Соломон Гордж.

Так ты безмолвно заклинаешь.
В самой глубочайшей тьме... на пути к моему сердцу.
Лишь посему
Я возлежу и жду...
Но больше нет.

С. Г. Т

Безмолвие прикрыла глаза и сосредоточилась, восстанавливая контроль над взволнованным разумом и замедляя неустойчивый пульс. Все повторялось вновь.

Наконец, она здесь. В Священных Покоях. Она не разрешила себе оглядеться, но периферическое зрение позволило ей осознать, как она заблуждалась. До последнего Безмолвие убеждала себя, что этих ужасающих устройств и инструментов для пыток, свисающих со стен и потолка, просто не существовало. Она молила о прощении, которым ее могли наградить.

Шесть лет. Они остались позади, и она едва могла в это поверить. Шесть лет Безмолвия закончатся в этот день. Пока ее губы были сомкнуты, на задворках ее сознания погибали мечты. Она доставила Мастеру столько хлопот, но Мастер по-своему вознаградил ее за них. Созерцающее Безмолвие. Она должна была стать таковой, и у нее получилось. В течение шести лет, день за днем.

Мастер назвал ее особенной, не больной. Именно поэтому выбор пал на нее. Она не испытывала больше ненависти к своим видениям и снам. Но она по-прежнему внушала людям страх. Мастер же, войдя в ее жизнь, принял ее грезы и видения и назвал ее проклятьем даром. Она олицетворяла собой голос Бога, и за это Безмолвие заслужила признание. С большей частью. Но еще более важным было то, что ее одобряла Королева.

Безмолвие осторожно скользнула взглядом в сторону единственного главного входа, представляющего собой массивную дверь. Черный металл поражал мастерством, с которым был выполнен, складываясь в искусные узоры, удерживающие массивные деревянные брусья в единой конструкции. Выглядело очень благородно. Вся комната была выполнена в черном цвете: стены, потолки, пол. Шероховатый, слепящий взор оникс украшал собой все вокруг. И абсолютная пустота в помещении, за исключением гранитной плиты, которая представляла собой столик, сделанный, словно для маленьких хоббитов, за которым она сейчас сидела, облаченная в свое церемониальное выпускное, буквально душившее ее платье.

Мастер использовал нечто подобное, затягивая ее тело в мокрую тугую ткань и держа ее в этом состоянии на протяжении долгих часов, обучая контролю и сдержанности. Только цвет одеяния на этот раз был кроваво-красным. Насколько бы прекрасным оно не выглядело, она никогда бы не надела подобное вновь. В этих черных декорациях несложно было представить себя одинокой каплей крови или единственным источником жизненной силы среди абсолютной беспроглядной тьмы.

Оценит ли Мастер ее платье? Будет ли он тем, кто завершит ритуал? Она тайно на это надеялась. Встреча с Королевой Ордена была под запретом, даже взглянуть на нее не позволялось никому, кроме Мастера. Многие строили догадки о том, как же выглядит Королева. Многие, но не Безмолвие. Это было святотатством, и нельзя не принимать во внимание последствия, если Мастер узнает о ее любопытстве. Временами казалось, что он способен читать ее мысли. И хотя он лично обучал Безмолвие священному искусству боли и страха, она бы не стала испытывать его терпение по отношению к ней. Мастер из раза в раз повторял ей, что она сильная, но была и бесконечная череда дней, которые Безмолвию удалось пережить благодаря одной лишь вере. Казалось, порой храбрость на долгое время покидала ее, призывая сломиться. Но происходило обратное. Мрачные мысли искушали,

превращаясь в разрушительный страх, который ставил под угрозу путь Ордена. Но ведь святые боль и страх от рук Мастера были даром для нее. Быть избранницей Королевы требовало абсолютного подчинения, которое должно было раскрыть божественное предназначение Безмолвия.

Наружная дверь, ведущая к Святыне, лязгнула, и состояние спокойствия, в которое она старательно пыталась себя погрузить, исчезло. Безмолвие резко приняла хорошо заученную позу: подбородок поднят, спина выпрямлена в строгом повиновении, глаза устремлены в пол. Боковым зрением она уловила обнаженную фигуру, показавшуюся в проеме открытой двери. Ковыляющая походка вошедшего принадлежала Мастеру, поэтому из груди Безмолвия вырвался тихий вздох облегчения и надежды.

Она держалась совершенно неподвижно, когда Мастер закрыл дверь. Скрежет металла... потом второй... третий. Сердце набатом било в ушах, несмотря на ее размеренное дыхание. Неважно, насколько она была опытной после пройденного обучения с Мастером, но каждая встреча с ним была ошеломляющей. Ее тело откликалось на его присутствие, но сознание и мышцы никогда не расслаблялись.

— Безмолвие, — встав перед ней, произнес Мастер.

Она уставилась на его затвердевший член — привычное место для поцелуя — который опоясывала татуировка в виде бабочки. Длинный ноготь на его указательном пальце коснулся лба Безмолвия, останавливая ее в предупреждающем жесте.

— Не в этот раз.

Безмолвие вновь была охвачена замешательством. Она не могла припомнить ни единого раза, когда бы он не потребовал от нее Поцелуя Бабочки. В памяти вспыхнули воспоминания о том дне, когда у Мастера было видение о его татуировке. Этот символ, бабочка на его пенисе, олицетворял прямую дорогу в рай для того, кто получил в дар его семя. Созерцание этого знака было своего рода подарком для Безмолвия, хотя сама трактовка ее изумляла.

Она надеялась, что получила всю дарованную благодать, которую заслужила.

— Безмолвие, ты прекрасна в своем выпускном платье.

Он коснулся ее виска и провел указательным пальцем вдоль лица. Разум наполнился вспышками воспоминаний о прежних наказаниях, как больно ноготь впивался в ее кожу. У Безмолвия не осталось ни одной части тела, которую бы Мастер не подверг всевозможным испытаниям, видя в этом особый Священный промысел.

— Благодарю, Мастер.

С каждым прерывистым вздохом Мастера, который ловила Безмолвие, до нее доносился густой аромат забродившего сока.

— Ты взволнована?

Странный вопрос ввел ее в замешательство.

— Нет, Мастер.

Он начал издавать невнятные звуки, сопровождаемые натужным стоном. Это означало, что в этот момент его посетило божественное откровение.

— Шесть лет, Безмолвие, чтобы довести тебя до завершающего этапа.

Слова затихали по мере скольжения его пальцев по губам Безмолвия, прикосновения Мастера слишком затянулись, выдавая его желание. Приоткрыв рот, Безмолвие приготовилась сосать, но он разорвал контакт, что стало очередной неожиданностью для нее.

— Ты готова, малышка?

— Да, Мастер.

От плохого предчувствия, ее дыхание стало прерывистым и частым, словно, как бывало в прошлом, она боролась с ощущением падения, пытаясь скрыть это. Почему Мастер остановил ее и не позволил ласкать себя? Сильнее остального ее задевала неизвестность. И он подвергал ее этой пытке каждый раз. Но в чем она была точно уверена — Мастеру доставляло удовольствие удивлять ее. Она старалась предугадать его действия, но он становился все более непредсказуемым, что и было негласной дуэлью между ними.

В попытке восстановить контроль над собой Безмолвие теряла способность дышать. Мастер был единственным, перед кем она всегда испытывала страх. Бояться его и только его — так и должно было быть. Страх перед Мастером был допустим, правилен, ожидаем и необходим.

Ей следует думать о Священной Церемонии, которая завершит этот этап. Шесть лет безмолвия закончатся.

Ее настиг внезапный ужас. Видение. Ей предназначалось получить новое имя. Что если он и на этот раз хотел все повторить? Мастер никогда не упоминал об этом.

— Малышка, столько страха.

Он обхватил пальцами ее подбородок, принуждая приподнять лицо, его голос звучал хрипло и разочарованно.

— Я уверен, тебе не терпится узнать свое новое имя.

Он медленно начал обходить ее справа, а его пальцы, не переставая касаться ее, проследовали по ее лицу. Безмолвие запретила себе отводить взгляд, устремленный прямо перед собой. Так Мастер видел сон? У него было видение?

— Как и ты, я тоже готов услышать твое новое имя.

Раньше он не хотел этого. Ужас накрыл ее новой волной, и она робко сглотнула в ожидании.

— У меня не было ни снов, ни видений, — несмотря на дрожь, охватившую ее нутро, голос не дрогнул, а звучал сильно.

Его глубокий смех, раздавшийся позади нее, послал мурашки вдоль ее позвоночника.

— Я знаю, малышка, — шепнул Мастер прямо в ее ухо. — Потому что на этот раз сон явился мне.

Оглушительные удары сердца разрывали ее грудь. «Дыши, Безмолвие» — приказывала она себе.

— Я уверен, что тебе не терпится узнать, — он произнес слова легко, обойдя Безмолвие слева.

— Не могу дождаться.

— Признаться, я тоже взволнован.

Мастер вернулся и встал прямо перед ней. Он мягко опустил ладони на ее плечи, и Безмолвие сжала кулаки на подоле своего платья. Слегка покачивая бедрами, Мастер потянул ее прямо к своей плоти. Зная, что нельзя проявлять инициативу, Безмолвие была готова подчиниться и выполнить все указания Мастера.

— Мне было видение о твоём новом имени, малышка. Это был образ руки, которая выводила буквы на стене над моей кроватью.

Словно повторяя образ из своего сна, Мастер рассеянно, словно без всякой цели провел головкой члена по ее губам и щеке.

— Ты поняла, о чем шла речь, ангелочек?

— Нет, Мастер, — ответила она, едва качнув головой.

Пальцы Мастера вдруг вцепились в ее волосы, потянув сильнее, чем это случалось ранее. Безмолвие старалась не поднимать глаза, как он всегда и настаивал, когда она иссушала его своим ртом. Она еще не успела расслабить горло, как он рывком вонзился глубоко в ее рот, заставляя почувствовать агонию и боль.

— Поговори со мной, Безмолвие. В последний раз, прежде чем покинешь меня, — прорычал он, сгребая ее волосы на макушке. Мастер зажал ее нос и не позволил сделать вдох.

— Ну же, расскажи Мастеру, как сильно ты будешь скучать по нему. О том, что ты никогда не забудешь его. И все твои мысли будут только о нем, — прошипел он, жестко загоня член в ее горло.

Безмолвие изо всех сил пыталась угодить ему, но ей не хватало воздуха. Как это всегда и происходило, ее тело отвергало его желания.

— Скажи мне! — приказал Мастер сквозь хрипы и низкие стоны.

Она попробовала еще раз. Она так старалась.

Его рука сжалась в кулак и обрушилась на ее лоб. Безмолвие втянула воздух через нос с хорошо знакомым жужжащим звуком в голове и ушах.

— Скажи Безмолвие, скажи мне, как сильно ты будешь скучать, пока я буду принимать твою жертвенность!

Она дала Мастеру то, что он хотел, сделав это мысленно. Безмолвие кричала, пока у нее не закончился воздух. Она кричала так сильно и так громко, как только могла, но ни единый звук не сорвался с ее губ. Что-то сломало ее много лет назад. Безмолвие тщетно пыталась вспомнить тот день, но она точно знала, что что-то произошло с ней. Она больше не могла кричать. Словно забыла, как это делается, или потеряла способность к этому. Неважно, как часто Мастер избивал ее, или насколько сильно увечил ее тело, Безмолвие не произносила ни звука, лишь отключала свое сознание. Тишина сковывала ее, пока она ощущала всю эту боль. Словно вторя ее имени.

Жесткий оргазм настиг Мастера. Безмолвие уже ощущала предстоящее удушье. Наконец, он взревел и произнес только одно слово, когда все закончилось.

— Хаос, — ревел он. — Хаос, Хаос, Хаос.

Она с трудом боролась с собой, чтобы не подавиться его божественной сущностью, пока он изливался в нее.

— Безмолвия больше не существует, — выдохнул он. — Твое новое имя... Хаос. И сегодня... Мастер окрестит тебя им. Затем отправляйся к воротам Ада.

От следующего удара Мастера Безмолвие врезалась в каменную стену. Чувство тревоги заставило ее уйти в себя. Мастер бил ее так сильно, как никогда раньше, и, находясь в полном замешательстве, она изо всех сил старалась оставаться в сознании. Неужели он собирается убить ее? Место прохождения заключительного этапа — это загробная жизнь? Осознает ли Мастер, что убивает ее сейчас? Она сражалась за веру в него. Он бы никогда не вышел за рамки разумного. Он по праву назывался Мастером. Она должна в это верить и стараться выжить.

Но было настолько невыносимо, что Безмолвие стала молиться. «Милостивый Боже. Прошу, дай мне выжить, пожалуйста, не дай погибнуть. Оставь меня в живых, пожалуйста, прошу, я должна исполнить твою волю и пройти этот путь до конца».

— Хаос! — взревел он снова, и слово эхом разошлось по комнате. — Кровь и Хаос! Боль

и Страдания! Вот и они! Осквернение из всех Осквернений свершится! Призови его Призови Соломона Горджа к Богу, и он смоеет грех с этой дьявольской земли!

«Призывай Соломона Горджа. Призывай Соломона Горджа».

Цепляясь за спасительную нить сознания, Безмолвие повторяла свое имя. Она не могла позволить себе умереть.

«Соломон Гордж. Соломон Гордж. Я в пути. Ты даруешь искупление этой земле. Спаси всех нас от зла на этой земле».

Она сделала это, Безмолвие прокричала, хоть и не имела такой возможности. Послав свой голос в темноту, она прогнала смерть прочь. Прокричав сквозь безмолвие, сквозь эту бесконечную ночь. Соломон Гордж. Соломон Гордж. Соломон Гордж.

Задыхаясь, весь покрытый потом, Соломон вскочил с постели.

Соломон Гордж, Соломон Гордж.

Крики отдавались эхом и призывали его сознание, а бушующая кровь посылала сигнал выбраться из кровати и выбежать через дверь спальни. Мгновение спустя, минуя крыльцо, Соломон очутился в крошечной тьме. Озираясь вокруг, он искал того, кто выкрикивал его имя. Несколько раз повернувшись вокруг своей оси, он уже было подумал, что ему это приснилось. Но происходящее было слишком реальным, настолько реальным, что даже разбудило его. Это был не просто крик животного или птицы, это был крик женщины. Он четко разобрал свое имя!

Вернувшись обратно в дом, он огляделся в поисках какой-нибудь зацепки, которая могла бы объяснить это странное явление. И когда единственная комната охотничьего домика ответила ему тишиной, он уже было подумал, что сходит с ума. Нет, что-то было не так. Соломон был в этом уверен. Полностью и бесповоротно. Он не впервые ощутил это, подобное чувство было ему знакомо. Он был сбит с толку и по-настоящему не мог вспомнить два других подобных случая в его жизни.

Что если это его отец? Что если старик умирает, или что-то в этом роде? Паника все сильнее охватывала его истерзанный разум, но Соломон заставил себя успокоиться. Смерть отца была бы удачей для Соломона. Он слишком рано решил списать его со счетов, этот ублюдок должен вынести целую гору вины на своих плечах, прежде чем подохнет.

Мисс Мэри! Соломон копался в своей памяти, ища нечто, связанное с ней, прогоняя их сегодняшний разговор в своих мыслях. Она часто говорила о каких-то сумасшедших вещах. Леса хранили память... ее питомцы говорили с ней. Ее болтовня была полнейшей глупостью. Вспоминая, Соломон внезапно замер. "Нечто придет из леса" — сказала она.

Его охватила паника. Он был уверен, что это то самое чувство. Что-то кралось к ее дому из леса. Милостивый Боже, может быть, причина в ее новых питомцах; как бы то ни было, те привлекали собой внимание. Образ дикой пумы, которая решила полакомиться маленькими милыми домашними животными Мэри, врывающаяся к ней в дом, заставил Соломона буквально запрыгнуть в свои ботинки и броситься к камину, чтобы захватить свой дробовик. Рванув дробовик с полки над камином, Соломон схватил ключи от грузовика и выбежал из дома.

«Иисус... Прошу, защити мисс Мэри, пока я не добрался до нее», — взмолился он про себя.

Позабыв про ремень безопасности, Соломон, словно безумный, вылетел с подъездной дорожки, цепляясь взглядом за все вокруг, всматриваясь в темноту у дороги, в деревья, ночное небо, пытаясь найти какую-нибудь зацепку, объясняющую его странное состояние. Ничто не помогало объяснить тот праведный страх, что сейчас бурлил в его крови, пронсясь по венам. Срезав приличное расстояние, он выехал на одиночное шоссе, и ему оставалось каких-то полмили, прежде чем он попадет на заросшую аллею, ведущую к дому мисс Мэри. Он вцепился мертвой хваткой в руль, чтобы не выпасть из водительского сиденья, пока грузовик, словно неуправляемый железный зверь, резко вписывался в последний поворот.

Соломон Гордж! Соломон Гордж!

Вдарив ногой по педали газа, он ускорился, вспоминая тот крик. Часть его сознания настаивала, что нужно притормозить, ведь он ничем не поможет мисс Мэри, если врежется в дерево. И хотя Соломон был не согласен со своими безумными действиями, паника, сковавшая его мышцы, не позволила ему ослабить нажим на педаль. Он выиграл эту битву за контроль над собой к тому времени, как добрался до мисс Мэри. Паника притупляла восприятие, а ему нужно быть в курсе всего, что происходит вокруг.

Заглушив мотор, он хлопнул дверью, бросив грузовик на парковке. Соломон крался в темноте к полуразвалившейся хижине, сканируя все вокруг, полагаясь на свой слух и зрение. Что-то было не так. Определенно не так.

Подбираясь к входной двери дома, он разрывался между необходимостью поспешить и попыткой заставить себя двигаться осторожно и медленно. О, Боже, он увидел, что за сеткой, прикрывавшей вход, дверь была открыта. Должно быть, женщина не закрыла ее. Мисс Мэри была очень упряма для своих восьмидесяти семи лет, поэтому любую помощь, которую предлагал Соломон, приходилось отвоевывать чуть ли не с боем. "Я всегда сплю с открытой дверью летом, иначе в доме будет чертовски жарко".

Соломон надеялся, что смог быть достаточно убедительным, чтобы уговорить ее запираť дверь хотя бы на ночь. Пусть сегодняшняя ситуация будет очередной демонстрацией ее упрямства...

Тихо крадясь, Соломон осознавал всю нелепость происходящего. Если бы здесь был чужак, он, недолго думая, уже бы сбежал, пока Соломон ракетой летел к дому мисс Мэри. Было бы намного лучше, если бы незваным гостем оказалось заблудшее животное. Не исключено, что это был человек, и Соломон обязательно его поймает. Но что, во имя Всевышнего, можно было хотеть от бедной, старой мисс Мэри? Внезапно его осенила ужасающая мысль: что если на земле, принадлежащей мисс Мэри, скрыты сокровища, о которых прознал взломщик?

— Мисс Мэри, — крикнул он с крыльца. — Это Соломон.

Соломон открыл входную дверь и заглянул внутрь, ответом ему была гробовая тишина. Он прокричал громче:

— Мисс Мэри!

— Соломон? — послышался голос из небольшой спальни.

— Мэри, вы не ранены?

Он рванул к ней в комнату, как только услышал возню и кряхтение пожилой женщины. Открыв дверь, Соломон застал ее в процессе усаживания в инвалидное кресло.

— Какая шлея попала тебе под хвост, парень, что стряслось? — слабо выдохнула Мэри.

Чиркнула спичка, и старушка зажгла масляную лампу, что стояла рядом с кроватью.

Адреналин все еще бурлил в его крови. Соломон вглядывался в тускло освещенное пространство комнаты, желая удостовериться, что все в порядке.

— Я... Вы в порядке?

Наконец, Соломон оторвал свой взгляд от темноты и посмотрел на мисс Мэри, встречаясь с ее темно-кариими глазами с черной окантовкой.

— Я в порядке, только сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Я спала мертвым сном, когда ты начал орать во всю глотку мое имя. — Ее дрожащая рука легла на грудь.

После этой маленькой беседы с Мэри его страхи все еще не утихли, поэтому Соломон схватил настольную лампу и произнес:

— Никуда не уходите.

Он обошел весь дом, проверив каждый темный угол. Убедившись, что в доме пусто, Соломон запер входную дверь.

— Мисс Мэри, почему обе ваши двери открыты? — Соломон казался рассерженным.

— Прости, мне стало жарко, — простила женщина, заезжая в комнату. — Что стряслось, мой мальчик?

— Я просто... мне показалось, я слышал, как вы зовете меня.

— Через все это расстояние между нами? Соломон, я знаю, что у меня есть пара легких, но они не настолько сильные. Кстати, который час? И, ради всего святого, где твоя одежда?

Соломон только сейчас понял, что на нем были надеты лишь ботинки и боксеры, волосы растрепались, и в руках он сжимал дробовик. Перед тем как выбежать из дома, он взглянул на часы, нужно было только вспомнить, какое время они показывали. Ощувив полную дезориентацию, Соломон разочарованно выдохнул.

— Я... я совсем не думал головой, гнал так быстро, как мог.

— Ой, понятия не имею, что я сделала, чтобы заслужить такого ангела-хранителя, как ты. Но я благодарю Бога, что ты был послан мне. С того момента, как мы стали соседями, я чувствую себя в безопасности. Не то чтобы я кого-то или чего-то боялась, пугливой меня точно не назовешь.

Нет, она определенно не из пугливых, что как раз и было проблемой для Соломона. Абсолютно такой же проблемой, как и для местного священника, который и обратился к Соломону, чтобы тот присматривал за женщиной. За отдельную плату, конечно. Но это была не единственная причина, по которой он взялся за эту работу. Словно в знак подтверждения, ему приснился странный сон о покойной матери, когда Соломона вызвали в церковь в его родном городе. Соломон обратился к Богу с просьбой направить его, когда оказался в жизненном тупике.

Сразу после смерти матери его отец бросил Соломона с дядей, слиняв за пять штатов, подальше от них. Ему нужно было время, чтобы оплакать потерю своей жены. Это то, что дядя продолжал твердить племяннику. Должно быть, этот ублюдок выплакал целые гребаные реки слез, пока Соломон считал себя недостойным сыном своего отца на протяжении следующих 13 лет. Затем Соломон стал сомневаться в себе как в мужчине и как в человеке, когда это чувство неполноценности продолжило преследовать его и во взрослой жизни. Он даже начал подвергать сомнению свое человеческое происхождение. Затем он встретил свою невесту, и его темная и мрачная жизнь изменилась. Ее любовь казалась... чудодейственной, это было единственным возможным описанием родившегося чувства.

Вернувшись мыслями в настоящее, подальше от той изолированной части своей жизни, Соломон сосредоточился на мисс Мэри. Милая старая леди, которой посчастливилось жить среди раскинувшихся горных хребтов, уходящих в никуда, казалось имела все основания для того, чтобы бояться каждого шороха. Для него она олицетворяла то единственное, ради чего он продолжал дышать. Она нуждалась в его защите, нежности и поддержке. Он никогда не признавался ей, что ему платили за то, чтобы он присматривал за ней; единственное, о чем он ей позволял догадываться, так это то, что он был просто отличным парнем и заботливым соседом. Соломон был уверен, она плохо воспримет новость об оплачиваемом милосердии.

Запустив руку в волосы, он покачал головой и впервые спокойно выдохнул без этого ужасного чувства тревоги, сковывающего легкие. Все еще прибывая в легком шоке от произошедшего, он рухнул на один из крепких стульев рядом с массивным столом. Положив

дробовик на край стола, Соломон склонился, опершись локтями о колени, с усилием потеряв свое лицо.

— Позволь, я приготовлю для тебя кофе, ты выглядишь испуганным, мальчик.

Он потянулся к ней и похлопал по руке, когда нежность в голосе пожилой женщины затронула что-то внутри Соломона.

— Я в порядке, мисс Мэри. Просто плохой сон, вот и все.

— Ты опять видел сны?

Он покосился в ее сторону.

— Сны являлись тебе, когда ты был еще ребенком. И твоя мама тоже их видела. Вы оба из одного теста.

Соломон выпрямился в кресле, удивившись ее словам:

— Вы знали мою маму?

— Конечно, сынок, — казалось, она всхлипнула от нахлынувших слез, — нет никого, живущего в радиусе десяти миль от старой женщины, кого бы я не знала, как собственное дитя.

В памяти Соломона всплыло прекрасное лицо матери, прогоняя все темные мысли из его головы. Его разум затопили вопросы. Реальных воспоминаний о матери было не так много. Но все они были хорошими. И только сейчас он понял, о чем говорила мисс Мэри.

— Какие именно сны?

— Не совсем нормальные. Она всегда делала вид, будто ничего не случилось.

Делала вид?

— Что Вы имеете ввиду?

— События, которые еще не произошли, — прошептала мисс Мэри. — Люди считают, что, обладая таким даром, можно повлиять на будущее.

Женщина кивнула ему, указав на полку, и Соломон передал ей спички, чтобы она могла зажечь лампу. Соломон содрогнулся, когда по худому лицу старушки поползли тени.

— Когда это впервые случилось с тобой, — продолжала она. — Я помню, какой обеспокоенной была твоя мать, рассказывая мне об этом.

— Почему? — Соломон задул спичку, испытывая еще большее любопытство.

— Она просто не хотела подвергать тебя людским насмешкам.

— Я не помню этих снов.

Мисс Мэри пожала плечами и развела руки.

— Твоя мать молилась, чтобы сны больше не являлись к тебе, возможно, Бог ответил на ее молитвы.

Соломон откинулся на спинку стула и попытался вспомнить какие-либо странные сны, помимо пары недавних. В действительности, в них не было ничего особенного, помимо того прилива странных ощущений, которые эти сны вызывали. Соломон не знал, как и что с этим делать.

— Сны для меня редкость, — сказал Соломон, медленно качая головой.

— Похоже, что молитвы возымели свой эффект. Будем надеяться, своими молитвами она не сгубила то хорошее, что должно встретиться тебе на пути. Ведь что хорошо одному, другому может быть плохо.

Соломону действительно было плевать на сны, особенно когда они были глупыми и бесполезными.

— Так вы знали мою мать?

— О, да, — проворковала мисс Мэри. — Да, несомненно. Никогда не встречала человека более прекрасного, как внутри, так и снаружи. Она была готова приносить нам с Артуром свежеспеченный хлеб, и в довесок к нему свежесрезанные цветы, чтобы порадовать стариков. Мы любили ее как родную дочь. Она приезжала к нам вместе с тобой, но мы едва видели тебя, так как ты почти сразу же сбегал в лес.

— Я... кажется, я припоминаю это.

Возможно. Его детство в Западной Вирджинии представляло собой серию вспышек воспоминаний, выстроенных в случайном порядке, никак не связанных между собой. Знакомые мелькающие лица, места — вот что это было.

— Ты был таким маленьким, настоящий солнечный лучик с ручками и ножками. Никогда не сидел на одном месте дольше секунды, уже тогда ты любил ловить диких животных.

Соломон приподнял бровь и прикусил язык, не сказав, что у него есть подходящий малыш для нее. Идея с поимкой животных была новой для него. Он точно знал, что это пришло ему в голову, когда стало очевидно, что мисс Мэри не хватало общения, и ей требовалось больше, чем он мог дать ей. И он оказался прав, потому что ее лицо озарило счастье, когда он впервые принес ей зверушку, что было совсем нелегко, и стоило ему трех дней ада, чтобы поймать этого подлого енота. Еноту досталось имя Декстер. С этого момента последовали ее скромные намеки.

«Знаешь, я всегда восхищалась дятлами. Это просто потрясающие создания».

И, конечно же: «Однажды, я видела, как белочка собирала орешки. Ну, что за маленькая прелесть».

И теперь он начал собирать для нее целый зоопарк из обитателей дикой природы.

— Как бы я хотел побольше вспомнить о своей матери, — Соломон откинулся в кресле, размышляя вслух.

Всякой раз, когда он думал о матери, она представала перед ним с улыбкой на губах, одетая в бледно-желтое платье, украшенное рисунком из маленьких розовых цветочков и ярко-зеленых листьев, которые так подчеркивали цвет ее глаз. У Соломона были столь же выразительные глаза, как и у нее. Он тепло улыбнулся своему воспоминанию о матери, которых было не так уж и много.

— Это божий дар — быть твоей матерью, Соломон, — говорила она ему.

Она никогда не скрывала тот факт, что он был усыновлен. Когда он спрашивал о своей биологической матери, то получал ответ, что та была призвана Богом и не смогла остаться с ним. Поэтому у Соломона появилась его нареченная мать, чтобы заботиться и воспитывать его. Соломон всегда думал, что на самом деле она была ангелом и просто маскировалась под обычного человека. Он даже спрашивал ее об этом, и мать посылала ему таинственную улыбку в ответ:

— Хм, нам никогда этого не узнать!

Соломон до сих пор был уверен, что она ангел. Его приемная мать никогда не опровергала и не подтверждала ничего касательно его настоящей матери. Но имена его биологических родителей всегда упоминались во время молитвы перед сном. Ни один из них не познал, что такое быть настоящим родителем, и его наполняла уверенность, что в один прекрасный день они все-таки захотят встретиться с ним. Позже Соломон узнал, что они находились в тюрьме одного из штатов. Мать всегда говорила правду, даже скрывая некоторые вещи. Соломону никогда не выпадала возможность пообщаться с настоящими

родителями, но это входило в его список предстоящих дел хорошего-мальчика. Его нареченная мать ожидала подобного, так как Соломон был сильным, смелым и очень милым ребенком. Она была его ангелом.

Боже, как он скучал по этой женщине.

— И у тебя ее выразительные глаза, — произнесла мисс Мэри, дав понять Соломону, что он пропустил половину разговора.

— Многие назвали бы их странными, — ухмыльнулся он.

Ему бы хотелось думать в отношении своей приемной матери, что он на самом деле унаследовал эту черту от нее, но его глаза были голубыми. Как говорила его мать, цвета зарождающегося шторма. Словно Тор снизошел на землю, они могли, как возродить, так и уничтожить все вокруг.

Соломон вспомнил, что у него дома остался, сидя в маленькой клетке, его последний улов для Мисс Мэри.

— Между прочим, у меня есть кое-что для вас.

— О-о-о?! — воскликнула она с придыханием.

Невинная реакция мисс Мэри заставила Соломона улыбнуться, как будто он не знал, что она только этого и ждала от него.

— Ага. Дома. Я планировал привезти вам это утром.

— Полагаю, тем утром, которое уже наступило.

Когда Соломон поднялся со стула, на него накатила усталость от ночных гонок, и он рассмеялся:

— Я хотел бы вздремнуть, перед тем как вернуться, если вы не возражаете.

— Ты можешь поспать и здесь, тем более что уже соответствующе одет.

— Неа, у меня дома полно дел, — и это было лишь наполовину ложью.

Соломон был уверен, как бы сильно он не устал, все равно не смог бы уснуть в любом другом месте. В действительности его тянуло еще раз осмотреть лес. Страх отпустил его, но все еще будоражил мысли.

Он взял оружие и пошел к выходу, Мэри последовала за ним.

— Держите дверь закрытой на замок, пока не наступит рассвет, договорились? Я ведь рассказывал вам про диких пум. — Он немного замялся у двери и строго добавил:

— Если, вернувшись, я обнаружу эти двери открытыми после наступления темноты, то избавлюсь от всех ваших питомцев. Я не собираюсь нести ответственность за вашу смерть по неосторожности.

— Да на какие же адские муки ты меня обрекаешь, жмот?

— Если вам так жарко в доме, я захвачу пару вентиляторов.

— Мне не нужны никакие гаджеты.

— Это просто вентилятор, а не космический корабль. Они есть у каждого в Западной Вирджинии, так же, как и во всех Соединенных Штатах. Возможно, даже по два или три на каждый дом! — Соломон, конечно, преувеличивал. И про кондиционер он даже не осмелился упомянуть. Для мисс Мэри это была дьявольская морозилка.

— Что ж, я приготовлю свежий кофе и еще что-нибудь перекусить к твоему возвращению. Не помню, говорила ли тебе, что хочу завести садик, чтобы выращивать травы, а также огородик для овощей?

— Да, я в курсе, — Соломон осторожно открыл дверь, так на всякий случай, — семена уже заказаны, мадемуазель.

Мэри весело засмеялась ему вслед, пока он выходил за дверь, и затем Соломон ощутил прилив неведомого ощущения. Страх и ужас, как и прежде, нахлынули на него, накрывая волной, выбивая из него весь дух. Что-то было не так. Просто не здесь.

Соломон не спеша поехал домой, внимательно осматривая по пути окрестности. Когда он уже поворачивал к дому, его настигло осознание, что все это может быть лишь плодом его фантазии. С тяжелым сердцем он припарковался на подъездной дорожке. В таком состоянии он точно не сможет спокойно усидеть на месте.

Соломон устремился в обратном направлении и принялся прочесывать лес. Спустя некоторое время он оказался у маленького продуктового магазинчика, стоявшего у дороги. Харчевня тетушки Мэй Тэкс. Соломон переключил передачу, и грузовик заворчал на холостом ходу, а мужчина остался сидеть в темноте. Включив радио, он искал что-нибудь, что объяснило бы его беспокойство. Возможно, что-то произошло в мире.

Если это и было так, старый приемник не поймал сигнала. Дерьмо. Может, зайти в Макдональдс и воспользоваться Wi-Fi для доступа в Интернет? Правда, для начала ему нужен хотя бы телефон. Соломон окинул себя взглядом. И одежда. Развернув грузовик и осмотревшись по сторонам в последний раз, он отправился домой.

Соломон уже въехал в последний поворот, перед тем как попасть на свою подъездную дорожку, когда красная вспышка заставила его резко ударить по тормозам. Вытянув шею, он, глядя в зеркало заднего вида своего грузовика, сдал назад на несколько футов. Не выдержав, Соломон развернул машину и под ускоряющийся ритм своего сердца проехал еще несколько футов, немного правее по направлению света фар, вглядываясь в темноту. Что-то красное вновь мелькнуло за деревьями. Выглядело так, будто что-то дразнило его, слегка покачиваясь взад и вперед.

Направив грузовик в сторону леса, освещая фарами деревья, Соломон медленно подъехал к краю канавы. Возможно, это всего-навсего кусок ткани, который трепал ветер в ветвях деревьев.

— Ох, черт, — выдохнул он, заметив развивающиеся волосы. Красные. В следующее мгновение он увидел белую кожу. Боже мой. Схватив дробовик, Соломон открыл дверь. Когда он обогнул машину спереди, его взору предстал сюрреалистический кошмар.

— Господи, — прошептал он, наконец, разглядев то, что перед ним.

Это была женщина. И она висела вниз головой.

Присев, спрятавшись за грузовиком, Соломон настороженно озирался вокруг, ощущение опасности, нарастая, билось в его голове. Ничего не обнаружив, он крепче перехватил оружие и сделал два шага по направлению к канаве.

— Господи Иисусе.

Женщина истекала кровью, ее босые ноги были привязаны к ветке дерева.

Красное платье облепило ее словно вторая кожа, своей длиной едва достигая коленей. Один прыжок через канаву и Соломон подобрался ближе. Каковы шансы, что она жива? Это первое, что ему хотелось выяснить. Преодолев еще метр, Соломон, борясь с рвотными позывами и стараясь дышать через раз, протянул два пальца к ее шее, чтобы проверить пульс. Половина лица женщины была буквально размозжена, словно кто-то сильно приложил к нему битой. Окровавленные губы раздулись, как и все ее распухшее лицо. Повсюду были порезы. Соломон сделал над собой усилие, задержав свои пальцы, стараясь ощутить биение пульса, касаясь, казалось бы, уже безжизненного тела.

— Сол...

— Ах, черт! — выдохнул он, отдергивая руку назад.

— С-соломон... Гордж.

Хрипение женщины послало леденящий холод по его венам.

— Боже мой, Боже мой, — зашептал Соломон, и, почувствовав головокружение с подступающей тошнотой, посмотрел вверх на ее ноги.

— Я здесь, я помогу тебе спуститься, — сказал он.

Откуда она, черт возьми, знает его имя? Но она, несомненно, была той, чьи крики он слышал.

— Мне нужно вернуться к грузовику, — прошептал он, осматриваясь по сторонам, — и найти что-нибудь, что позволит срезать веревки, я не оставлю тебя здесь.

— С-соломон...

— Не разговаривай, не разговаривай, — еле слышно повторял Соломон, прикрывая ей

рукой рот, будучи не в силах оторвать взгляд от ее лица. Боже, ее глаза. Они выглядели как гигантские сливы в глазницах, налитые кровью.

— Я здесь, я сейчас вернусь, — заверил женщину Соломон и, чуть не упав, попятился назад.

Он, наконец, повернулся, чтобы бежать в сторону грузовика, но тут его ботинок утонул в грязи канавы, про которую он совсем забыл.

— Дерьмо!

Соломон освободил ногу рывком и побежал к пассажирской двери, спотыкаясь на ходу. Его охотничий нож должен был быть в бардачке, он молился, чтобы тот оказался там. Нащупав в темноте ручку двери, Соломон дернул ее на себя и принялся судорожно обшаривать салон машины в поисках этого бесценного ножа, который был подарен ему дядей для резьбы по дереву.

Найдя то, что ему было так необходимо сейчас, он со всех ног побежал обратно. Вновь приблизившись к девушке, Соломон устоял на нее, пытаясь сообразить, как подступиться к этому кошмару, свисающему с ветвей дерева. Она находилась слишком высоко, чтобы просто перерезать веревку, ведь при падении девушка могла повредить шею. Спрятав нож в ботинок, Соломон обошел массивный дуб в поисках возможных вариантов. Самая низкая ветвь была на высоте пятнадцати футов от земли. Несколько раз безуспешно Соломон пытался с разбега допрыгнуть до ветви, но затем понял, что все-таки придется взбираться по стволу. Вгоняя нож в кору дерева так высоко, как только мог, Соломон использовал его как рычаг. Игнорируя боль, которая обжигала внутреннюю сторону его бедер из-за грубой коры дерева, по которой ему приходилось скользить, чтобы удержаться, Соломон рванул лезвие ножа и вонзил его выше, подтягиваясь вверх по стволу. Ему действительно стоило вцепиться в дерево как можно крепче, потому как на повторный подъем сил может не хватить.

Наконец добравшись до ближайшей ветки, он зажал лезвие ножа между зубами и ухватился за нее правой рукой. Подтягивая свое тело все ближе к цели, Соломон пробрался между ветвями дерева и обнаружил, что веревка обхватывала все тело, полностью опутывая истерзанную женщину. Посмотрев вниз, Соломон сосредоточился на веревке, ведущей от ее лодыжки к дереву. Протянув руки к ее ногам, он схватился за веревку, наматывая ту вокруг своей правой руки.

— Я собираюсь перерезать веревку, но буду крепко держать тебя, — предупредил он, в основном, чтобы убедиться, что девушка была в сознании или, по крайней мере, жива.

С четвертой попытки веревка начала поддаваться острому лезвию. Воздух с хрипом вырвался из его груди, когда вес тела девушки резким толчком пришелся на его правую руку.

— Теперь я буду медленно опускать тебя на землю, — произнес он натужным голосом.

Снова закусив лезвие ножа, он освободил свою левую руку и ухватился за веревку.

— Начинаю спуск, — пробормотал Соломон, сжимая лезвие зубами, молясь о том, чтобы девушка не начала брыкаться и позволила ему спокойно опустить ее вниз. Дюйм за дюймом, он пропускал веревку между ладонями, и от сильного трения кожа горела огнем. Черт бы все это побрал, но он не мог сказать, насколько еще высоко девушка была от земли.

Кто, блять, сотворил с ней такое?

Соломон продолжал молча опускать ее, сконцентрировавшись на том моменте, когда голова девушки, наконец, коснулась земли. Четыре фута по ощущениям превратились в четыреста, настолько медленным был этот спуск. Но спешка могла добавить еще больше травм к тем повреждениям, что она уже получила.

Ему нужно доставить ее в больницу. Но идея — показаться медикам в полуголом виде с едва живой женщиной на руках — показалась не очень удачной. Будет быстрее и безопаснее для нее, если он вызовет неотложку к себе домой.

Наконец ее тело полностью оказалось на земле, отчего веревка провисла свободной петлей. Соломон смог бережно спустить женщину, задыхаясь от ощущения долгожданного облегчения и отпустившего его дикого напряжения. Уставившись на нереальный, ужасающий кошмар, распластанный на земле под ним, Соломон на мгновение онемел.

Поместив нож обратно в голенище сапога, Соломон повис руками на ветке дерева, после чего, качнувшись, прыгнул вниз, приземлившись в нескольких футах от девушки.

— Я собираюсь поднять тебя на руки, — предупредил Соломон, обхватив одной рукой ее обнаженные плечи, пропуская другую руку под ее коленями.

Он старался не смотреть на ее изувеченное лицо, когда осторожно поднимал девушку с земли. Едва Соломон сделал первый шаг, как она захныкала, заставив мужчину съежиться от страха, что своими действиями он может навредить ей.

— Прости меня, прости меня.

Добравшись до пассажирской двери, он сумел открыть ее и очень осторожно уложить хрупкое тело сиденье.

— М-мас...

— Я здесь. Я увезу тебя отсюда и вызову помощь.

На этот раз ее всхлипы прозвучало пугающе. Поняв, что время для споров не самое подходящее, Соломон обогнул грузовик и запрыгнул на водительское место. Преодолев весь путь максимально аккуратно, и, насколько позволяло первое условие, он быстро припарковался, остановившись как можно ближе к хижине.

— Вот мы и дома, — попытался успокоить ее Соломон, осмотревшись по сторонам.

Он запыхался больше от страха, чем от усталости. Что если монстр, который сотворил такое с женщиной, все еще рыскал где-то поблизости? Он осмотрел кузов грузовика в поисках своего дробовика. От осознания того, что, возможно, он оставил дробовик на земле, рядом с тем местом, где обнаружил девушку, его накрыло паникой. Оглядевшись еще раз, Соломон понял, что все, что можно было бы применить в качестве оружия, находится только у него дома.

Пробравшись к задней двери грузовика, Соломон снова, также медленно и осторожно, поднял девушку на руки, извиняясь за каждый ее стон, который, казалось, срывался с ее губ каждую секунду. Ступив на крыльцо, он замер. Вторая дверь хижины была открыта, что сразу же бросилось ему в глаза. Его взгляд заметался, осматривая все вокруг, а сердце так сокрушительно стучало в груди, что отдавалось в позвоночнике, в то время как его мышцы напряглись в готовности рвануть обратно к грузовику.

Он мог оставить дверь открытой, когда в спешке покидал свой дом.

Дерьмо. Остаться снаружи было плохой идеей. Аккуратно и бесшумно Соломон пробрался в хижину, по-прежнему держа девушку на руках. Толкнув входную дверь, он, насколько было возможно, просканировал взглядом помещение. Пинком открыл следующую дверь, осматривая спальню и оценивая, насколько безопасно в ней. Соломон, не тратя ни секунды, захлопнул дверь ногой позади себя и поспешил уложить девушку на кровать, после чего бросился обратно, чтобы запереться на оба замка.

Медленно подойдя к кровати, он уставился на девушку, ее боль была настолько невыносима, что стоны не прекращались. Зарывшись обеими руками в волосы и стянув их,

Соломон метался по комнате взад-вперед, не сводя глаз с полумертвой женщины в его кровати. Его голову наполняли миллионы мыслей: необходимость позвонить в полицию, этот странный сон, ее крик, и она знала его имя... Его терзали вопросы: где виновник всего этого, вернется ли он, чтобы завершить начатое, и зачем он подвесил девушку?

Вытирая лоб рукой, он поспешил к кухонному столу, стоящем в дальнем углу комнаты, чтобы взять мобильный. Ах, черт! Конечно же, тот сдох. Соломон потерял счет своим попыткам сменить аккумулятор, потому что тот уже совсем не держал заряд. Он промчался по хижине, словно сумасшедший, в поисках зарядного устройства. Соломон подбрасывал и опрокидывал вещи, но зарядки по-прежнему нигде не было. Уже отчаявшись найти устройство, Соломон за три шага пересек свою кухню-прачечную-ванную, чтобы проверить карманы всех джинсов, но он уже был уверен, что и там его тоже нет.

Господи, как такое могло произойти? Он зарывался руками в волосы все сильнее, судорожно оглядываясь по сторонам и задаваясь вопросом, где, мать его, он мог оставить эту хренову штуку. В грузовике? Соломон даже не мог вспомнить, когда в последний раз пользовался телефоном, настолько редко тот ему был нужен.

Соломон, словно в бреду, в смятенных чувствах прокручивал в голове события этой ночи, которые буквально прожигали его воспоминаниями. Из спальни донеслось бормотание, и он бросился к девушке, прислушиваясь и надеясь, что получит подсказку, как же помочь ей. Например, к кому обратиться, или что делать дальше.

— С-Сол... — ее голова металась по подушке из стороны в сторону, девушка попыталась поднять руку, но та лишь безжизненно опустилась на покрывало. — Мастер...

— Мастер? Кто такой Мастер? — спрашивал Соломон, стоя на коленях рядом с кроватью. — Тот, кто сделал это с тобой? Кто причинил тебе вред? Ты меня слышишь? Я собираюсь вызвать "скорую", — успокаивал он ее.

Даже если бы ему пришлось ехать в город, он бы сделал это, не задумываясь.

Она лишь немного качнула головой.

— Нет... нет... нельзя говорить.

Никто не должен знать? Какого черта.

— Почему нельзя об этом говорить? Он угрожал тебе?

— Д-да.

— Здесь ты в безопасности, — заверил Соломон, хотя без дробовика или гребаного телефона это звучало совсем по-идиотски. — Ты не должна говорить. Просто отдыхай.

— Нельзя... говорить.

— Нельзя говорить, ладно. Просто отдохни. Тебе станет лучше, — попытался утешить ее Соломон, абсолютно уверенный в своих словах. — Тогда, может, ты мне подскажешь, кому я могу позвонить? Семье, подруге?

Мужу? Он внимательно рассматривал ее платье. Где она была, на вечеринке? Свадьбе? Ей нужно дать какое-нибудь лекарство. Есть ли у нее аллергия на что-нибудь? Переломы?

— Мне нужно задать тебе несколько вопросов, и я собираюсь держать тебя за руку, просто за руку. Все, что тебе нужно сделать, это сжать один раз, если ответ — «да», и два раза — если «нет». Поскольку я буду спрашивать, тебе нужно сохранить силы и не разговаривать. Ты меня понимаешь?

— Да, — она негромко всхлипнула от боли.

Не обращая внимания на засохшую кровь, покрывающую все ее тело, он бережно взял ее маленькую руку.

— Ты замерзла?

Конечно, она была холодной на ощупь, но его руку в ответ сжали дважды. Окрыленный успехом такого способа общения с ней, Соломон задумался, о чем же следует спросить ее в первую очередь.

— Ты помнишь свое имя?

Она ответила не сразу, затем послала ему одно слабое пожатие.

— Окей. — Соломон был так рад, что почти проворковал ей в ответ: — Это хорошая новость.

— Ты помнишь, что произошло ночью?

На этот раз она колебалась еще дольше, прежде чем сказать свое "нет". И так, она знала свое имя, но не помнила, что случилось. Или просто не хотела рассказывать о произошедшем.

— Хорошо, ничего страшного.

Он не должен был заходить так далеко, но Соломон придвинулся ближе к кровати. Ему нужно было узнать все о травмах девушки, но по многим причинам информация о монстре, сотворившем с ней это, казалась первостепенной, исходя из их безопасности в эту секунду.

— Ты боишься того, кто сотворил это с тобой?

Он ощутил немедленное одиночное сжатие руки, что говорило "да", и все внутренности Соломона скрутило от недоброго чувства.

— Такое случалось раньше?

Еще одно незамедлительное пожатие.

— Он твой... это твой муж?

После небольшой паузы последовали два пожатия.

— Парень?

Еще два пожатия.

— Твой отец?

Опять два пожатия.

— Просто друг, знакомый?

Два пожатия.

Соломон оставался неподвижным, стараясь сообразить, кто это мог быть.

— Родственник?

Положительный ответ.

Родственник. Тогда, возможно, они жили с ней под одной крышей.

— Это был брат?

Небольшая пауза, затем "да". Но откуда эта пауза?

— Сводный брат?

Два пожатия в ответ поставили Соломона в тупик.

Настолько ли ему необходимо знать, была ли она изнасилована? Несомненно, она сильно пострадала, и какой толк прямо сейчас от этой информации? Соломон не мог придумать ничего лучше.

— Я собираюсь выяснить, где ты ранена. Я буду называть часть тела, и ты мне сообщишь по шкале от десяти до нуля, насколько тебе больно в этом месте. Договорились?

Одиночное касание руки.

Соломон начал с ее ног и проложил путь вверх по телу девушки, минуя интимные места, поднимаясь все выше. К тому времени как он исследовал все части ее тела, используя свои

знания массажиста, то выяснил, что девушка просто горела в агонии от боли. Соломона охватила дрожь, и желудок предательски заболел.

— Я на время отпущу твою руку, нужно найти болеутоляющее.

Она крепче сжала его ладонь. Соломон взглянул на ее обхватывающие его пальцы.

— Ладно, ты не хочешь меня отпустить, чтобы я мог дать тебе лекарства?

— Не... оставляй меня, — с трудом прохрипела она.

— Я лишь отойду, чтобы поискать в доме, буду неподалеку. — Ее хватка медленно ослабла. — Хорошо, — освобождая пальцы, прошептал он. — Ты справишься?

Девушка едва кивнула, и он вернул ее руку на кровать, погладив несколько раз, когда она потерянно сжалась в кулачок без его тепла.

— Я здесь, я никуда не уйду. Я буду все время говорить с тобой, пока ищущу лекарство.

Соломон, как и обещал себе, не смотрел на ее избитое лицо. Долгие годы Соломон ломал голову, что же все-таки произошло с его невестой, представляя, что она могла вот так же лежать где-нибудь в канаве, оказавшись в таком же плачевном состоянии. Эти мысли приводили его в состояние ярости и глубокого отчаяния, боль распространялась по его телу и отзывалась жжением в животе. Тот, кто это сделал, был хуже, чем животное. Таких безумцев нужно отлавливать. Соломон внезапно почувствовал острое желание лично выйти на охоту за этой тварью.

Испытывая глубокую печаль, Хаос лежала молча и совершенно неподвижно, она ждала его возвращения. Ни один из них не бывал в этих местах прежде, и на протяжении всех шести лет она, прибывая в безмолвии, представляла себе этот момент. Физическая боль была желанным отвлечением от боли, пустившей корни в ее душе. Так много вопросов вертелось в ее голове: почему, что, когда, кто? Почему в этот раз Мастер превзошел себя в жестокости? Что бы это могло означать? Когда это испытание закончится? И кто скажет ей, что делать дальше?

Ее ни о чем не предупредили. Что если она сделает что-то неправильно?

«Верни нашу жертву».

Это было единственное указание. Никаких подробностей. Она не могла позволить Соломону обратиться к властям. Никто не должен знать. Никто не должен знать о том, что произойдет в будущем, эти судьбоносные события не должны быть предотвращены. Это слишком важно. Как для самого города, так и для его окрестностей.

Хаос напряглась всем телом, когда Соломон вновь приблизился к ней. Почему она не была подготовлена к этой части ее миссии? К его прикосновению. Ее тело было таким слабым, уязвимым, податливым. Все время, что она находилась в этом жалком состоянии, он держал ее за руку. Он был добрым, ласковым и теплым. Она вспомнила, как запаниковала, когда Соломон отпустил ее руку. Ей нужно быть осторожной. Очень осторожной с этим мужчиной. Соломон являлся очень могущественной жертвой, и это единственное, что Хаос смогла узнать от Мастера. Неужели он был таким же особенным, как и она? Обладал каким-то даром?

— У меня есть только аспирин и ацетаминофен, — негромко произнес Соломон.

Хаос вела внутреннюю борьбу с собой, разрываясь между тем, чтобы вслушиваться в его слова или просто ощущать их. Проникаясь его голосом, она вспомнила: достаточно кивнуть в знак согласия. Слова Соломона несли в себе своеобразную чарующую силу. Почти как у ее бабушки. Успокаивали разум; Хаос постаралась поддаться этой силе — так она исцелится быстрее. Хаос испытывала на себе физическое наказание так много раз, что этот этап стал для нее обыденным и скучным. В основном потому, что от нее требовалось оставаться неподвижной. Хаос настолько же сильно ненавидела это, насколько была хороша в этом деле. И учитывая степень ее повреждений, по всей видимости, ее неподвижность продлится дольше, чем обычно. Ее тело ощущалось на три размера больше и ни осталось, ни единого места, что не молило бы о том, чтобы кто-то прекратил эту боль.

Мастер всегда был экспертом в истязании без малейшего контакта. И если он решил нанести удар, от него, как правило, не оставалось и следа. Мастер мог сокрушить без переломов, избивать без синяков, растерзать без открытых ран. Он мог сломить дух, не нарушая целостности костей и плоти, это была его специальность.

Но в этот раз... она почувствовала или ей показалось, Мастер изменил тактику. Она чувствовала, что в ее теле не осталось ни одной целой частички. Сломленное тело, разум, дух и даже сердце. В этот раз его работа была впечатляющей. И хотя Хаос долго и упорно тренировалась, чтоб противостоять пыткам Мастера, ей не удалось избежать последствий его сокрушительной силы. Так много раз она слышала от Мастера, как сильно он ненавидел

причинять ей боль. Но его любовь к миру превосходила по силе желания его плоти. И теперь, после того как оба испытали муки, они вступили на святой и праведный путь искупления.

Хаос позволила Соломону приподнять ей голову над подушкой, чтобы она смогла проглотить лекарство, и ее тело тут же содрогнулось от боли.

— Проклятье, мне так жаль, — сказал Соломон.

Почему он извиняется? Хаос ненавидела те звуки агонии, которые издавала. Она надеялась, что боль скоро прекратится, и Соломон перестанет так странно себя вести. Ей не нравилось быть жестокой, но иногда это было необходимо. Меньшее, что от нее требовалось для выполнения своей миссии, так это беспокоиться о себе самой.

Все, что Хаос нужно, для того чтобы восстановиться, — это уединение и возможность хотя бы в течение двенадцати часов побыть в тишине, и тогда она будет в порядке. А также постараться не заикливаться на куче вопросов, на которые не было ответов, но которые возвращали ее страхи и ощущение жуткой боли.

— Ничего, если я задам еще несколько вопросов?

Прежде чем осознать поспешность своего ответа, Хаос кивнула. Отдых казался невозможным, пока она участвовала в допросе Соломона. Кто знает, может, это хороший способ отвлечься, а ее организм знал, в чем он нуждается сейчас. Хаос вздрогнула, когда он снова осторожно взял ее за руку, но его тепло мгновенно успокоило ее. После испытаний, которым подвергал ее Мастер, он использовал горячие простыни, чтобы обернуть ими Хаос; в конечном счете это стало для нее определенным символом комфорта. Правда, только до тех пор, пока полотно не высыхало. Тогда это превращалось в иную форму наказания — удушение. *Пеленание*, как называла это Бабушка.

— Тот, кто сотворил с тобой такое... живет где-то поблизости?

Хаос ответила двумя пожатиями. Она ненавидела ложь, но не могла поставить под угрозу миссию.

— Он из соседнего города?

Она снова сжала его руку два раза.

— Далеко отсюда?

Почему ему не давал покоя этот вопрос? Какая разница, где находился сейчас ее обидчик. Хаос снова сжала два раза, что означало "нет".

— Значит, этот родственник прибыл издалека? — не унимался Соломон.

Находя это приемлемым, Хаос ответила "да" одним рукопожатием.

— А сейчас он поблизости?

Нет. Она сжала два раза его руку.

— Ты считаешь, что он вернулся туда, откуда пришел?

Чтобы наконец покончить с этой темой, Хаос ответила, сжав руку один раз.

Соломон испустил звук, похожий на разочарование, или это было облегчение? Хаос молча замерла, сосредоточившись на прикосновении его руки. Он был вдвое крупнее ее. Хаос была уверена, что он даже больше Мастера. Но гораздо нежнее. Отчасти такое чарующее влияние на нее производил его голос. Хаос напомнила себе, что в ее обязанности, как избранной, входила необходимость обезопасить жертву. Если это подразумевало, что от нее требовалось поддаться его чарам, пусть так и будет.

— Думаю, тебе стоит отдохнуть, пока я не найду зарядку для телефона, — наконец, принял решение Соломон.

Хаос одарила его сильным пожатием, дав понять, что отдых ей очень необходим.

— Я не собираюсь использовать телефон, чтобы сообщать кому-либо о происшедшем, — поспешил заверить он.

Тогда зачем он ему нужен?

Словно почувствовав ее беспокойство, он добавил:

— На всякий случай, если возникнут новые проблемы.

Хаос позволила себе немного расслабиться.

— Я дам тебе вздремнуть. Далеко не уйду, буду все время в доме, хорошо?

То внимание, которое он оказывал ей, было завораживающим. Казалось, ее тело шло вразрез с ее разумом, когда она пожала руку дважды, что означало несогласие.

— Ладно, ладно, — прошептал он и придвинулся ближе. — Я побуду с тобой рядом, пока ты не уснешь?

Она сжала его руку один раз, и ее тело начало расслабляться. На инстинктивном уровне Хаос чувствовала себя в безопасности рядом с ним. За последние годы она узнала, что последствия физической травмы могут быть непредсказуемыми. Они могут заставить думать и говорить такие вещи, которыми не хотелось бы делиться. Постыдные вещи.

Хаос не была уверена, как долго пролежала, прежде чем ей завладели кошмарные видения. На этот раз ей снилось, что ее заживо съедали муравьи, пока она была привязана к муравейнику. Хаос была уверена, что этот кошмар вызван воспоминанием о детеныше опоссума. Мастер любил создавать украшения из костей животных. Каждое воскресенье, бродя вдоль одинокого шоссе, они проводили в бесконечных поисках нового материала для его работ — останков жертв автомобильного движения. Мастер уверял, что Бог создал всех животных в угоду человеку, чтобы тот мог использовать их так, как пожелает. В тот раз им попался раненный детеныш опоссума, в котором все еще теплилась жизнь.

— Похоже, он отбился от стаи, — размышлял Мастер, заставив Хаос поднять детеныша и положить его в мешок.

Позже Хаос должна была уложить все найденные останки на гигантские муравейники, чтобы убедиться, что никакое другое животное не растащит их в поиске пищи. Когда ей было девять, ее нарекли Избранной. Тогда у нее не было специальной подготовки, и она была очень зла на Мастера.

— Он страдает, ему больно! Вы сказали, что такая участь ожидает только мертвых животных, но малыш жив, и он плачет!

Мастер рассмеялся, словно поведение Хаос было невероятно забавным.

— Он все равно умрет, независимо от обстоятельств, Избранная. И это флюиды души, а не слезы.

Флюиды души. Высокопарность фразы привела ее в ярость, и тогда Хаос высказала Мастеру все, что думает о нем.

— Это подло! — кричала она на него. Мастер продолжал смеяться громче прежнего, и Хаос определила свою дальнейшую судьбу следующей фразой: — Вы — глупец!

Это был первый раз, когда Хаос разозлила Мастера. Впервые она ощутила его секретные методы воздействия. Без каких-либо видимых проявлений он ранил ее тело изнутри. Кто бы мог подумать, что такую боль может причинить простой палец. Он поразил ее в голову, шею, спину и живот.

После того как Хаос усвоила урок Мастера, ей следовало перенести скелет животного на солнце, чтобы завершить дело, просушив их. Затем ей показали, как просверлить

отверстия в костях. Мастер проткнул мочки ее ушей большой иглой и принудил носить ушные кости черепа мертвого опоссума.

— Возможно, это поможет тебе быть более послушной, — сказал Мастер.

Со временем Избранная стала питать трепетные чувства к костям. Они были странными и уродливыми, и их было трудно различить с первого взгляда. И это было так похоже на нее саму. Связанные невидимой нитью, они были словно близнецы, животного и человеческого происхождения. Когда Мастера не было рядом, другие смеялись над ней, называя ее Опоссумом. В глубине души Хаос не возражала. Ей даже нравилось такое сравнение. Пока она не совершила ошибку и не рассказала Мастеру, что ее имя теперь не Избранная, а Опоссум. В гневе он вырвал ее украшения из ушей и разбил кости детеныша опоссума о камни.

— Это богохульство — испытывать любовь к животным, а не к Богу! — ответил Мастер.

Хаос знала, ему лучше не перечить. Чтобы избежать очередного урока послушания, она кивнула в согласии. И только в моменты одиночества, сидя в углу своей кельи, она оплакивала потерю единственного друга.

Конечно, со стороны это выглядело глупо. Дружить с ушной костью опоссума.

Во время Испытания Бодрствованием Хаос впервые увидела кошмар. Мастер терпеливо обливал ее обнаженное тело из специального шланга на протяжении нескольких часов. Ледяная вода, словно шипы, пронизывала ее кожу, пока она висела, закованная в кандалы. Это ощущалось так, словно ее тело, объятые огнем, пожирала муравьи. Именно в тот момент она потеряла сознание, и ей приснилось, что она была привязана к муравейнику вместе с детенышем опоссума. Она не могла двигаться или говорить, но она была жива. Все, что она могла делать, это плакать, но никого это не волновало, насекомые даже не замечали этого, поскольку это всего лишь флюиды ее души. Как это случилось с опоссумом, муравьи, как и положено, поедали ее, поглощали ее плоть без остатка, а она в это время умирала медленно и тихо.

Это был мучительный кошмар; как и та реальная, ужасающая боль, терзающая ее тело, этот сон оставался единственной связью, которая у нее была с животным, когда Хаос окончательно попрощалась с ним. Она не была уверена, но полагала, что опоссум стал частью ее. Хаос не могла сказать точно, но... ей бы этого хотелось.

Однако впервые кошмар шел по другому сценарию. Кто-то услышал, как она тихо плакала и безмолвно кричала. Хаос не могла видеть человека, что опустился на колени рядом с ней и взял ее руку в свою. Но она чувствовала, это был он. Соломон мягко убаюкивал ее.

Ужас растаял вместе с оковами, которые тянули на дно. Ее тело поднималось, покидая этот ужасающий кошмар, оказавшись в чистом воздухе, окутанное солнечным светом, где не было ни муравьев, ни страха, ни боли. Золотые солнечные лучи окружали ее и детеныша опоссума.

А этот голос. Хаос наконец поняла, насколько он был знаком ей. Голос пронизывала теплота, как будто он принадлежал солнцу. Звучал мягко, но сильно и уверенно, как проступающие лучи сквозь штормовое облако. Это было так не похоже на все то, что ей когда-либо приходилось слышать и переживать.

Исчерпав силы, Соломон уронил голову на постель, все также придерживая девушку за руку. В какой-то момент его разбудил звук ее всхлипов. Ей нужна была медицинская помощь, но, когда Соломон попытался высвободить свою ладонь, чтобы встать и предпринять что-нибудь, девушка еще более отчаянно вцепилась в его руку.

Оставаясь на месте, Соломон сидел возле нее, все больше ощущая свою бесполезность и беспомощность. Именно тогда он предположил, что девушке приснился кошмар. Нужно спеть, чтобы успокоить ее, осенила его мысль. Но какую песню? Была только одна, которую он знал полностью и считал универсальным средством от всего на свете.

Он запел, понизив голос, чтобы не разбудить девушку. И к его удивлению это сработало. Он ощущал, как с каждой секундой ее маленькие пальчики медленно расслаблялись. Все внутренности Соломона сжались, когда он бросил взгляд на ее изуродованное побоями лицо.

Продолжив произносить молитву Святому Петру, Соломон снова окинул взглядом тело девушки, оценивая ущерб. Осталось кое-что, что нужно сделать. На данный момент лишним это не будет.

Мгновение спустя он мягко освободил свои пальцы из ее руки и поднялся. Скорее всего, она будет очень голодна, когда проснется. И, несмотря ни на что, ей придется поесть, чтобы набраться сил. Пока девушка спала, у него было время, чтобы позаботиться о Мисс Мэри, а также заехать в продуктовый магазин и купить еды. Сам он, по большей части, питался блюдами готового приготовления из банок, но лишь потому, что не было повода оттачивать свои кулинарные способности. С момента, как Соломон потерял невесту, ему не представилось ни одного случая.

Прежде чем отвернуться, Соломон в последний раз посмотрел на незнакомку перед ним. Прилив неизвестных ему чувств нахлынул вместе с осознанием того, что он все-таки нашел ее. Спас. Потому что ему удалось ее услышать. Бог оказался на их стороне, когда голос девушки донесся до Соломона. Он часто мог слышать, как его невеста, стойко выдерживая все, что с ней не происходило, взывала к нему. Прошло полгода с тех пор, как он подавил в себе бешеную одержимость найти хотя бы ее останки. Ему просто... нужно *завершить* начатое.

И вот теперь, после того как Соломон, наконец, заключил перемирие с Богом, в его хижине лежит эта незнакомка. Почему, почему все вокруг подвергались смертельным избиениям? Почему Бог не направил Соломона к его невесте, почему не указал путь, не помог найти ее? Почему? Что Соломон натворил такого, чтобы заслужить все эти мучения?

Это пожирало его заживо. Но в один прекрасный день его дядя, наконец, привел Соломона в чувства. В буквальном смысле этого слова. Соломон не был уверен, что потрясло его больше: сам удар или то, как мастерски дядя его нанес. Своему собственному племяннику. Но, видимо, требовалось гораздо большее. Будучи в стельку пьян, он извергал поток оскорблений на свою покойную мать и проклинал Бога, на чем свет стоит.

— *Бог забрал ее, как забрал мою мать. Для того чтобы мучить меня! Уничтожить мою душу, а тело оставить в этом мире, как живого мертвеца! Она сделала это, она позволила этому ублюдку сделать это, и твой глупый любящий Бог позволил это!!!*

Соломон до сих пор помнил ту сцену, как его дядя спокойно встал из-за стола и хорошенько врезал ему прямо по губам. Он растянулся плашмя на полу, когда палец дяди

уткнулся в него, а лицо оставалось спокойным и невозмутимым, как в самый ясный день.

— Это за твою мать. Бог может распоряжаться твоей судьбой, как ему вздумается, но не смей так говорить про мою сестру, ты слышишь меня?! Она любила тебя больше собственной *жизни*!

Эти слова заставили вскипеть его кровь, а сердце дрогнуть, и слезы, которые он никак не мог пролить, наконец, заструились по его щекам. Это был день, когда все изменилось. Он расставил многие точки над *i*, и Соломон отпустил тяжесть на сердце впервые за долгое время. Сильный гнев, который преследовал Соломона с самого детства, ушел. Он больше не хотел мстить отцу, не хотел покончить с собой, Соломон больше не хотел убивать и точка. Осталось только... чувство легкости, которое вытеснило его смятение. Он бы не назвал это умиротворением, но и кромешный ад от него отступил.

Соломон поправил красно-каштановые волосы девушки, которые покрывали ее плечи. Измазанные засохшей кровью и спутанные, они все равно казались густыми. Боже, ей понадобится ванна. Но все, чем он располагал, — это жалкий душ. Возможно, завтра Соломон смоет с нее влажной губкой грязь вместе со всеми ужасными воспоминаниями.

— Итак, с чего вы взяли, что я что-то от вас скрываю?

Ухмыльнувшись, Соломон пронес клетку мимо сияющей от восторга Мисс Мэри.

— Ох, — она с трудом выдохнула, прикрывая рот дрожащими пальцами. — Это... это... ох, только не говори мне что это, — пролепетала Мисс Мэри, потянувшись обеими руками к клетке.

— Осторожно, — предупредил Соломон, размещая на ее коленях крошечного крота.

— У него есть коготки, и он хорошо умеет ими пользоваться.

— Он прекрасен. Это же крот!

Соломон рассмеялся.

— Ага, и теперь он ваш. Ему нужен кто-то, кто будет присматривать за ним.

— Ну, у меня достаточно места, комната просторная, — искренне ответила Мисс Мэри. — Этот малыш может составить компанию Декстеру в моей спальне.

— Только если вы обещаете держать его в клетке, пока я не построю для него домик получше.

— Я знаю правила, — воркуя, обратилась Мисс Мэри к зверьку. — Да, конечно, я сделаю все, как следует. Мистер Соломон вынуждает меня поклясться на могиле моего Артура.

— *Никак нет*, — сказал Соломон с улыбкой и направился в сторону маленькой комнаты, которая представляла собой кухню со стоящим обеденным столом по центру, чтобы по-быстрому разобраться со своими обычными обязанностями.

Помыть посуду, приготовить ужин, забрать ее белье для стирки домой. У него было не так много времени и сил, чтобы со всем управиться, но, похоже, мисс Мэри было все равно, она была занята новым питомцем и вряд ли заметит, как он покинет ее дом.

— Как поживает твой папа? — крикнула Мисс Мэри из своей комнаты; похоже, она уже успела разместить там своего нового приятеля.

— Уверен, с ним все в порядке.

Соломона очень удивляло такое беспокойство. Как будто мало что изменилось в ее сознании спустя двадцать лет. Наверняка мисс Мэри даже не знала, что отец бросил его, когда умерла мама, и больше не вернулся. Как бы то ни было, Соломон не собирался ее огорчать.

Соломон был рад, что заехал к мисс Мэри. Он питал к ней нежные чувства. Его забота с ней началась с физиотерапии и массажа ног. На это ушло около двух недель, большее время из которых было потрачено на уговоры о том, чтобы просто пройти этот курс, и как только они договорились между собой, результат не заставил себя ждать.

— Должна тебе сказать, в этих горах полна разной живности.

Соломон развернулся, стоя у маленькой мойки и обнаружил перед собой Мэри. Она выбралась из своего инвалидного кресла и направилась к столу.

— Вы самостоятельно встали, — заметил Соломон, кивая и возвращаясь обратно к делам.

— Конечно. Благодаря тебе с каждым днем я становлюсь сильнее.

— Что бы вы не думали про эти горы, ничего такого предосудительного в них нет,

кроме великолепия, а это уже слишком для городского сброда.

— Это твоя родная земля, мой мальчик. Ты вырос здесь.

— Мне было пять лет, — усмехнулся Соломон, — я едва помню это время.

— Неважно. Как я уже сказала, земля тебя помнит.

Обычно Соломону нравилось подшучивать над Мисс Мэри, но сегодня все его мысли были заняты едва живой девушкой, которая осталась в его хижине.

— Хах, земля помнит? Хорошо, — пробормотал он, — может быть, тогда она напомним дяде, чтобы он навестил своего племянника.

— Тебя это беспокоит?

— Откуда вам знать, беспокоит это меня или нет? — улыбнулся он, глядя на нее через плечо. — Для почти ослепшей женщины, вы слишком много видите.

Это заставило Соломона сотрясаться от хохота.

— В самом деле. Может быть, твой дядя хочет, чтобы первый шаг был сделан тобой.

— Я мог бы созвониться с ним, — признался он, — и пригласить порыбачить.

— Хорошая идея, мальчик.

Сейчас ему как никогда не хватало мудрости его дядюшки. Соломон всегда обращался к нему, если случалось действительно что-то важное, как например, пребывание избитой девушки в его спальне.

— Я собираюсь приготовить вам ужин, Мэри, а вечером вернусь, привезу вещи после стирки и уложу вас спать.

Мисс Мэри вздохнула.

— Что ж, ладно. Полагаю, тебя не сильно заботят последние новости.

— Какие новости, — рассмеялся Соломон, ополаскивая последнюю тарелку. — У вас нет ни телефона, ни телевизора, ни радио. Неужели зверушки делятся с вами своими секретами?

— Они всегда это делают, — насколько могла, серьезно заверила мисс Мэри, отчего Соломон покачал головой.

— Тебе смешно, но это правда, я общаюсь с ними напрямую, как сейчас с тобой. Например, Декстер говорит, что ему нужна подружка. И дети.

Соломон рассмеялся, продолжая качать головой, когда добрался до маленькой корзины с бельем.

— Получается, я поймал семейно-ориентированного енота?

— Боюсь, что да, — как можно серьезнее сказала женщина.

— Я посмотрю, что можно сделать. Может, стоит положить в ловушку записку со словами «Разыскивается самка енота с целью создания семьи. Пожалуйста, не обращайтесь, если вы не справитесь с этой ролью». — Соломон тяжело вздохнул, ничего не обнаружив под крышкой бельевой корзины. — Мэри!

— Все эти развлечения теперь не по мне, — воскликнула она. — Знаешь ли, я не нуждаюсь в ежедневном веселье и тусовках.

— Это то, что делают люди, Мэри. Они меняют одежду, причесывают волосы, *принимают душ*, — он сделал акцент на последней фразе и бросил на нее испепеляющий взгляд. — Мы это уже проходили. И вы согласились со мной.

— Ну, Декстер считает, что это глупо.

— В самом деле?! — не поверив своим ушам, Соломон скрестил руки на груди. — Тогда передайте Декстеру, что я помню, где его нашел, и с радостью могу вернуть его обратно. Как

насчет того, чтобы дать ему понять, что, если он хочет остаться здесь, ему придется быть *на моей стороне*, а не против меня.

Когда Соломон прочел непонимание на лице старушки, он сделал еще более суровый вид. Ему приходилось так себя вести, иначе она будет продолжать перечить ему.

— *Ради всех святых, какой ты безжалостный!* — разразилось визгом Мэри.

— А также скажите ему, что теперь он будет готовить ужин и проводить сеансы физиотерапии.

— Не думаю, что он в состоянии сделать это, — хмыкнула она.

— Я тоже так считаю, — подтвердил Соломон. Подойдя ближе, он сел на колени перед ней и начал осмотр. — Как ваши ноги?

— То еще горячее зрелище, когда их ничто не прикрывает, — поразила его ответом Мэри, когда задрала халат и пошевелила ногами. — Я могла бы, наверное, бегать, да не хочу выставлять тебя жалким на своем фоне.

Соломон кивнул, сдерживая смех.

— Бьюсь об заклад, что сможете, — пробормотал он, радуясь отсутствию отеков. — Да, очень неплохо. Гораздо лучше.

Он опустил подол ее халата и выпрямился, положив руки себе на бедра.

— Настало время увеличить нагрузку.

Смутившись, она сделала взмах рукой.

— С чего бы это, мистер Соломон?! Не знала, что вам по вкусу маленькие хилые старушки?

Соломон опустил голову, пряча усмешку, в то время как Мисс Мэри неистово хихикала над своей маленькой шуткой.

— Смешно, Мэри, таааак смешно!

Заполнив корзину различными товарами, Соломон, расплатившись на кассе, буквально вылетел из "Walmart". Если церковь увидит то, что он купил, то непременно возникнут вопросы. Но у него была уважительная причина, он лечил животных Мисс Мэри. Оказавшись у полок с банными принадлежностями и предметами личной гигиены, Соломон старался думать, как женщина, пытаясь вспомнить, чем же они пользуются. Как, черт возьми, можно объяснить выбор упаковки прокладок макси размера? Он просто оплатит это и уберется отсюда, вот как.

Продукты шли в списке последними, и Соломон закупился так, будто ему предстоит готовить королевский пир. Буквально визжа, его скудный бюджет молил остановиться. Но, учитывая состояние девушки, все должно быть лучшим из лучшего. Соломон купил несколько биодобавок для поддержания здорового состояния кожи и костных тканей, всевозможные травы и специальные питательные добавки для быстрого заживления ран, такие, какие только смог найти.

К тому времени, как он направился домой, Соломон уже был близок к панике. Часы показывали 10.00. Этим утром он собрался так быстро, как только мог, и оставил записку для незнакомки на случай, если она проснется до его возвращения, и, даже прибывая в

постоянной спешке, он все равно потратил целых 4 часа. Чтобы прочитать записку, ей не придется вставать, Соломон приклеил бумажку к стене рядом с кроватью. Что по-настоящему ужасало, так это мысль, что, до тех пор, пока ее глаза напоминали кровавые сливы в глазницах, она не сможет нормально видеть.

Она осталась одна, что пугало во вторую очередь. Ублюдок свалил и был далеко отсюда, как заверила девушка, но что если она ошиблась? Или солгала?

Подъехав к дому, он осмотрелся по сторонам, после чего, поспешно заперев дверцу кабины грузовика, направился к входной двери. Увидев, что дом был по-прежнему заперт на все замки, Соломон немного расслабился. Ступив внутрь, он тут же направился в спальню; какое-то время ему потребовалось на то, чтобы его глаза привыкли к сумрачному интерьеру. Соломон бросил взгляд на кровать и, наконец, смог разглядеть сквозь тьму, что девушка находилась все еще в постели. Она лежала в той же позе, что и раньше.

Он в ужасе кинулся к незнакомке и попытался нащупать двумя пальцами пульс на тонкой шее. От прикосновения девушка тут же проснулась; хватая ртом воздух, словно тонула, она начала судорожно отмахиваться от его рук.

— Это я, это я, — затараторил Соломон.

Все также задыхаясь, лежа в постели, девушка, наконец, успокоилась.

— Я... я хочу пить.

При мысли о том, что она лежала тут одна, умирая от жажды, на него накатило чувство вины.

— Я купил для тебя все необходимое и еду. По большей части медикаменты. Я занесу пакеты в дом и напою тебя.

Развернувшись, Соломон поспешил к двери.

Забрав сумки из машины и заперев дверь так быстро, как только смог, Соломон пожалел, что у него не так много замков. По крайней мере, с ним снова был его дробовик. Он искал оружие около часа, и именно по этой причине он так сильно задержался, волнуясь, что кто-то другой мог найти его.

Соломон схватил одну из небольших бутылок с минеральной водой и направился к кровати. Опустившись на колени рядом с ней, он негромко произнес:

— Чтобы ты могла попить, мне придется приподнять твою голову, хорошо?

Присосавшись опухшими, растрескавшимися губами к горлышку бутылки, девушка за пару секунд выпила ровно половину, и Соломону пришлось остановить ее.

— Давай не будем торопиться и подождем минут пятнадцать, прежде чем допить остальное. А то тебе может стать плохо, — тихо сказал Соломон, укладывая ее голову обратно на подушку.

— Отечность немного спала, — он попытался приободрить ее. Но разве что только на один ничтожный процент. Однако это лучше, чем ничего.

Соломон продолжил на той же позитивной ноте: — И тебе предстоит попробовать лучшие блюда, которые тебе когда-либо доводилось дегустировать.

Ее брови немного приподнялись от удивления, когда она повернула голову в его сторону, глаза девушки по-прежнему были плотно закрыты.

— Ты... умеешь готовить?

Бедняжка, она так ужасно выглядит.

— Это тебя удивляет? Понимаю, большинство мужчин с кухни на "Вы".

Он старался не прикасаться к ней, когда по воле какой-то забытой привычки склонился

к девушке и поправил ее одеяло.

— Давай примем лекарство, чтобы покончить с этой болью.

Соломон перевернул весь свой скудный запас на кухне. Впервые он озадачился тем, как мало вещей у него есть на случай вроде этого, и еще меньше из имеющегося можно считать полезным. Из мебели было всего четыре шкафчика: два верхних, два нижних. Выпрямившись, он заметил кофейный поднос наверху... который следовало почистить. После бесконечных метаний между кухней и спальней Соломон решил перенести все припасы к кровати, расположив их на одном из кухонных стульев рядом с ней.

Усевшись перед незнакомкой, Соломон продолжил ухаживать за ней. Он дал ей двойную, максимальную дозировку болеутоляющего и, снова приподняв голову с подушки, поднес бутылку к губам девушки, чтобы она могла запить лекарство.

— Как себя чувствуешь?

Проглотив таблетку, она едва кивнула, и Соломон понял, что вопрос нужно было задать иначе.

— Хочу пить.

— Ладно, давай допьем это. — Соломон придерживал ее голову до тех пор, пока девушка полностью не осушила бутылку. — Боль утихла?

Она снова кивнула.

— По шкале от одного до десяти, насколько тебе стало лучше? Десять — это максимально.

— На одну и... три восьмых, — прошептала она.

Брови Соломона взметнулись вверх в удивлении.

— Ты, должно быть, шутишь?

Она еще пытается веселиться в таком состоянии. Девушка кивнула, стараясь не поворачиваться к нему лицом.

— Ты голодна? — спросил Соломон.

— Мне нужно поесть, — ответила она хриплым голосом.

— Согласен. Я приготовлю суп, это самое лучшее для тебя сейчас. Я купил достаточно полезных продуктов, способных воскресить мертвых.

Соломон поднялся, когда она ничего не ответила.

— Я вернусь на кухню и... приготовлю его. У тебя есть аллергия на какие-нибудь продукты, о которых мне стоит знать? — он едва уловил ее ответ, когда она отрицательно покачала головой.

По крайней мере, он надеялся, что все понял правильно. Соломон не хотел беспокоить ее больше, чем требовалось.

— Аллергии нет, отлично.

Он внимательно посмотрел на незнакомку, ожидая каких-либо указаний с ее стороны, но она молчала, никаких знаков. Развернувшись, Соломон со спокойной душой направился на кухню, чтобы заняться готовкой.

Во время приготовления Соломон решил отвлечь девушку болтовней, возможно, это снимет напряжение и заставит исчезнуть ее страхи, если таковые были.

— Итак, тебе, наверное, интересно, чем я зарабатываю на жизнь. На самом деле, каждый день я забочусь об одной милой старушке, являясь кем-то вроде няньки. Она живет поблизости, — сказал он, несколько преувеличивая расстояния Западной Вирджинии. — Думаю, она бы тебе понравилась. Мисс Мэри восемьдесят семь лет, и в ней столько

мужества, что могу поклясться, она ест на завтрак новогодние хлопушки.

Соломон встал перед старой белой газовой плитой и зажег переднюю конфорку.

Издав смешок, он продолжил свой рассказ:

— Я забочусь о ней только месяц, но такое ощущение, что гораздо дольше. Она очень одинока, поэтому мне пришла в голову идея найти ей компанию и завести пару питомцев для нее. Клянусь, я развел целый зоопарк.

Соломон перевел взгляд в сторону кровати и заметил, что девушка внимательно его слушала и даже развернула избитое лицо к нему.

Воодушевленный ее интересом, Соломон продолжил:

— Как бы то ни было, я вообще-то городской парень. Из Эдмонда, Штата Оклахома. Церковь попросила меня позаботиться о Мисс Мэри, других дел у меня на тот момент не было, и вот я здесь. И знаешь... — он взял тарелку из шкафа, чтобы нарезать овощи, — Мисс Мэри была права насчет меня, говоря, что я часть этой земли. Теперь, когда я вернулся и живу здесь, я, как никогда, ощущаю эту связь, — он покрутил ножом в воздухе. — Знаешь, это как забыть что-то очень важное, но не осознавать этого до тех пор, пока однажды не вспомнишь все. Сложно объяснить, — сказал Соломон, приступая к овощам.

— Уверен, тебе интересно, чем я буду тебя кормить. Блюдо, что я готовлю, это кулинарный шедевр, и даже Его Величество Царь Навуходносор никогда не пробовал подобного, — Соломона позабавили его собственные высокомерные слова.

— Говорят, чтобы быть по-настоящему хорошим поваром, нужно притвориться, что действительно знаешь, что делаешь, на протяжении всего процесса. Итак, приготовь свой рот для первого кулинарного оргазма. — Вот блять. — Прости, — пробормотал Соломон. — Я не хотел этого говорить.

Несколько секунд ушло на мысленные поиски того, что могло исправить его оплошность.

— А на десерт, — поспешно добавил он, рассматривая пакет со сладостями, — у нас будет двойной шоколадный брауни. Нужно разбавить это изобилие слишком полезной пищи. Можно умереть, если время от времени не баловать себя греховно потрясающе вкуснятиной. Черт, почему бы просто не прочитать вслух ее же собственный некролог? Незнакомке было бы не так неприятно.

Тридцать минут спустя Соломон устроился в кресле, рядом с кроватью девушки, чтобы хорошенько накормить ее. Он отбросил все прежние мысли, о чем бы те ни были, и решил напевать веселые мелодии. Ничего кроме напевов, чтобы разрядить обстановку и прервать неловкую тишину, освободиться от дурных мыслей, как ему казалось, преследующих ее.

Пришло время будить девушку... и, наконец, узнать ее имя. Если это хоть как-то могло помочь ей, Соломон старался не касаться ее, это было умное и безопасное решение.

— Эй, — тихо позвал он, сидя на стуле рядом. — Ужин готов.

Слушая мягкий шепот мужчины, Хаос оставалась лежать с закрытыми глазами. Ее мочевой пузырь был переполнен. Как сказать постороннему человеку, что ты хочешь в туалет, а сама ни на что не способна? Последние тридцать минут он провел, смотря на нее сверху вниз, используя все свое колдовское могущество. Нет никаких сомнений в силе его голоса. Как ни старалась Хаос избежать его влияния на свои мысли, он все-таки нашел подход к ее телу. Он подчинял ее, поэтому необходимо противостоять ему. Привычка, выработанная годами, она просто должна суметь это сделать. Ей нужно расслабиться и принять все, что должно произойти, в любом случае, это будет не настолько постыдно, нежели если ее мочевой пузырь не выдержит прямо у него на глазах.

— Мне нужно в ванную, — выпалила она, больше не заботясь о том, как это выглядит.

— Ох, черт, верно! — словно только сейчас Соломон осознал, что девушка имела обычные человеческие потребности. — Мне так жаль. Ух-х-х... - прозвучало так, будто он осмотрелся вокруг. — Я могу отнести тебя в ванную. И подождать за дверью. Или ты попробуешь дойти сама? Но я бы выбрал первый вариант.

— Попробую дойти сама, — прошептала она, уже заранее зная, что вряд ли сможет подняться на ноги самостоятельно.

— Я очень медленно усажу тебя.

— Я могу не дотерпеть, — стыдливо выдохнула она.

— Ладно, если это произойдет, ни о чем не беспокойся. Может, попробуем использовать «утку»? Я могу поискать что-нибудь подходящее, и ты сможешь сделать это под одеялом.

— Я наведу тут беспорядок, — сказала девушка, потом ахнула от боли, когда Соломон помог ей сесть.

— О, Боже, позволь мне позаботиться о тебе, милая, прошу, — взмолился он таким голосом, словно сам испытывал боль.

Хаос держала рот плотно закрытым, как делала всегда, когда ей было нестерпимо больно. Она была уверена, что никогда не испытывала такого сокрушительного чувства, как сейчас, или просто в ней накопилось все и сразу. Каждый вздох давался ей с трудом из-за распухшего носа. А губы пульсировали болью, когда девушка сжимала их в попытке не проронить ни звука. И ее глаза, Боже, ее глаза. Она старалась не сжимать веки слишком сильно, иначе, казалось, глаза тут же лопнут.

Соломон аккуратно сгреб Хаос в охапку и быстро перенес ее в уборную. Тело девушки, а особенно разум, сковало от боли, когда она попыталась хоть ненадолго приоткрыть глаза. Что Мастер сделал с ней? Почему он довел ее до такого состояния, перейдя все границы?

— Я помогу тебе сесть на унитаз.

Жалобные стоны одержали вверх над попытками Хаос оставаться спокойной. И вскоре из ее горла вырвалась целая лавина звуков. Это звучало, скорее, как битва за каждый вздох, а не ровное дыхание. Она не могла больше сдерживаться, так как слишком сильно хотела облегчить свою нужду.

— Мое платье, — всхлипнула она, чувствуя его на пути.

— Я не смотрю, — заверил Соломон, задирая подол платья, распространяя боль по всей

ее спине, вдоль позвоночника. — Черт, прости, — прошипел он, когда комнату заполнил резкий вскрик, и девушка наконец смогла опустошить свой мочевой пузырь.

— О, Боже, — выдохнула Хаос, когда боль в животе постепенно уменьшилась. — О, Боже! — повторила она, и ее тело отозвалось дрожью, когда она осознала, что была зажата мертвой хваткой между двумя предплечьями Соломона. — Я сожалею, — прошептала она, не будучи уверенной, почему и за что именно извиняется, просто такой уж она была.

За все и за всех.

— Ты в порядке, — прошептал Соломон.

— Мне так жаль, — повторила Хаос, выдавливая из себя слова.

— Не извиняйся. Эй, эй, ты отлично справляешься, — успокоил он.

Хаос была благодарна за то, как его голос влиял на нее. Сейчас ей как никогда была необходима поддержка. Что угодно, лишь бы прекратить эту ужасную боль и избавиться от чувства унижения.

— Я готова, — негромко произнесла она, подавляя глупые чувства, которые все нарастали под действием голоса Соломона.

Его голос всегда звучал так, словно отрицал некую силу, власть, таящуюся внутри него, но на самом деле все было с точностью наоборот. При ее травмированном состоянии, его воздействие на нее было еще более сокрушительным и полностью подавляло ее и без того истощенное сопротивление.

— Сейчас я отнесу тебя обратно.

— Мне нужно... обтереться, — слетели едва слышные слова с ее дрожащих, опухших губ.

— Давай сначала поедим, наберемся сил, а после попробуем принять душ. Ты можешь лечь в постель и под одеялом снять платье, а я принесу тебе свежую рубашку. Ты обязательно помоешься, обещаю, хорошо?

Ее разум заикнулся на фразе "*снять платье*". Как она справится с этим? Она кивнула в согласии, лишь бы не находиться больше в туалете, и чтобы его руки, наконец, отпустили ее. Соломон отнес Хаос обратно к кровати, и боль в ее теле позаботилась о том, чтобы от стыда не осталось и следа. И с каждым его словом она боялась потерять контроль над своими чувствами, которые могли захлестнуть ее, лишив самообладания. Что бы произошло, не подавляй Хаос эти эмоции? В этот момент она поняла, что не знает как быть: подавить их или все-таки заставить работать их в свою пользу. Всею виной была боль, что душила ее и угрожала прорваться тошнотой.

— Милостивый Боже, — проронил Соломон, когда девушка вернулась в кровать. — Это просто ужасно.

Если бы не боль, которая буквально сводила с ума, Хаос бы уже давно съежилась от стыда.

— Я имею в виду тебя, насколько это было ужасно для тебя, — будто услышав мысли девушки, пояснил Соломон.

Мог ли он выдержать подобное? Настолько ли он силен, какой была девушка?

— О, Боже, тебе действительно нужен врач, — бормотал он, расхаживая взад-вперед, его голос казался взвинченным.

— Нет, — возразила Хаос.

— Я знаю, знаю, но я имею в виду, что тебе нужны настоящие обезболивающие, а не эта хрень детского назначения.

— Я... — Спустя несколько секунд ей удалось договорить: — В порядке.

Соломон усмехнулся, как ей показалось с гневом.

— Конечно, в порядке. И мы скоро тебя переоденем, но не смей двигаться.

Хаос разрывалась между болью, которой горело ее тело, и мыслями, будоражащими ее сознание, она прибывала в полнейшем смятении, метаясь между тем, что желала чувствовать, о чем хотела думать, и тем, что должна была. Ощущать вину и стыд казалось в порядке вещей, но противостоять чувству уязвимости — никогда не было ее сильной стороной. А когда приходило понимание, что она поступает правильно и верно мыслит, боль ударяла ее о стену смятения и погружала в отчаяние.

Девушка позволила Соломону дать ей другое лекарство, не заботясь о том, не было ли оно лишним. На тот момент она была согласна на все, лишь бы облегчить свои страдания. Она просто хотела заснуть. Погрузиться в темноту внутри себя и проспять в течение нескольких часов. А когда Хаос проснется, она будет в порядке.

Хаос не помнила, как уснула, и что предшествовало этому. Или как Мастер, в конечном счете, пришел за ней и забрал ее обратно. Она попыталась осмотреться, но не могла поднять голову. Наконец, она поняла почему. Ее голова была зафиксирована. Хаос узнала темные, с облупившейся краской, стены и быстро проплывающие потолочные светильники над ней.

Это были Залы Четвертого Этажа.

Осознание происходящего сковало ее паникой, и она не могла понять, почему находится здесь. Хаос уже бывала здесь однажды, в самом начале своего обучения. Хаос боролась с ремнями, оплетавшими ее тело, а омерзительный скрип каталки разрывал ее слух, как крики сотни бешеных летучих мышей, царапая колесами пол обветшалых коридоров, по которым когда-то бродили душевнобольные. Ее здравомыслие расколосось на миллион частиц, когда запах заплесневелой грязи разбудил в ней воспоминания, заставив Хаос неистово вырваться и биться всем телом о каталку.

— Нет, нет, — она тяжело дышала. — Нет, только не это, только не это! Пожалуйста! Я прошу прощения! Умоляю! — взмолилась Хаос, не понимая, чем заслужила повторение этого ада. — Простите, проооошу! Маааастер, помогите мне!

— Используем гидроодеяло. Нужно экономить электричество.

Глубокий спокойный голос Мастера послал волну паники через все ее тело.

— Нет! Мастер, нет, пожалуйста, простите, я исправлюсь, я все сделаю лучше! — слова разрывали ее легкие, пока она пыталась вырваться из наручников, а ее руки и ноги пылали огнем.

В голове Хаос прозвучал сигнал убираться отсюда, когда она увидела белое полотно, опускающееся на нее сверху. Но выбраться было невозможно, пылающая белая ткань обжигала все обнаженные части ее тела. Хаос все сильнее стискивала зубы, пока материя туго сдавливала ее. Громкое пыхтение вырвалось из ее рта, когда девушка попыталась увернуться от плотно прилегающей ткани к ее лицу, но твердые пальцы вернули ее голову на место.

— Держи лицо прямо, — прозвучал мягкий женский голос.

Хаос не узнала его. Это была Королева? Зачем ей это?

— Пожалуйста, прошу, — пропищала Хаос, плотно зажмурился глаза.

— Затягивайте ту же, — безмятежно пробормотал Мастер.

Ткань затягивали до тех пор, пока девушку не сплющило на кровати, и ее дыхание не стало поверхностным. Не в силах остановить рыдания вперемешку с тяжелым пыхтением, Хаос широко раскрыла рот. Ей нужно унести мысли далеко отсюда, настолько далеко, насколько бы это позволил ее разум.

Но они опережали ее, двигаясь слишком быстро.

— Установите на триста вольт для запуска.

Сотрясаясь от ужаса, Хаос продолжала упорно бороться. Но порочный вздох, раздавшийся рядом, подавил ее борьбу, когда Мастер скользнул пальцами по ее ступне, затем по ноге. Мольба прекратилась. Осталось единственное желание — выжить. Хаос напрягла каждый мускул, натягивая сдерживающие ее ремни, ожидая толчка, который должен был очистить ее от всего. Всего: от содержимого ее кишечника и мочевого пузыря до ее оскверненного нечестивого сознания.

Разряды тока, словно гигантский дикий медведь с металлическими острыми зубами, пронзили ударом ее тело, заставив хаотично сокращаться каждую мышцу, пробираясь до самых костей и мозга.

— Проснись. Эй! Проснись!

Хаос не была до конца уверена, насколько это было возможно, она словно стояла на краю пропасти, но цеплялась за голос, вытягивающий ее оттуда, вытягивающий ее из ужаса.

— Тебе приснился кошмар, — до Хаос донеслись слова с придыханием.

Оборванные вздохи вперемешку с приглушенными криками наполнили ее слух.

О, Господи Боже, надрывные звуки принадлежали ей.

— Я была... — Хаос по-прежнему ощущала, как от тока сотрясается ее тело. — Я... мне больно, — тяжело дыша, выталкивала она из себя слова, — я ничего не вижу.

— Ты довольно долго проспала, с тобой произошел несчастный случай, — быстро и успокаивающе объяснял Соломон. — Я нашел тебя в лесу, сейчас мы у меня дома, и меня зовут Соломон, ты помнишь?

Огромный вздох облегчения вырвался из ее легких, когда Хаос, наконец, поняла, как крепкой хваткой вцепилась руками в предплечья мужчины.

— Пока ты спала, я наложил бинты с лекарством на твои глаза, и, если ты откинешься головой на подушку, я смогу их снять, так как за время твоего сна, они сместились. Лекарство должно убрать отек.

— Пить, — прохрипела она.

— Да, конечно, — сказал Соломон. — Ты проспала десять часов подряд. Последний прием медикаментов, должно быть, дал тебе передышку. Я сниму бинты после того, как ты попьешь.

Да, только после того, как она попьет. Болезненно сглатывая, ощущая, насколько сильно садним горло, она опустила руки. Соломон приподнял ее голову и помог попить, вкус напитка был довольно странным.

— Сожалею, но придется попробовать моего травяного отвара для улучшения самочувствия. Должно помочь с болью и отеком. И он определенно работает: припухлость на губах уменьшилась почти вдвое.

Теперь она все вспомнила. Заключительная подготовка, заключительный этап, избиение. Это был не просто кошмар, все было реально. Но сейчас Хаос была в порядке. Она была далеко от того места, не на Четвертом Этаже. Хаос не назвала бы себя слабой, но это место вселяло в нее настоящий ужас. И дело было не в пытках, дело было в самом месте. Воздух там был густой, насыщенный неочищенными злыми душами.

Боже, она, должно быть, ужасно выглядела. Хаос попыталась припомнить, почему ее горло саднило гораздо сильнее, чем раньше. Язык словно распух и огрубел. Хаос мысленно оценила свое состояние, и тут же всплыли воспоминания о той мучительной боли, в которой она пребывала.

— Как ты себя чувствуешь? По шкале от одного до десяти, десять будет «потрясно».

Хаос вспомнила, как Соломон уже спрашивал ее об этом. Она чувствовала себя, пожалуй, на...

— Четыре.

Соломон испустил вздох, полный облегчения.

— Звучит намного лучше, чем один или два. Благодарю тебя, Боже.

Девушка повернула к нему голову, и он начал разматывать бинты. Он страстно благодарил Бога за удачу, что означало, он молился за нее. Эти странные чувства, вызванные его голосом, не позволили ей усомниться в этом. Чувства столь чуждые ей и оттого отталкивающие.

Боль ударила в глаза, когда он, наконец, снял последний бинт с кожи ее век.

— Постарайся не двигаться и держи глаза закрытыми, хотя бы недолго.

— Ты врач? — изумленно спросила Хаос, повернув нос на запах еды.

При мысли о вкусном обеде ее желудок тут же ожил.

— Не совсем так. Но у меня есть небольшой опыт. Я прошел пару курсов по кинезиологии, вот и все.

— Это что, еда так пахнет?

— Да! Ты голодна?

Хаос поспешно кивнула, казалось, она умрет, если не поест сию же секунду.

— Еда уже на подходе. Дай мне пару минут, я подогрею обед.

Пока Соломон о чем-то болтал в процессе готовки, Хаос сосредоточилась на том, чтобы заставить свои глаза видеть и фокусироваться. Наконец, она набралась смелости и открыла их, испустив бесшумный вздох триумфа. Ее череп пронзила острая и резкая боль, но она не остановилась, ей нужно было видеть. Ей нужно было, наконец, увидеть, где она находилась.

Нет. Ей нужно было, наконец, увидеть самого Соломона.

— Постарайся не перенапрягаться, — окликнул он через комнату.

— Надоело быть слепой, — прошептала Хаос, изо всех сил стараясь сосредоточиться и медленно осмотреться.

Комната казалась довольно большой. Преобладающие цвета в интерьере можно было назвать теплыми. Она проследила взглядом за его силуэтом, когда Соломон направился к ней, и ее тело отозвалось напряжением. Хаос пристально разглядывала своего спасителя, когда он занял место у кровати рядом с ней, зрение казалось размытым, затем, наконец, сфокусировалось, а потом все опять поплыло у нее перед глазами.

— Постарайся не моргать слишком часто, — предупредил он, опасаясь, что она недостаточно готова для такой нагрузки.

Когда перед взором Хаос предстала ясная картина, ее глаза не желали слушаться. Хаос

не ожидала, что ахнет от неожиданности... она и представить не могла, что этот чарующий голос принадлежит именно этому молодому человеку. Какое противоречие. Дело было не в его габаритах, которые определенно удивили ее — мужчина среднего телосложения, которому определенно соответствовал его голос — дело было в его красоте.

— Не то, чего ты ожидала? — спросил Соломон, опустив глаза к тарелке, в которой помешивал суп.

— Я... никогда не видела...

— Такого беспорядка? — мужчина усмехнулся своим бархатным голосом, и этот звук медленно распространился теплом по ее коже.

— Такой красоты, — поправила его Хаос, не слишком беспокоясь, что термин подобран не к месту.

По комнате разнесся раскат смеха, который дал ей понять, что это не совсем то, что Соломон ожидал услышать, но это определенно показалось ему забавным. Хаос опешила, что он так веселился над столь значимыми вещами. Какой властью был наделен этот исключительный звук. И эти глаза. Они светились ярко-синим цветом, что напомнило ей, как переливалось стекло специальных бабушкиных кувшинов для масла, когда на них падали солнечные лучи. Хаос всегда привлекали эти сосуды. Она представляла, что когда-нибудь у нее будет платье такое же сверкающее, как эти цветные стекла.

— Ты не шутишь, — наконец изумленно произнес Соломон, осознав искренность ее слов.

— Нет.

Хаос посчитала странным, что Соломон ей не поверил, потом вспомнила, что он просто не мог знать, что она не из тех, кто лжет. Мастер всегда учил говорить с ним откровенно и напрямую. Он не терпел обмана и прочих уловок.

— И все еще голодна, — вспомнила Хаос, когда предвкушающе посмотрела на блюдо, что стояло на его коленях, почувствовав, как сжался ее желудок.

Хаос наблюдала, как он еще раз перемешал пищу. Затем Соломон поднес ложку к губам и подул, охлаждая содержимое. Она пыталась проморгаться, чтобы лучше изучить его рот. Каждая черта его лица была идеальной. Острый, прямой нос, пухлые губы. Даже волосы, растущие вдоль его подбородка, лишь подчеркивали его совершенство. Казалось, Соломон был красивее любой женщины, которую она когда-либо видела, а видела Хаос немногих, может, лишь горстку женщин в Ордене. Несомненно, Королева была прекраснее всех. Хаос не отличалась выдающейся внешностью, что не сильно ее беспокоило. Мастер говорил, что красота — это порок, облаченный в шелка туфли, и что Хаос была прекрасна в своей убогости. Внезапно знакомое чувство гордости, что она обычно ощущала, отозвалась уколом резкой боли в груди. Хаос всегда была довольна тем, кто она есть, и какое предназначение несла в этом мире. Она принадлежала Ордену Искупления, где не имело значения, как она выглядит.

Когда Соломон вдруг протянул ей ложку, Хаос наклонилась навстречу ему, стараясь не спешить, чтобы не испачкаться. Он кормил ее очень медленно и осторожно. Хаос боролась с желанием выхватить тарелку из его рук и накинуться на еду, как изголодавшийся зверек. Но силой воли она позволила Соломону растянуть прием пищи на три вечности, чтобы поместить содержимое тарелки в ее ненасытный желудок. А учитывая то, что приготовленная им пища была невероятно вкусной, это было больше похоже на пытку.

— Еще?

— Пожалуйста, — ответила Хаос.

Соломон ответил легким кивком, а Хаос опять уставилась на его рот. Неужели он всегда выглядел таким твердым и решительным? И вновь ее взгляд вернулся к его глазам.

— Ты продолжаешь пялиться на меня.

Соломон впился в девушку взглядом, заставив ее отвернуться. Мастер всегда смотрел на нее с твердостью, так что Хаос знала, что делать в этом случае, и она отступила. Она уставилась на свои колени, прогоняя всплывшие воспоминания. В испытующем взгляде его сияющих глаз было что-то совершенно отличающееся. Казалось, он смотрел глубже, видел больше, чем она хотела показать. Особенно, когда она была настолько уязвима, словно сломанная «подергай-меня-за-ниточки» кукла-марионетка.

— Еда была очень вкусной.

— Верно, — с облегчением в голосе ответил Соломон, поспешно удаляясь.

Хаос наблюдала, как он шел на кухню. Мужчина был очень странным. Все, что он делал и как делал, было странным и очень далеким от ее понимания. Осторожным, медленным, нежным. Это было таким контрастом по сравнению с суровыми линиями его красивого лица. И тут Хаос осенило. Может, он принял ее за инвалида. Такими были многие люди в городе.

— Я нормальная. Ну, знаешь...

Наступившая тишина заставила Хаос почувствовать себя с точностью до наоборот.

— Ну, конечно, — заключил Соломон, — Я заставляю тебя чувствовать себя ненормальной?

Она рискнула поднять глаза и взглянула на него.

— Ты просто... обращаешься со мной... как будто во мне что-то не так.

— С тобой произошел несчастный случай, ты травмирована, и я отношусь к тебе ровно так, как относился бы к любому, пережившему подобное. Я просто стараюсь быть осторожным с тобой.

— Что ты имеешь в виду?

— Стараюсь не напугать тебя или причинить вред, или случайно поранить.

Наконец, Соломон вернулся, и Хаос продолжила изучать каждое сделанное им движение. Избыток грации и мощи в его конечностях указывали на то, что мужчина был физически развит. Причин этому могло быть множество. Борьба, танцы. Может, какой-то вид спорта?

Убрав тарелку в сторону, чтобы та оказалось вне ее досягаемости, Соломон поспешил в дальний угол комнаты. Несколько секунд спустя он вернулся, что-то вытирая своей футболкой. Вспышка загорелой кожи, покрывающей тугие мышцы, мелькнула из-под ткани и заставила дрогнуть внутренности Хаос, из-за... страха, подумала она.

Он сел и передал ей плоский предмет квадратной формы.

— Может быть, если ты увидишь то, что вижу я, — мягко проговорил Соломон, — тогда поймешь меня.

Хаос уставилась на вещицу, которую он протянул ей, понимая, что это зеркало.

Она взяла его, но не осмеливалась поднять к лицу. Почему должно иметь значение, как она выглядела? Почему это было таким важным для него?

— Или можно подождать, — торопливо произнес он с тем же беспокойством в голосе, что и всегда.

— Я могу посмотреть.

— Уверен, что можешь, но, может, стоит подождать, возможно, еще слишком рано.

— Слишком рано для чего? — спросила она, чувствуя нарастающее раздражение. —

Просто скажи мне, о чем ты на самом деле думаешь.

— Ну... в действительности, я думаю, когда ты увидишь себя, то поймешь, почему я так забочусь о тебе.

Соломон еще больше запутал девушку.

— И мне еще слишком рано узнать это?

— Нет, — сказал он успокаивающе. — Я имею в виду... что зрелище не для слабонервных, и это может сильно тебя огорчить.

Каким же забавным он был.

— Мое отражение никогда не отличалось особой красотой, — пояснила Хаос, поднимая зеркало перед собой.

Ее желудок сжался, когда она взглянула на свое отражение в зеркале. Вау. Повернув голову сначала вправо, затем влево, девушке пришлось признаться себе, что вид у нее был гораздо хуже, чем она ожидала. Однажды Хаос читала книгу о человеке с очень сильным уродством. О человеке-слоне. Девушка прикоснулась к припухшей щеке и ткнула в черное пятно под глазом. Вокруг глаз расплылся большой отек, все распухло, и кожу украсили различные оттенки синего, черного и пурпурного. Так много оттенков.

— Могу я узнать твое имя?

Хаос оценивающе рассматривала мужчину. Что еще за имя он хочет получить от нее?

— Чтобы я как-то мог обращаться к тебе?

Немного внутренне расслабившись, девушка раздумывала, что ответить Соломону. Что бы такое придумать? Например, что-то вроде Хаос? Безмолвие было ненамного лучше. А Избранная звучало слишком... высокомерно.

— Ты помнишь свое имя?

Хаос покачала головой, хотя это не было ответом на его вопрос. Каждое ее имя было неуместным и не казалось *нормальным*. Хаос, Безмолвие, Избранная. До этого ее называли Малышкой, и ей никогда не нравилось это имя. Хаос была не против использовать свои церемониальные имена, но она находилась вне Ордена, и было бы глупо назваться так Соломону. Особенно если она пыталась... так что же она пыталась сделать? Вернуться вместе с ним. Это нормально? Возможно — нет. Оставить в тайне то, кем она была и обманом заманить его, — так было бы гораздо больше шансов исполнить свое предназначение.

— Хаос, — наконец, решила она.

— Прости, что?

— Мое имя Хаос.

— Твое имя?

Хаос уставилась на Соломона, не понимая замешательства, которое появилось на его лице, и, возможно, неприязни.

— Да. Тебе не нравится?

Она думала, ее имя нравится всем.

— Ты серьезно? Это твое настоящее имя или прозвище?

— Мое настоящее имя.

— Хаос, — повторил Соломон.

— Почему ты продолжаешь повторять это, как будто я не знаю, как меня зовут?

Впервые за все время губы Соломона изогнулись, рисуя что-то близкое к улыбке, но не совсем.

— Тебя *действительно* зовут Хаос. Не пойми меня неправильно, звучит довольно круто...

Хаос озвучила продолжение того, на чем Соломон прервался:

— Но...

— Прости, я был груб. Просто... я никогда не слышал такого имени. Возможно, тебя называли как-то еще?

— Например, как?

Соломон пожал плечами:

— Кей... Кей? Для краткости?

— Кей? — Хаос стало сложно сдерживать гнев. — Все зовут меня Хаос. Ни у кого не возникало с этим проблем.

Или ей хотелось так думать. С того момента, как ей дали новое имя, у нее не было возможности посетить собрания для проведения ритуала Осквернения, которые проводились раз в неделю.

— Верно, с моей стороны было глупо задавать лишние вопросы. У тебя необычное имя, я никогда не слышал ничего подобного.

— Ты никогда не слышал о Хаос?

— Да. Нет, я имею в виду, что знаю это слово, но как имя — встречаю впервые. Мое имя — Соломон Гордж. Тоже не самое популярное.

— Я знаю.

— Неужели?

Хаос терялась в догадках, как много из известного ей, она может рассказать ему. На самом деле Хаос знала только его имя.

— Это был сон, я видела тебя, — девушка солгала только отчасти.

— Меня?

— Только твое имя.

Соломон молчал долгое время, и она опять посмотрела на него. Увидев тревогу на его лице, девушка пожалела о том, что рассказала ему.

— Это ты... звала меня по имени? — наконец, спросил он.

От внезапного вопроса Соломона, сердце Хаос отозвалось сильными ударами в груди. Она вдруг почувствовала, что они добрались до главной точки пересечения их дорог в выполнении этой миссии.

— Это была я? — Хаос ответила вопросом на вопрос, предоставляя право первого хода Соломону.

Если он и в правду слышал ее зов, значит, был гораздо сильнее, чем она думала; ей следует быть осторожной с ним. Нельзя допустить, чтобы кто-то столь могущественный узнал о ее намерениях. Она была уверена, Мастер мог предвидеть подобные вещи. Когда дело дошло до исполнения миссии, Хаос не задавалась вопросами: что и как, словно это было не ее место и не ее дело. Она просто доверяла Ордену.

— Я услышал свое имя. Во сне. В ту ночь, когда нашел тебя. Ты звала меня, когда уже была ранена?

Страх того, что он слышал ее мысли, заставил Хаос опустить свой взгляд на колени. Она могла думать только о напряжении и растущем раздражении в голосе Соломона. Почему он звучал именно так, а не иначе? Соломон был зол, что она нарушила его покой?

— Да, — ответила девушка, сочтя это подходящим ответом.

Соломон вздохнул и откинулся в кресле.

— И почему я не услышал тебя до того, как ублюдок чуть не убил тебя?

Хаос быстро взглянула на него. Каким же странным, очень странным он был. Хаос ожидала, что выбранная жертва будет представлять из себя что-то большее... ну, или меньшее, но никак не Соломона Горджа.

— Зачем бы тебе это было нужно?

Возможно, это было частью плана. Может быть, эти необычные черты характера мужчины как раз были необходимы для осуществления Осквернения. Раз и навсегда разрушить проклятье ритуалом, который проводился один раз в жизни.

Судя по его выражению лица, он тоже считал ее странной. Мастер не выбрал бы его, если бы они так кардинально не отличались чертами характера; несомненно, дело было в этом.

— Как... ты можешь даже говорить такое? — сдавленно проговорил Соломон. — С чего бы мне *не хотеть спешить тебе на помощь*, вот в чем твой вопрос?

— Это не вопрос.

— Ну, тогда я задаю этот вопрос, — потребовал он.

Вызов в его голосе породил ее собственный.

— Я первая спросила.

Соломон раскинул руки в стороны, пожимая плечами.

— Ты это серьезно? Предполагается, что нужно помогать людям.

Негативная реакция мужчины на происходящее, которую она получила, вызвала на лице Хаос легкую улыбку.

— Я просто дразнила тебя. Конечно, ты должен был помочь, и я рада, что тебе удалось меня услышать. Как ты это сделал?

Казалось, смена тактики Хаос сработала.

— Я не знаю, — ответил Соломон. — А как это *сделала ты*?

— И я не знаю, — ответила Хаос.

Они сидели в тишине до тех пор, пока Хаос не опустила свой взгляд вниз и не произнесла:

— Мне нужно в уборную. Думаю, у меня получится справиться самостоятельно.

Соломон тут же подскочил с места, чем заставил мышцы девушки напрячься.

— Прости.

Он заметил такую мелочь?

— Мне следовало спросить об этом.

Одно упоминание о ванной комнате заставило изнывать все ее тело, и Хаос постаралась сосредоточить все свои усилия на достижении этой цели. Она медленно стянула одеяло.

— Я справлюсь, — остановила она Соломона, когда тот попытался помочь ей передвинуться на край кровати.

Хаос посмотрела вниз на свое некогда безупречно красивое красное платье, теперь рваное и с засохшими пятнами крови. Пожухлые листья прилипли к ткани, смешавшись с причудливыми узорами на подоле. Хаос до сих пор не могла понять, почему Мастер сделал это с ней. Она лишь знала, что всему есть причина.

— Мы почистим твоё платье, как только тебе станет лучше. Не нужно торопиться, пусть все идет своим чередом. Пусть твоё тело исцелится.

Хаос не могла согласиться. Ей было нужно в душ.

Дрожа от изнеможения, девушка опустила ноги и, выпрямившись, села на краю кровати. Как она могла так быстро устать?

— Хотя бы держись за мою руку, — настаивал Соломон.

Хаос решила принять предложенную им помощь, несмотря на все последствия, которые придется пережить от прикосновения к его коже. Она крепко схватилась за него, когда Соломон зафиксировал ее руку вокруг своего запястья и прижал ее предплечье к своему.

Мужчина немного наклонился до ее уровня, чтобы помочь Хаос медленно встать. В течение нескольких секунд она не двигалась, задыхаясь от боли.

— Позволь, я отнесу тебя, — взмолился Соломон.

Хаос покачала головой.

— Я справлюсь, — выдохнула она.

— Господи Иисусе, — бормотал Соломон, когда Хаос сосредоточилась, делая свой первый шаг.

У нее перехватывало дух, пока она переставляла ноги, шаг за шагом, добираясь до двери, ведущей в ванную. Соломон потянулся и открыл ее.

— Я собираюсь отвести тебя в ванную, попробуй сделать все сама. Но если вдруг возникнут сложности, лучше позови меня.

Она смогла только кивнуть, когда он подвел ее к унитазу. Соломон развернул ее в удобное положение.

— Ухватись правой рукой за сушилку для полотенец, — подсказал он, помогая ей все сделать правильно. — Я буду рядом.

Дождавшись, когда он уйдет, Хаос вцепилась в поручень сушилки и начала медленно поднимать подол платья. На ней не было трусиков. О, Боже. Она попыталась вспомнить, были ли они на ней раньше. Она попыталась вспомнить все, что было на ней одето, и от этих попыток ее накрыла паника. Вспышки боли охватили все ее тело, как только она начала вспоминать.

— Ты в порядке? — позвал Соломон.

Резкий крик отразился от стен комнаты, когда она слишком быстро плюхнулась на унитаз.

— Что-то не так?! — воскликнул Соломон, обеспокоенно переминаясь с ноги на ногу за дверью.

— Я в порядке, — сдавленно ответила Хаос, содрогаясь от недомогания, сидя на унитазе. — Я в порядке, — повторила она, выдыхая, словно убеждая себя в этом. — У меня получилось, — прокричала она, преодолевая боль, которая огнем прошла по ее позвоночнику, как только опустел мочевой пузырь.

— Боже мой, — прошептала девушка, задыхаясь от разгорающейся агонии, когда вспышки воспоминаний скрутили ее внутренности.

— Ты точно в порядке? — попытался в очередной раз удостовериться Соломон, чей голос на этот раз звучал слишком обеспокоенно.

Она покачала головой, желая сказать «нет», но сдержалась.

— Да, все хорошо, — Хаос старалась говорить громко и твердо, достаточно убедительно для Соломона. — Я бы хотела принять душ.

Он задержал дыхание, не веря в эту затею с самого начала.

— Ты точно уверена?

— Я смогу помыться, если у меня будет стул.

— Стул. — Услышала она его бормотание. — У меня есть тут один. Ты хочешь, чтобы я поставил его в душевую?

— Мне нужно... закончить.

— Скажи когда, и я все устрою.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Раздвинув ноги, Хаос задержала дыхание, понимая, что боли не избежать, когда будет

приводить себя в порядок. Но когда она, наконец, дотронулась до себя дрожащей рукой в месте, требующем внимания, она не почувствовала боли. Пребывая в полном смятении и тяжело дыша, она обследовала себя там. Тревожные ощущения возросли, когда она прочувствовала под пальцами, что это было не то, чего она ожидала. О, Боже, нет. Бабушка ничего не говорила о таком, разве она не должна была предупредить ее? Она должна была подготовить Хаос к этому!

Борясь с нахлынувшей истерикой, она зажмурила глаза. Она удостоилась чести стать Сосудом Ордена Искупления, но она не была до конца готова ко многим вещам. Почему? И что теперь это значит? Для миссии, для Ордена? А Мастер, он знал? Изменит ли он свое решение? Может, предполагалось, что она сама себя подготовит? Но как?

Хаос попыталась вспомнить, говорили ли ей что-нибудь об этом, может, она неправильно истолковала данные ей инструкции?

На протяжении всего времени она старалась не потерять равновесие, используя все свои силы, чтобы удержаться на дрожащих ногах. Стоя посреди комнаты, Хаос зажмурилась на несколько секунд, перед тем как смогла выдавить из себя:

— Можно.

Соломон открыл дверь, и девушка старалась не смотреть на него; неужели может быть еще более стыдно, чем сейчас? Он поставил в душевую кабину стул.

— Как ты собираешься раздеваться? — ужаснулся Соломон.

— Я справлюсь.

Хаос всегда со всем справлялась, она всегда как-то выживала и раньше, а сейчас нужен был просто душ.

— Сзади на платье, скорее всего, есть молния, я могу облегчить тебе задачу. Ты позволишь?

Хаос кивнула, не отрываясь руками от поручня сушилки, боясь упасть на пол.

— Сначала я организую в душе все так, как надо.

Отодвигая рукой хлипкую занавеску, Соломон открыл доступ внутрь и стал наводить порядок.

— Я положу все, что тебе потребуется, на нижнюю полку, чтобы можно было спокойно дотянуться.

Хаос снова едва кивнула, ее мышцы все хуже и хуже справлялись с той позой, в которой она застыла, девушка обессилила от напряжения.

Наконец, после того как Соломон закончил приготовления, он подошел к Хаос.

— Не шевелись, я посмотрю. — Через пару секунд он пробормотал: — Кажется, нашел. Сейчас я медленно расстегну платье.

Впервые она поняла, что его осторожность оказывает позитивное влияние на ее тело, чего нельзя было сказать о ее разуме, который противился по некоторым очевидным причинам. Звук расстегивающейся молнии сопровождался причитаниями Соломона о том, что это не просто синяки, а, возможно, и переломы ребер.

Переломов точно не было. Мастер никогда бы не сотворил того, что угрожало бы ее жизни, он лишь заставил ее жалеть о том, что она не умерла. И сейчас как раз тот момент, когда она бы предпочла не жить, но многие детали ее миссии отсутствовали, это и поглотило все ее мысли и душу.

— С остальным я справлюсь, — прошептала Хаос, все еще не в силах поднять на него взгляд.

— Я буду прямо за дверью, — ответил Соломон, стоя ближе, чем ей хотелось бы.

Наконец, он вышел и закрыл за собой дверь, а Хаос приготовилась к путешествию в душ, отчетливо ощущая, как ее тело производит обратный отсчет перед полной отключкой. Только три шага к кабинке. Один за другим. Она верила, что сделает это. Дрожащей рукой девушка потянулась в направлении опоры.

В ту же секунду всплыли мысли о бабушке и о годах подготовки. Она заняла место своей матери. Хаос никогда не видела свою мать, но в мыслях она все же могла соединить остатки воспоминаний в единую картину. Бабушка отвечала на все ее вопросы, поддерживая внучку, когда та спасла свою мать от предательской судьбы и избрала для себя верный путь. Теперь это ее судьба, которая заключалась в искуплении и спасении, и предполагалось, что этот выбор осчастливит ее. Хаос будет счастлива преподнести такой дар своей матери. Особенно в благодарность за то, что та произвела Хаос на свет.

Блестящее и яркое выпускное платье сейчас висело на ней, словно погребальный наряд, в котором Хаос не так давно гордо несла себя. Она вспомнила, как платье, смыкаясь на ее талии тугим корсетом, обнимало ее словно преданный любовник, но стоило только вынуть руки из бретелек, как роскошный наряд тяжело упал на пол.

— Я действительно считаю, что должен помочь тебе сесть на стул в душе, — послышался настойчивый голос Соломона по ту сторону двери, как только Хаос добралась до кабинки.

Она изучала стул перед собой, словно он был за версту от нее, в предательски бескрайней долине, осознавая, насколько Соломон был прав.

Хаос силилась ответить ему, но не смогла, будучи вымотанной, казалось, бесконечным путем длиною в три шага. Она чувствовала, что была почти за чертой смерти. Еще немного, и она раскинется на полу во всей своей неприкрытой непристойности, если сейчас же не сядет. Нужно довести дело до конца.

Едва удерживаясь на онемевшей ноге, она перебросила вторую ногу за бортик душевой. Еще один шаг. Крепясь, она ухватилась за смеситель и нырнула головой под потоки воды. Хаос сохраняла неподвижность и громко захлебывалась, пока разум и тело приходили в гармонию друг с другом. Сделав воду чуть горячее, перегруженная воспоминаниями, Хаос не заметила, как пар вернул ее во времена удушающего плена белых простыней.

Хаос устала вниз на стул, словно тот был последним в списке ее испытаний, прежде чем она потеряет сознание. *Пожалуйста, пусть она доберется до стула.* Хаос очень медленно развернулась. Один мучительный дюйм за раз. Рвавший из нее вскрик ликования постепенно перерос в звуки настоящего бедствия, когда Хаос лицом встретилась с потоком воды. Оперевшись руками о стены, она стала хныкать, глотая воду.

Девушка осторожно опустилась на стул.

О, Боже. Еще больше всхлипов вырывалось наружу, пока она боролась за каждый вздох, стоя под шквалом воды. Затем ее голый зад приземлился на твердую поверхность, и теплое покалывание пронеслось по ее телу, больно ударяя в основание черепа, грозясь вызвать у нее рвоту. Борясь с собой, чтобы не потерять сознание, она почувствовала, как ее вновь накрывает волна головокружения, Хаос покачнулась влево. Перед глазами предстало видение, как Соломон поднимает ее обнаженное тело с пола, что заставило ее остаться в сознании.

Целых пять минут Хаос сидела под теплой струей воды, понимая, насколько глупа была *ее затея*. Что она делала? Хаос была вся словно одной открытой кровоточащей раной. И

безрассудство не помогало очистить эту рану. Не было никакого утешения, ни шанса излечиться и стать такой, какой она была раньше.

Ее страдания все усиливались, а она продолжала сидеть неподвижно. И что теперь? Внезапно в ней стало подниматься странное желание умереть, а предстояло еще вымыться и распутать волосы. Желание умереть, казалось, стало навязчивой идеей, оно пронизывало ее сознание, сочилось из каждой поры. Она была слишком изломанной, чтобы надеяться на восстановление. Это выглядело так, словно все эти годы она потратила впустую, и, приблизившись к исполнению своего предназначения, она оказалась совсем не подготовленной. Сосуд Искупления не был готов получить жертву.

Все годы подготовки и невыносимых страданий будто медленно сочились из ее пор и вытекали вместе со слезами из ее глаз, наряду с непоколебимой храбростью. И в этот момент желание вернуться в кровать стало преобладать над всем остальным. Его кровать. Забыться сном, в котором все это закончится.

— Милая, ты в порядке?

Милая. О, Боже, этот голос. Чертов голос. Эта сила смешивалась с эффектом горячей воды, с болью, с агонией, отчаянием, очевидное просто невозможно отрицать. Хаос боролась с собой, чтобы сдержать низменные порывы, которые породила обжигающая, давящая боль в ее груди и уже подступала к горлу.

— Хаос, прошу, ответь мне, — взмолился Соломон за дверью.

Дрожь сотрясала ее тело, пока Хаос, не меняя положения, сидела и удерживала ладони по обе стороны от себя; как же много сил она потратила, чтобы оставаться в сознании. Казалось, будто, если Хаос раскроет рот, чтобы ответить мужчине — это лишит ее последних сил.

Наконец, из не вырвался долгий всхлип, и Хаос проиграла битву с собой.

Дверь в ванную комнату распахнулась, и занавеска душевой рывком отлетела в сторону. Хаос не могла даже пошевелиться, она могла только сидеть на месте, ее голова налилась свинцом и стала слишком тяжелой для того, чтобы ее поднять, а руки, как распорки у стены, удерживали ее от падения. Если она опустит руки, то все вокруг неизбежно обрушится на нее. Все это.

— Я держу тебя, — сказал Соломон, когда его сильные руки обвили ее талию.

Ее душу за секунды разорвало на части от ощущения власти в его твердых объятиях и звучания этих трех простых слов, которые он произнес. И все те вещи, которые раньше были для нее недостижимы, вдруг пронзили ее насквозь. Словно крик сотни воскресших душ, на Хаос обрушились рыдания.

— *Сломлена!* — кричали они все. — *Растерзанна! Сожжена! Измучена!*

Вся непомерная тяжесть чужой трагедии, которая волной за волной обрушивалась на нее, изливалась из нее горькими слезами и удушающими криками.

Хаос смогла ощутить полноту эмоций, только освободив все, что накопилось разом. Надвигающийся гнев Ордена. Она потерпела неудачу, и не имеет значения, кто несет ответственность за все это. Девушка возьмет всю вину на себя, как это происходило всегда. Сосуд Искупления должен быть чем-то средним между оскверненными и искупленными. Она облажалась не только перед Мастером, но и перед Королевой, перед всем Орденом. И за все придется платить. Правила должны быть четко соблюдены, иначе возвращение к нормальности не сможет быть продолжено. Хаос была в этом уверена.

В отличие от девушки, Соломон никогда не подвергался таким мучениям. Он даже слабо себе представлял, как можно было выжить с такими травмами. Соломон вновь задался вопросом: *что, во имя Бога, пережила Хаос?*

Бесконечные опустошающие, щемящие душу рыдания, которые она изливала, будут преследовать Соломона день и ночь. Никогда раньше он не слышал и не чувствовал ничего подобного. Никогда. Мужчине оставалось только держать ее содрогающееся тело в своих объятьях, бесцельно повторяя ласковые слова, пытаясь успокоить ее, снова и снова, до тех пор, пока этот удушающий, охвативший их стресс не отпустит обоих.

Наконец сильные рыдания девушки превратились в тихие всхлипы, все ее тело вибрировало от рваного дыхания, пока Хаос буквально не свалилась на него без чувств.

Соломон выключил воду в душе одной рукой и дернул полотенце с сушилки за своей спиной. Укутав ее большим полотенцем, стараясь не разглядывать изгибы тела девушки, он медленно поднял Хаос на руки и аккуратно понес к кровати. Когда он попытался уложить ее, руки девушки обернулись железной хваткой вокруг его шеи, заставляя лечь вместе с ней. Устроившись поудобнее в колыбели его объятий, Хаос лежала, не размыкая век, пока он просовывал одеяло между ее обнаженным телом и своим. Вытянув светлое стеганное покрывало, сложенное у подножия кровати, Соломон полностью укрыл ее.

Соломон сделал несколько глубоких вдохов, стараясь достичь спокойствия и относительного комфорта, пытаясь прокрутить в уме все, что произошло, и осознать, что же ему теперь с этим делать дальше. Казалось, он угодил в какое-то совершенно ужасное дерьмо — вот где он был, лежа в своей постели с совершенно незнакомым человеком. И тут до него дошло, что причина в ней — с девушкой определено было что-то не так. Он не был уверен, что именно, но ее фраза "знаешь, я нормальная" поразила его. Она определено не была нормальной. И ему предстояло выяснить, что же с ней не так. Девушка не казалась умственно отсталой. Но в некоторой степени у нее был настоящий психоз. Гребаная драма, что развернулась в ванной, кристально чисто давала понять, что ее травма корнями уходила гораздо глубже этого ужасающего события.

Боже, во что он вляпался?

Следующие два часа Соломон лежал рядом с ней, напевая ту же мелодию, что он пел в первый раз, когда стал свидетелем ее ночных кошмаров. Он старался не уснуть, перебирая все возможные варианты, как помочь девушке и присмотреть за мисс Мэри. Это был по-настоящему неудачный момент, ведь он также нес ответственность и за ее зоопарк. Ко всему прочему, нужно регулярно проверять двенадцать ловушек, расставленных на диких животных. Его сверхактивная инициатива теперь подгоняла Соломона, кусая за зад. Зная с чем ему придется столкнуться, он бы не установил ловушки с приманками.

Соломон застыл, услышав царапающий звук, исходящий от передней входной двери. Он лежал неподвижно, вслушиваясь. Скрежет повторился, заставляя его сердце неистово колотиться, отдаваясь ударами в желудке. Очень осторожно, выпугавшись из рук Хаос, Соломон на цыпочках подкрался к своему дробовику. Избегая скрипучих половиц и окон, он пробрался к двери. Держа дробовик наготове в одной руке, второй он резко дернул засов и с грохотом распахнул дверь, нацелив ствол.

Опустив взгляд, Соломон нашел источник звука. За дверью сидел абсолютно белый волк; склонив голову набок, он изучал мужчину. Неординарность ситуации усилила волнение, разрастающееся в его груди, пока Соломон продолжал наблюдать за животным, высунув голову за порог. Прочесывание каждого дерева в окрестности его владений займет время.

Волк тихо заскулил.

— Кыш, — прошептал Соломон. — Проваливай.

Но для *волка*, видимо, это означало: "Добро пожаловать, мой друг! Чувствуй себя на моем крыльце как дома, ляг и передохни". Соломон просканировал взглядом окрестности еще раз в поисках хозяина зверя. Не было ни единого шанса, что столь красивый волк никому не принадлежал. Чего они хотят, и что делают так близко к его дому?

Соломон закрыл дверь и запер ее на замок, что и ожидалось от владельца, который не желал визита незваных гостей, если те все-таки резвились где-то неподалеку в лесу, в чем он сильно сомневался. Мужчина положил ружье рядом с кроватью и повернулся, чтобы проверить своего спящего пациента; Соломон подпрыгнул от испуга, обнаружив Хаос, сидящую у изголовья постели, выставив свою наготу на обозрение.

Отвернувшись вправо, он, используя свое периферическое зрение, сделал несколько шагов в ее сторону.

— Хаос? — Она не шевельнулась, и Соломон щелкнул пару раз пальцами перед ее лицом. — Эй, — прошептал он.

— Осквернение из всех Осквернений должно продолжаться, — выдохнула она.

Страх заставил Соломона посмотреть в ее направлении, нужно было убедиться, в каком она состоянии, возможно, девушка все еще спит.

— Хаос? — настойчиво продолжал звать он.

Ее резкий, внезапный крик привел его тело в действие: Соломон сел на кровать позади нее и обхватил ее за плечи в успокаивающем жесте. В ту секунду, как он коснулся Хаос, она, наконец, выдохнула, словно долгое время задерживала дыхание.

Соломону с трудом удалось не смотреть на ее обнаженную грудь, когда Хаос рывком придвинулась к нему.

— Ты уснула, — нервно выдохнул он, поднимая руку к лицу, закрывая себе обзор. — Это был просто сон. Пожалуйста, прикройся.

Словно только сейчас осознав свою наготу, Хаос потрясенно вздохнула.

— Ты села, потом что-то проговорила и начала кричать. Могу я открыть глаза, ты уже оделась?

— Я... да. Что ты имеешь в виду? Я не... я не могу кричать.

Соломон, наконец, посмотрел в ее сторону, сбитый с толку.

— Что значит, ты не можешь кричать? Кто тебе такое сказал?

Хаос плотнее затянула полотенце на своей груди, и взгляд Соломона упал на покрытую синяками кожу на ее шее. У нее на теле осталось хоть одно живое место?

— Я имею в виду... я физически не могу этого сделать, — пояснила девушка.

— Тогда только что у тебя это получилось.

— Неужели? — прошептала Хаос изумленно. — Я правда кричала?

— Да, — кивком подтвердил свое утверждение Соломон, медленно пересаживаясь дальше от нее на несколько футов, все еще потрясенный ее словами. — Ты сказала... что-то про осквернение. — Хаос опустила голову, не найдя, что ответить. — Ты помнишь?

Она покачала головой.

— На самом деле, нет.

Развернувшись, Соломон встретился с девушкой лицом к лицу.

— Хаос... поговори со мной. Расскажи мне, что происходит.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, не глядя на него.

— Я имею в виду, откуда ты? Где твоя семья? Разве они не беспокоятся о тебе?

— У меня нет семьи, — девушка покачала головой.

Настала его очередь затрясти головой в неверии.

— Хаос, что ты скрываешь от меня? Я знаю, ты что-то не договариваешь.

Девушка уставилась на него широко распахнутыми глазами.

— С чего ты взял? — спросила она с любопытством.

— Я это нутром чувствую, и твой голос выдает тебя.

Она казалась удовлетворенной его ответом. Затем Хаос опустила взгляд на колени.

— Я... обещаю тебе рассказать потом.

— Когда?

Хаос слегка пожала плечами.

— Когда... первые потрясения улягутся.

— Я просто хочу знать, где твоя семья.

— Я не могу, — прошептала она.

Страдание в ее голосе заставило Соломона почувствовать себя засранцем. Но он должен был знать правду.

— Когда ты собираешься вернуться домой? — Она снова в отрицании покачала головой. — У тебя ведь есть дом, не так ли?

Она ответила еще более глубоким молчанием, продолжая изучать свои колени.

Соломон тяжело вздохнул.

— Я заключу с тобой сделку. Ты можешь побыть здесь еще пару дней, а потом ты отправишься домой. Или все мне расскажешь. Выбирай: первое или второе. Идет?

Она ответила не сразу, но спустя несколько минут, наконец, кивнула.

— Идет.

Два дня. У Хаос было два дня, чтобы придумать какой-нибудь план. План для чего? Она даже не знала до конца, каких результатов от нее ждут. Не знала, как это сделать. Ее даже нельзя назвать опытной женщиной, как она должна проверить такое? И то, как Соломон отвергал ее наготу, никоим образом не помогало. Похоже, его это совершенно не интересовало, что добавляло еще больше страхов и волнений. Это не было очередной выдумкой, только не в ее случае. Все мужчины хотели ее.

Она знала несколько вещей, которые должны сработать, если их применить. На этот раз окно для жертвоприношения продлится месяц. Необходимо подготовить жертву к истечению этого срока. Сколько времени Мастеру потребуется?

Снаружи, на крыльце, послышался звук шагов. Хаос напрягла слух, ее дыхание замерло в груди, а сама она застыла в постели, словно труп. Может, это Соломон. Уже вернулся.

Прошло всего полчаса, как он ушел проведать старушку. И свои ловушки. Может, он что-то забыл.

Хаос охватило желание спрятаться и как можно быстрее. Ванная комната. Она передвинула свои искалеченные ноги к краю кровати, понимая, что ей ни за что не удастся сделать это так быстро, как задумывалось. Хаос замерла, услышав жуткий скрежет по ту сторону двери. Прислушиваясь, она повернула голову на звук. Затем послышались вой и визг собаки. Сердце бешено колотилось в груди, когда Хаос направилась медленными шагами к окну, расположенному возле входной двери.

Наконец, вся взмокнувшая от напряжения, она добралась до окна и, приглушая рваное дыхание, сдвинула шторку дрожащими пальцами. Вспышка белого меха побудила ее отбросить страх и распахнуть занавеску шире. Волк. Девушка просто онемела при виде кристально-белого пушистого зверя с глазами такого же цвета... как у Соломона.

Проковыляв до порога, охваченная агонией, Хаос отперла замок и распахнула дверь. Со всей силы она вцепилась в дверной косяк, пытаясь удержать себя в вертикальном положении. Хаос смотрела прямо на волка, внезапно понимая, что зверь может быть опасным. Увидев ее, он склонил голову набок и тихонько заскулил.

Она ахнула, подозревая, что его владелец должен был быть где-то рядом.

— Ты голоден? — вдруг спросила она. — Не так ли?

Волк, прижавшись животом к полу, медленно пополз к двери, втягивая воздух влажным носом.

Хаос рассмеялась.

— Ты хочешь пожать мне руку?

Она вздрогнула, когда сделала еще один шаг, чтобы шире раскрыть дверь. Очень медленно она опустилась на колени, ее мышцы протестовали. И как потом она собиралась подняться на ноги?

— Ты ведь хороший мальчик? — Ей вдруг пришла в голову мысль, отчего зверь такой добродушный. — Твой хозяин Соломон?

Хаос подавилась смехом, когда волк заскулил, укладывая морду на свои огромные лапы, а затем напугал ее до чертиков, когда вскинул пасть и рыкнул.

— Ладно, ладно.

Волк вдруг юркнул между ней и дверью и оказался в доме.

— Что ты задумал? — прошептала она, заползая внутрь и закрывая за собой дверь.

— Держу пари, Соломону не понравится твое вторжение.

Хаос захлопала в ладоши, привлекая внимание зверя.

— Иди сюда, — позвала она, улыбаясь.

Волк нашел камин и улегся перед ним, затем опустил голову и закрыл глаза. Он игнорировал Хаос! У нее отвисла челюсть от такой наглости. Опираясь на дверную ручку, Хаос смогла подтянуться и подняться на ноги. О, Боже, как это было трудно. Непреодолимая потребность опустошить желудок нахлынула на нее вместе с пульсирующей болью, которая пронзала каждую мышцу ее тела и звенела в голове.

Борясь с головокружением, Хаос попыталась улыбнуться.

— А ты здесь прямо как у себя дома. Может, ты помогаешь мистеру Соломону отлавливать диких животных? Это так?

Хаос осторожно двигалась по периметру комнаты, держась за мебель, пока не оказалась у постели. Волк вдруг поднялся и прыгнул к ней на кровать.

— Неужели? Это место, где ты обычно спишь? — заметила девушка с легким придыханием.

— Вместе с мистером Соломоном? Он хороший хозяин? Еще бы, — пробормотала она, закрывая глаза и почесывая шерсть волка за ухом.

— Он послал тебя сюда, чтобы приглядывать за мной? Быть защитником у него в крови. Щеки Хаос покраснели, когда она вспомнила, как Соломон помогал ей освободиться от платья. Ей было любопытно, как он будет вести себя, увидев ее наготу. Хаос надеялась увидеть его интерес, но он, казалось, чрезвычайно... нет, было очевидно, что он старался не смотреть на ее обнаженное тело.

Частью ее обучения являлось требование угождать всем мужчинам Ордена. Но им не разрешалось трогать ее, дабы не лишиться невинности, и даже разговаривать с ней было запрещено. Были допустимы только два проникновения в ее тело: рот или задний проход, и когда мужчины выстраивались в шеренгу перед Мастером, он позволял им делать это с ней. Бабушка называла это "пенисами", а Хаос слышала, как мужчины называют это "стволами". Сама же девушка нарекла их "дьявольскими личинками". Они казались безобидными, будучи маленькими и обмякшими, но ровно до тех пор, пока не становились одержимыми демонами. Затем они жалили ее повсюду, где им только заблагорассудится.

Удовлетворить всех этих мужчин, когда их так много, было настоящим испытанием для девушки. Бывало такое, что в результате Хаос не могла справиться с нуждой на протяжении нескольких дней, и Мастер помогал ей, используя тонкий черный шланг, чтобы заставить ее организм облегчиться. Это средство всегда неизменно срабатывало. Но такое испытание случалось только раз в неделю, и этот день приходился на Осквернение.

Хаос была рада закончить обучение. Теперь единственным человеком, которому она была обязана доставлять удовольствие, был Мастер. И она не возражала против этого. С ним Хаос ощущала комфорт, даже несмотря на его жестокость. И даже причиняя ей боль, он очень раскаивался. Иногда он плакал, что делало ее страдания более терпимыми. Он должен был причинять ей боль, так как Хаос было необходимо пройти испытания и стать той, кем ей предназначалось быть.

Осознание того, что ей придется выполнить свое задание без церемониальных приготовлений, скрутило от ужаса ее внутренности в узлы.

Внезапно, уже забыв свое недавнее болезненное путешествие по комнате, Хаос решила повторить его еще раз, но уже до холодильника. Нужно раздобыть что-нибудь поесть. Обнаружив лишь остатки еды, девушка принесла большую миску волку.

Тот нырнул в миску с головой, словно еда стоила пятиминутного пребывания в удушающем аду, чтобы заполучить ее.

— Ты был голоден, я не ошиблась? — слова неспешно слетали с губ Хаос, пока она старалась восстановить дыхание.

— Надеюсь, Соломон не будет против, что я скормила тебе наш ужин. Может быть, у меня получится удивить его и приготовить что-нибудь самой. Держу пари, он думает, что я не умею готовить.

Однако идея сдвинуться еще хоть на дюйм заставила девушку поморщиться от боли. Хаос огляделась вокруг, желая сделать что-то действительно полезное, чтобы показать свою признательность за его помощь и заботу. На протяжении всей подготовки Мастер ни разу не сказал ей о том, что она не может проявить великодушие к намеченной жертве. Изучая комнату, Хаос зацепилась взглядом за фотографию, которая стояла на каминной

полке.

Она сделала над собой усилие, чтобы встать с кровати и убедиться, что на снимке изображена женщина. Медленно ковыляя, Хаос ухватилась за выступ камина и уставилась на улыбающееся лицо. Вау. Она считала, что Соломон был слишком красивым, но эта женщина... может, она его сестра. Она была слишком молода, чтобы годиться ему в матери. Но, поскольку жертва должна быть девственно чиста, эта девушка могла приходиться ему только родственницей.

Но было кое-что еще... что-то подсказывало Хаос, не все так просто. Что-то еще, что-то гораздо большее крылось за этим.

Все тело Хаос горело от боли и призывало ее лечь, поэтому она сделала три болезненных шага от каминной полки, где располагалась фотография, по направлению к кровати. Ощувив под собой мягкую постель, Хаос стала представлять Соломона на месте других мужчин, которых она ублажала в Ордене. Прежде чем она смогла остановить ход своих мыслей, воображение перенесло ее к креслу у кровати, где Соломон так заботливо кормил ее. Он сидел полностью обнаженный и такой прекрасный в своей наготе, его ноги были широко расставлены, и пока она вбирала в рот его мужское достоинство, демонстрируя свое искусное мастерство, Соломон наблюдал за ней своими сверкающими голубыми глазами. А Хаос наблюдала за тем, как лицо мужчины наполнялось особым удовольствием.

У девушки вдруг перехватило дыхание, и ей пришлось приложить усилия, чтобы сглотнуть, пока она представляла, как Соломон будет ощущать ласку ее рук. Ей было позволено прикасаться к мужчинам, но это никогда не приносило удовольствия ей самой. Она это делала лишь в надежде, что сможет побыстрее избавиться от них. Но с Соломоном... фантазия о том, как она пробежится пальцами по внутренней стороне его бедер, заставила ее затаить дыхание. Его бедра наверняка были горячими и сильными, как и его руки, в чем она была уверена. И его плоть... она была бы невероятно горячей. С ним она не будет торопиться. Когда он уходил, Соломон делал это не спеша. Очень осторожно. И она поступила бы также, ее дар ему длился бы намного дольше.

Волк тихо завыл, вырывая Хаос из фантазий. Она взглянула на него, и он облизнулся, склонив голову набок, словно ожидал от нее чего-то.

— Хочешь еще?

Она бы ни за что не встала с кровати снова. Хаос вспомнила строгий приказ Соломона оставаться в постели, за исключением естественных потребностей: поесть, попить и воспользоваться ванной. Ее желудок затрепетал, когда она вспомнила его слова. Твердые слова. Хаос нравилось, как звучал его голос, когда Соломон был таким строгим. Словно злился на нее за что-то. Это заставляло ее чувствовать себя... в безопасности.

— Ты не мог бы убраться из постели?

Хаос осталась лежать на кровати, волк поднялся, казалось, чтобы освободить для нее пространство, и плюхнулся вниз, уложив свою голову у ног девушки.

— Какой милый щенок, — бормотала Хаос, ощущая, как боль сочится из каждой ее поры. — Мастер никогда бы не позволил мне завести домашнее животное. Он говорил, что это будет отвлекать меня от занятий. — Хаос поглаживала мягкую шерсть на ушах зверя. — Мастер очень умный, думаю, вы бы подружились.

Из горла волка вырвался неодобрительный рык, что означало его несогласие, и Хаос хихикнула, но только про себя. Она была слишком слаба, чтобы сделать что-то большее.

Хаос, должно быть, уснула, потому что ее разбудил волчий лай. Боль взорвалась в ее теле, когда она попыталась сесть. Глядя на дверь, она шикнула на зверя.

— Иисус Христос! — девушка услышала голос Соломона. — Хаос, ты в порядке?

Нотки страха, звеневшие в его голосе, побудили девушку доковылять до входной двери, хромя и преодолевая агонию. Неужели там кто-то еще? Ужас провоцировал нехорошие мысли: вдруг это Мастер. Преодолев половину пути к двери, Хаос опустилась на колени

рядом с волком, держась за него, не в силах идти дальше. Когда дверь приоткрылась, страх заставил ее оцепенеть и впасть в смятение.

— Хаос, ответь же мне!

— Я здесь, — отозвалась она.

Дверь открылась толчком, и он уставился на нее, затем на волка. Его ярко-синие глаза сверкали, заставляя ее мышцы напрячься от переизбытка эмоций.

— Как он сюда попал? — спросил Соломон, не сводя взгляда с волка.

— Это я впустила его, не думала... что ты будешь против, я думала... возможно, ты отправила его сюда сам.

Он все еще продолжал наблюдать за животным, и лицо Соломона просияло, когда волк завилял хвостом.

— Это не моя собака. Или волк, — воскликнул он.

Внезапный страх пронзил Хаос, когда она перевела взгляд на пса, а тот в ответ лизнул ее в лицо. Она попыталась встать, но Соломон, положив ружье на пол, поднял ее на руки. Как обычно, они ощущались теплыми и сильными, пока он нес ее к кровати. От мужчины пахло потом, и Хаос задалась вопросом, каким он был на вкус.

Пока он укладывал ее и помогал вытянуть ноги, Хаос не отрывала взгляд от Соломона.

— Я подумала, что он твой, — прошептала девушка. — Он скребся на крыльце, когда я его нашла. Он был таким дружелюбным, и я предположила, что... — Хаос убедилась, что собака сидит смирно, — он твой, — заключила девушка. — Волк без малейшего страха вошел внутрь и улегся у камина, затем прыгнул на кровать, словно был у себя дома. — Хаос жадно хватала воздух ртом, словно запыхалась, пробежав пять миль. — А потом он спал со мной!

Брови Соломона взметнулись вверх, демонстрируя белизну белков глаз.

— Он спал в моей кровати?

— Я не знала.

Соломон прошел к дверям и открыл сначала одну, а затем и сетчатую дверь, освобождая проход, ткнув пальцем наружу.

— Вон.

Волк повернул голову и заскулил, не двигаясь.

— Он был... очень воспитанным, — защищала его Хаос, не желая отпускать пса. — Он заботился обо мне.

— Этот волк кому-то принадлежит, Хаос. Как видишь, он хорошо обучен.

— Тогда... он, вероятно, знает, где его дом. И вернется, когда будет готов? Позволь ему остаться, — она едва шептала. — Пока тебя не было, он защищал меня.

— Что если в поисках волка объявится его хозяин, пока меня не будет? И, обнаружив одинокую девушку, решит воспользоваться ситуацией?

Гнев Соломона был направлен на Хаос. Она не знала почему, но в этот раз на нее это подействовало сильнее, и ей вспомнилось, как она хотела показать ему свою признательность за все. Хаос отвернулась, опасаясь, что Соломон сможет прочесть это в ее глазах. Ведь девушка не была уверена в своем желании сделать это прямо сейчас.

— Прости, — сказал Соломон, его голос стал тише, когда волк снова заскулил. —

Меня не интересует твое мнение, спасибо большое, — проворчал Соломон волку, пройдясь по комнате и подобрав дробовик с пола, чтобы уложить его на каминную полку.

Хаос напряглась, когда мужчина развернулся и опустил взгляд своих ярких глаз на нее.

Вдруг он закрыл лицо обеими руками и застонал.

— Мне нужен душ, вот что мне действительно необходимо.

Он позволил своей голове безвольно откинуться назад, когда практически свалился в кресло возле кровати. В глаза бросалось плачевное состояние его одежды, как заметила Хаос. Его грязные синие джинсы промокли до колен. Глаза девушки прошлись по его шее, от ворота белой футболки к бугрящимся мышцам.

Соломон склонил голову вперед.

— Я разогрею тебе ужин, как выйду из душа, — сказал он, сбрасывая сапоги и ставя их у камина. — Их, вероятно, придется сжечь после сегодняшнего.

Он подошел к комоду, достал одежду, а затем направился в ванную.

Оставшись одна, Хаос, наконец, смогла дышать. Пока ее разум вновь не оказался в бреду. Она опять представила мужчину голым. У него на теле много волос? А его мужское достоинство было твердым и охвачено страстным желанием? Ему легко угодить, или это будет трудно? Раньше она тайно сравнивала мужчин в Ордене по различным признакам их мужского естества. Не потому что хотела, просто ее разум делал это сам. Ей казалось интересным сравнивать их манеру действия и форму и то, как они отличались у разных мужчин. Хаос ничего не имела против увлеченности этим, ведь это служило хорошим отвлекающим маневром и помогало делу ускориться. Скорее всего, просто сила привычки призывала девушку проделать то же самое с Соломоном.

Хаос услышала, как он пробормотал что-то, все еще находясь в ванной, затем дверь открылась.

— Ты не могла бы, пожалуйста, не смотреть, пока я возьму то, что, кажется, забыл?

Его голос звучал расстроено, и Хаос быстро отреагировала, заслонив рукой глаза.

— Конечно, уже закрыла.

— Не волнуйся, я в полотенце, — невнятно попытался успокоить он, стоя напротив выдвижного ящика. — И где это, черт возьми?

Хаос никак не могла заставить свои пальцы сомкнуться и не подглядывать. Ее внутренности встряхнуло, как только его мышцы стали эффектно перекачиваться по спине, пока Соломон, наклонившись, поспешно что-то искал в шкафу. Она быстро прикрыла рукой глаза, когда он развернулся и поспешил в ванную. Услышав, как захлопнулась дверь, девушка испустила судорожный вздох, вспоминая, как перекачивались его округлые ягодицы в крепких объятиях тонкого полотенца. Она увидела это прежде, чем он повернулся, подразнив девушку наготой. Но этого было достаточно, чтобы надолго запечатлеть в ее разуме его горячий образ. Достаточно всего лишь одной вспышки, вот как работает ее сознание. И сейчас ее мозг отмечал, что все мужчины Ордена, которые были до него, не дотягивали до его привлекательности и совершенства.

Когда дверь открылась снова, Хаос вновь закрыла глаза. Время казалось бесконечным в ожидании, когда Соломон подойдет к кровати. Мужчина устраивал себе спальное место на полу, когда Хаос, наконец, взглянула на него. Прежде чем обдумать, она выпалила:

— Что ты делаешь?

Он бросил на нее беглый взгляд.

— Оставляю кровать в твоём распоряжении, чтобы ты могла отдохнуть. Скоро будет ужин.

Тягучее чувство пустоты тяжестью осело в ее груди.

— Я не голодна. На этой постели достаточно места для тебя, это твой дом, и тебе не

следует спать на полу.

— В любом случае, тебе нужно поесть. И мне не следует спать рядом с тобой.

В смущении она уставилась на Соломона, пока он копался в холодильнике.

— Я покормила волка. Он был голоден.

Соломон выпрямился во весь рост и опустил голову со вздохом.

— Мне жаль. Он был очень голоден, и это все, что я нашла в холодильнике. Все равно моему желудку сейчас не справиться с едой.

— Тогда ты не должна будешь пропустить свой завтрак, — сказал Соломон, указывая на нее; он вернулся к своей импровизированной постели на полу.

Хаос кивнула, пока мужчина устраивался на полу, переворачиваясь в поисках удобного положения. Закинув руки за голову, он, наконец, облегченно вздохнул.

— Мы можем вдвоем уместиться на кровати.

Он поднял на нее взгляд своих голубых глаз, когда она привстала, оперевшись на локти.

— Этот вариант нам не подходит.

— Почему нет?

— Потому что ты девушка.

То, как он это сказал, в дополнение ко всему прочему, заставило Хаос почувствовать досаду.

— И что?

— И то, что я мужчина... а мужчина не спит в одной постели с женщиной, только если....

Она ожидала продолжения, поторопив Соломона, когда пауза затянулась слишком надолго.

— Только если что?

— Если они не женаты, — пояснил Соломон.

Хаос не смогла остановить вырвавшееся у нее хихиканье. А этот парень своеобразный.

— Ты можешь назвать меня старомодным, даже рассмеяться, но такой уж я.

— Значит... когда мужчина и женщина лежат в одной постели, они обязательно должны быть женаты, чтобы делать все те многочисленные вещи?

Настала ее очередь проявить снисходительность.

— Так нельзя.

— Почему? Я не планирую выходить за тебя замуж. Может, ты хочешь жениться на мне?

— Нет! Это просто... просто такова человеческая природа... и, в общем, мы не будем делать этого. Для твоего же блага.

— Потому что есть риск, что ты захочешь сделать со мной те вещи, которые делают женатые люди?

Эта мысль осчастливила Хаос, но затем она напомнила себе про женщину, фотография которой стояла на каминной полке.

— Это абсолютно исключено. Я бы никогда не сделал такое с женщиной.

Хаос откинулась на спину и уставилась в потолок, ответ Соломона ее расстроил.

— Почему нет? — девушка затаила дыхание, желая услышать, что это могло значить. Для него.

— Потому что для меня существует только одна женщина.

Услышав ответ, Хаос замерла в оцепенении. Это подтверждало ее предположение. Но

как такое может быть? Предполагалось, что он должен был быть девственником.

— Ты женат?

Соломон притих, и Хаос терпеливо ожидала его ответ.

— Да.

Почему его "да" прозвучало столь странно и грустно? Сердце Хаос неистово билось в груди от этой информации.

— И где же она?

— На Небесах. Вот где она находится. И прежде, чем ты задашь следующий вопрос, я скажу тебе — не стоит.

Чувствуя облегчение, Хаос замолчала на некоторое время. Она чувствовала себя одновременно счастливой и грустной. Хаос, конечно, не была рада его браку, но ей не нравилась эта глубокая печаль, захороненная в его голосе. Казалось, что она должна была сказать что-то, но вместо этого девушка сделала то, что иногда у нее получалось непроизвольно.

— Что смешного?

— Ничего, — поспешно выпалила она, пока ее не охватил новый приступ смеха.

— Это определенно звучит так, словно ты смеешься надо мной, — с уверенностью сказал Соломон, но при этом он не казался оскорбленным.

— Прости, — она подавила смешок, — иногда со мной такое бывает.

— Смеяться над трагедией людей? Мило, — сухо, но беззлобно отметил Соломон.

Хаос просмеялась еще раз, ужасно себя чувствуя при этом, и поспешила объяснить:

— Нет, смеяться в самое неподходящее время над самыми неподходящими вещами, я не имею в виду то, что случилось с тобой... но это происходит тогда, когда я чего-нибудь слишком сильно хочу.

— И чего же ты так сильно хочешь?

— Сказать что-то подходящее, что прогонит грусть.

— Нет, нет. Здесь нет грусти, — пробормотал Соломон. — Я уже пережил траур.

— Ладно, — прошептала она.

— Я в порядке, — повторил Соломон зачем-то.

— Я услышала тебя.

— Хорошо-то как. Рад, что ты меня слышишь.

— Я слушаю тебя.

— Разве я говорил, что счастлив? — продолжал Соломон, словно девушка была с ним не согласна.

— Нет. Но быть несчастным и находиться в трауре — разве не одно и то же?

— Нет. Можно несчастным, и не держать траур.

— Да, — согласилась Хаос, — понимаю.

— Правда? — пробормотал он.

— Да. Я всегда была несчастна. И я не в трауре. Думаю, что нахожусь где-то посередине. Не там и не там.

Соломон не ответил ей, и Хаос вдруг поняла, что ей нравилось просто говорить с ним.

— Что если... мне приснится сон?

— Тогда я разбужу тебя.

Хаос подумала о его пении.

— Мне понравилось, как ты пел мне.

— Кто бы сомневался, — голос Соломона звучал сонно.

— Что за песню ты напевал мне?

Он глубоко вдохнул, затем с шумом выпустил воздух.

— «Она разговаривает с Ангелами».

Хаос улыбнулась сама себе, услышав его ответ.

— Откуда ты узнал эту песню?

Хаос ждала ответа в течение многих секунд, решив, что Соломон уснул.

— Она научила меня.

Дюжина чувств ударила в Хаос, когда она слышала столь многое в его голосе, от того, что он говорил о ней. Девушка не была уверена, хорошие это чувства или нет, они просто были ей в новинку. Так она считала. И последовала новая сокрушительная волна, когда она слышала, что он сказал потом.

— Итак... она разговаривала с ангелами? — изумляясь, спросила Хаос.

— Да, — ответил он мягко, — все время.

Ее охватило благоговение.

— Вау, — прошептала Хаос. — Она, должно быть, удивительная.

— Была.

Сила этого слова, так негромко прозвучавшего, пробудила в Хаос чувства, которые заставили ее сердце биться сильнее. Не зная, насколько эти чувства уместны, девушка задвинула их подальше.

— Я никогда не разговаривала с ангелами, — грустно призналась она. — Я говорила с мертвыми и демонами. Мне не разрешалось даже попробовать поговорить с ангелами. Я правда хотела, — добавила Хаос, чувствуя, как это могло быть расценено со стороны.

— Очень сильно. Моя мать была ангелом.

Хаос внезапно запаниковала, осознав, в чем только что призналась. Боясь его реакции, она ожидала молча в полной тишине. Сказать, что это была шутка, значит проявить наивысшую степень богохульства.

Ее так быстро охватили плохие предчувствия и опасения, что дыхание замерло, как и все ее тело. Хаос ощущала, как ледяные пальцы ее кошмаров подбирались к разуму, пришедшие, чтобы забрать ее туда, откуда она могла никогда не вернуться.

— Не мог бы ты спать со мной, — выдохнула Хаос. — Прошу тебя.

Она не посмела озвучить свои страхи.

Соломон приблизился к ней: его прекрасное лицо и ярко-синие глаза у ее постели.

— Что-то не так?

Девушка обернула руки вокруг его шеи, услышав твердый командный тон Соломона.

— Пожалуйста, — прошептала она, прижимаясь щекой к теплой колонне его мышц. — Не оставляй меня. Не отпускай меня.

— Ладно, ладно, — убаюкивал он, укладываясь рядом с Хаос.

Хаос сместилась чуть ниже, чтобы можно было обвиться вокруг него, лечь головой ему на грудь; и она вздрогнула, когда Соломон притянул ее ближе и обнял, он даже положил на нее свое бедро, словно желая уберечь, защитить собой.

Боль в ее теле уменьшилась перед лицом такого страха. Это ощущение мешало заснуть, Хаос не могла вспомнить, когда подобное случалось с ней со столь большой силой. Годы назад. На заре ее обучения.

Хаос всхлипнула с облегчением, лежа на его груди, когда Соломон начал напевать, а

она прижалась ухом к его телу, чтобы чувствовать силу его голоса. На это раз, когда мужчина пропевал слова, Хаос, будто замороженная, смогла повторить их. Плохие предчувствия медленно покидали ее разум, уходили все дальше и дальше.

Потом возникли вопросы. Они пробились в ее сознании, когда она слышала слова, и Хаос цеплялась за каждое из них, используя в качестве якоря, чтобы не провалиться в эту бездонную тьму. Как только в ее голове стали возникать головолмки, она сразу задвинула их прочь. Почему она улыбается, когда боль возобновилась? Возможно, она нашла утешение в боли? Действительно ли она сирота? Мастер всегда говорил, что она его плоть и кровь, но Хаос временами чувствовала себя одинокой.

Кем был этот мальчик в песне? И мужчина на кресте, которого она еще не встретила? Как ее называли ангелы? Может, у нее было несколько имен?

Потом был вопрос, который горел внутри Хаос настолько сильно, что ей действительно хотелось знать ответ, нужно было знать ответ по многим причинам. Как его жена могла не знать его, как любовника, если они были женаты? И почему это так много значило для него?

В отсутствии страха Хаос постепенно начала осознавать его присутствие рядом. Тепло от его рук распространилось вдоль ее позвоночника, и твердость его пальцев ощущалась на нижней части спины девушки. У Хаос перехватило дыхание, когда она думала о жаре, которым обдавало его бедро, лежащее поверх ее ноги. Прижимаясь к нему щекой, Хаос чувствовала слабый запах мыла. Это ощущалось... превосходно. Просто замечательно. Казалось, ее тело жаждет то чувство, к которому она совсем не привыкла. Она поняла, что особое удовольствие ей доставляло мягкое, бережное движение другой его руки, когда он скользил ладонью по ее волосам, затем предплечью и обратно, чтобы начать свой путь с начала.

Слушая негромкое пение Соломона, Хаос прижалась к нему, пытаясь вспомнить, испытывала ли она когда-нибудь что-то подобное. Она не могла. Никогда.

Что это за чувство?

Она замерла, когда нашла ответ. Это было райское чувство, спустившееся к ней прямо с Небес. Соломон получил кусочек Рая от жены, когда она покинула его. Вот как это работало. Когда ты умираешь, ты оставляешь близким все, что было в твоём сердце. Вот что это за чувство — это Рай.

Хаос не осмеливалась нарушить это замечательное мгновение. Она знала, что не имеет права делить с ним этот священный момент.

И, тем не менее, очень осторожно она покорила той теплоте, что обволакивала ее. Хаос была рада, что у нее нет семьи, чтобы оставить что-то подобное близкому человеку. Радовалась, что она даже не способна на любовь. Но даже если у нее бы действительно была семья и способность любить, Хаос не желала оставлять кому-либо часть того, что она несла в своей душе.

- Итак, прошло уже четыре дня, — заявил Соломон.

Войдя в комнату, он сел рядом с кроватью Хаос, где та доедала свой завтрак. Ему было ненавистно начинать этот разговор, но сделать это было необходимо. Прошло уже достаточно времени.

— Я предоставил тебе еще два дополнительных дня, уверен, ты заметила.

Хаос кивнула, медленно пережевывая пищу. Черт, лучше бы он дождался, когда она доест.

— Спасибо, — прошептала девушка, чем еще больше усложнила ему задачу. — Что ты хочешь знать?

Соломон пристально посмотрел на нее, с каждой секундой чувствуя себя все большим ублюдком. Но, услышав ее рассказы о разговорах с демонами и мертвецами, про запрет обращения к ангелам, он понял, что с ней произошло. Ритуальное надругательство. И это сильно отличалось от спектакля одного актера. Соломону было просто необходимо разузнать больше. Она была подвешена к веткам дерева вверх ногами, одетая только в красное платье, находясь на волосок от смерти, и, возможно, была еще и изнасилована; представшая перед ним сцена, когда он обнаружил ее, походила на имитацию распятия.

Хаос слегка наклонила свое все еще болезненно-бледное лицо в сторону Соломона; не выдержав чувства вины, он опустил голову. Но ему нужны ответы, черт возьми. И она была единственной, кто может дать их, если, конечно, он не собирался обойти весь город, расспрашивая каждого жителя. И если это действительно было связано с каким-то ритуалом, то виновником мог быть кто угодно, поэтому о расспросах не могло быть и речи. Он стал настоящим параноиком, когда, во время поисков своей жены, ему пришлось изучить множество громких криминальных дел о жестоких преступлениях, поэтому он не мог никому доверять. Особенно местным властям.

— Давай начнем с чего-нибудь попроще.

Соломон осмотрел девушку с головы до ног, стараясь не замечать, как ангельски она выглядела в белом хлопковом платье. Казалось, они давно уже были близкими друг другу людьми. Хаос выглядела нуждающейся в его прикосновениях, а его тело слишком охотно отзывалось желанием угодить ей.

— Какой твой любимый цвет?

Девушка взглянула на него с удивлением, прежде чем одарила легкой улыбкой.

— Фиолетовый, — ответила она.

Фиолетовый.

— Честно говоря, меня уже тошнит видеть на тебе этот цвет.

Хаос широко улыбнулась ему, и Соломон позволил себе изучить черты ее лица. На самом деле, глядя сейчас на девушку, он отметил, что ее губы почти вернулись к норме, и лицо уже выглядело лучше. Это подтверждало то, как верно Соломон первоначально оценил ее внешность, когда он только нашел ее. Она была прекрасна. Девушка обладала редкой в своем роде красотой.

— Сколько тебе лет? — задал следующий вопрос Соломон.

— Двадцать четыре, — ответила Хаос, и она казалась гордой счастливой, сообщив ему

это, но внезапно ее лицо приобрело серьезное выражение. — Почему... она улыбалась, когда было больно? Твоя жена?

Соломону потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что она имела в виду текст песни, которую он напевал ей. Так она подумала, что это про его жену? Неожиданно затронутая запретная тема вызвала у него желание опустить все подробности, но потом Соломону пришла в голову идея, что, возможно, Хаос будет не против справедливого обмена личной информацией. Он подумал о том, куда это может привести его, и не был уверен, что сможет вынести это в итоге. Но затем Соломон задумался о том, какие результаты это может дать... в отношении нее.

— Это просто метафора.

— Так ей не нравилась боль?

Соломон пожал плечами.

— Сомневаюсь, — он внимательно посмотрел на Хаос. — Зачем бы ей это было нужно?

Девушка пожалала плечами, не поднимая взгляда.

— Иногда боль помогает чувствовать себя лучше.

Его живот скрутило от осознания того, что это могло значить для Хаос.

— Думаю, я могу согласиться с этим.

— Правда?

— Когда я качаю мышцы, нагружая себя почти до боли, мой разум отдыхает.

— Потому что ты уверен, это сделает тебя сильнее? — надежда прозвучала в голосе Хаос.

— Ага. У тебя есть фамилия?

Она слегка покачала головой.

— А у тебя?

— Гордж — моя фамилия.

Соломон не стал настаивать на более конкретном ответе. Пока нет. Еще два дня, а затем он обрушит на нее более значимые вопросы.

— Твое любимое блюдо?

Хаос с улыбкой опустила взгляд к тарелке.

— Твой суп.

Соломон подождал немного, гадая какой следующий вопрос она ему задаст.

— Твоя жена была сиротой?

Он покачал опущенной головой.

— Нет.

— Тогда...

Соломон ненавидел, что ему приходилось лгать, что содержание текста песни имело непосредственное отношение к нему или к ней, но сейчас он чувствовал себя скованным, загнанным в угол.

— Я думаю, чтобы заставить чувствовать себя лучше. Это меня усыновили.

По крайней мере, вторая часть была правдой.

— Меня тоже, — произнесла она радостным голосом.

Он сдержал свое удивление, и это происходило часто, когда он задавал ей вопросы, ответы на которые рассчитывал получить.

— Твои любимые цветы?

Улыбка лишь слегка коснулась уголков ее рта.

— Нет таких. Я не люблю цветы.

Ее странный ответ побудил его в удивлении приподнять брови.

— Ты не любишь цветы, — повторил Соломон, не поверив в это. Но Хаос не выглядела так, словно лжет ему, ничто в ней не указывало на какой-то тщательно скрываемый грязный секрет. Мужчина пожал плечами.

— Справедливо.

— Какое у нее было имя?

— Имя? — переспросил Соломон.

— Как ее называли ангелы. Твою жену.

Сердце било молотом в груди, и вдруг Соломон не смог оторвать своего взгляда от глаз девушки. Они были полны подлинной искренности и какой-то тоски.

— Шантиль.

Соломон наблюдал, как рот девушки медленно растянулся в одну из самых сладких улыбок, которые он когда-либо видел.

— Шантиль, — повторила она. — Какое красивое имя.

То, как у Хаос перехватило дыхание в порыве искренности, вызвало у Соломона мучительную боль и тоску в груди.

Он прочистил горло, несмотря на то, что, перед тем как продолжить тему, разум велел закрыть ее.

— Твое любимое животное?

Вопрос о животном будет последним на сегодня. Идея узнать о ее домашнем питомце пришла вместе с воспоминанием о ловушках, которые нужно было проверить. Если уж кто и заслуживал любить и быть любимым, так это она.

— Я не так сильно люблю животных, — сказала Хаос, глядя вниз в свою тарелку, ковыряясь в еде.

Иисусе. Соломону даже в голову не приходило, что же могло вызвать в ней нелюбовь к животным.

— Ну что ж... уверен, есть тот, кто обязательно понравится тебе, когда ты встретишь его.

Она покачала головой.

— Вообще-то нет. Я не люблю животных. Они отвлекают.

— Отвлекают, — повторил Соломон, изо всех сил стараясь выглядеть хладнокровно.

— Как тебя отвлекают животные?

Девушка начала перебирать волоски на своей руке и очень медленно раскачиваться.

— Они не отвлекают, — поправила Хаос. — Потому что я не люблю их. Соответственно, таким образом, они не могут меня отвлекать.

С этим ее ответом Соломон официально вернулся в игру в вопросы. Ее реакция требовала от него действий.

— Но если ты полюбишь кого-нибудь из животных, разве они будут отвлекать тебя?

Он старался говорить удивленно, когда Хаос провела ладонью вдоль своей руки и кивнула.

— Я сам очень легко отвлекаюсь, так что я могу понять это. Но я не понимаю, каким же образом они отвлекают тебя? — спросил Соломон, подобрившись опасно близко к той грани, чтобы облажаться, и предстать безумным, ходя вокруг да около.

Девушка направила взгляд своих налитых кровью глаз на него, и ее идеальный рот

ожесточился.

— Они отвлекают.

Ее тон говорил, что вежливость, с которой она отвечала ему, на этом вопросе закончилась.

— Кто тебе такое сказал? — он все равно решился задать следующий вопрос.

Хаос продолжала смотреть на него, и, словно готовясь к чему-то, она выпрямила спину.

— Что случилось с твоей женой?

Жесткость в ее голосе, с которой она задала этот вопрос, дала ему понять, что девушка знала, какую игру вел Соломон, ей было известно все. И теперь, если он хотел получить ответы, придется отплатить ей той же монетой, потому что она не хотела сдаваться.

Соломон изучал ее лицо, прокручивая в голове возможные ответы, словно проверяя свои карманы, взвешивая цену, которую он может ей заплатить. Интересно, она принимает чеки?

— Я же говорил тебе, что она умерла.

— Как?

Соломон втянул нижнюю губу в рот, затем зажал и медленно впился зубами в нее.

— Она была похищена и убита, — ровным голосом ответил мужчина.

Хаос продолжала смотреть на Соломона, ее челюсти были упрямо сжаты, но в глазах зарождался какой-то огонь.

— Мастер сказал, что домашние питомцы будут отвлекать меня от обучения. Когда ее убили?

Сердце Соломона ускоряло ритм от обмена такой болезненной информацией.

— Шесть лет назад. И кто этот Мастер? — поспешил он, перед тем как затеряться в своем же собственном дерьме.

— Мастер — мой отчим. Меня удочерили. Как она была убита?

— Я не знаю, мы так и не смогли ее найти. Почему ты называешь его Мастером?

— Мастеру нравится, когда его так называют. Так что я повинуюсь его желаниям. Как ты узнал, что она была убита?

— Потому что ее останки так и не нашли, — Соломон осознавал, как это звучит, и решил закончить на этом. — Это внутреннее чутье, я просто знаю. — Он решил воспользоваться им именно тогда. — Как называлась та организация, к которой ты принадлежишь?

Девушка смотрела на него на протяжении нескольких секунд, пока тепло в ее глазах не начало угасать.

— Объединенная Церковь Свидетелей Иеговы. Ты думаешь, я красивая?

Если их разговор и мог затормозить, то это был как раз тот момент, когда он с визгом остановился от ее ответа и вопроса. Чутье Соломона подсказывало, что только что прозвучала первая ложь девушки. Но он хотел проверить, так ли это на самом деле. Что касается ее вопроса, то он был легким с одной стороны, с другой же — Соломон был не против на него ответить. Для нее.

— Нет, я не думаю, что ты красивая. — Увидев боль, которую он причинил ей, Соломон быстро пояснил: — Я думаю, что ты прекрасна.

Потрясенный взгляд Хаос был более красноречив, чем все ее ответы на его вопросы.

— Ты этого не знала?

Хаос покачала головой со всей серьезностью, выглядя при этом так, словно только что узнала о том, что Санта Клауса на самом деле не существует. Казалось, будто она не только

не догадывалась, насколько красивой была, но и на протяжении всей ее жизни девушку убеждали в обратном, и мысль об этом прожигала яростью все нутро Соломона.

Пораженный таким раскладом, Соломон был просто обязан стереть эту ложь из ее сознания.

— Это правда. Ты одна из самых красивых женщин, что я видел.

Хаос склонила голову на это.

— Шантиль — та, другая женщина?

— Да. И моя мать.

Улыбка, которая озарила лицо девушки, заставила Соломона почувствовать себя жутко. Для кого бы то ни было, получить столько удовольствия от самых простых вещей, означало крайнюю степень лишения в основных потребностях. Никаких домашних животных, никаких комплиментов. Сексуальное надругательство. Причиной всему этому был больной ублюдок Мастер.

— Мастер — это тот, кто причинил тебе боль?

Она яростно замотала головой.

— Больше никаких вопросов, никаких вопросов. Я тоже считаю тебя привлекательным.

Хаос блистала улыбкой, но Соломона насторожило что-то в ее взгляде, словно она отступала.

— Больше никаких вопросов, — поспешил заверить девушку Соломон.

— Мне нравятся опоссумы, — вдруг лягнула она. — Детеныши опоссумов, точнее.

Впервые, с того момента, как Соломон покинул стены колледжа, он захотел, чтобы его основным направлением была криминальная психология. Девушка была загадкой, которая требовала решения, что было сродни проходу по мрачному туннелю, ведущему прямо в ад.

— Тебе нравятся опоссумы? — Соломон изо всех сил старался вернуть неуправляемый поезд на рельсы.

Хаос быстро кивнула, дав понять, что этот момент откровения был случайным и кратковременным.

— Детеныши опоссумов.

Соломон понял, разум девушки нуждался в бережном отношении. Теперь, когда он понял, насколько хрупкой она была психически, ему придется ходить на цыпочках рядом с ней. Он также понял, что не было никакой нужды в эмоциональной привязанности, чтобы заявить свои права, так как он спал с ней уже несколько ночей подряд. Но как еще Соломон должен был успокоить ее, когда девушка закрывалась от него? В своем сознании он воспринимал ее как сломленного человека, вот и все. Но кем он был для Хаос? Вот о чем стоило беспокоиться.

Несмотря на необходимость держаться подальше от нее, он должен был получить доступ к ней всеми возможными способами. Через разум и тело. Сейчас ему предстоит быть более осторожным.

— Как ты относишься к тому, чтобы начать физиотерапию?

Хаос сверкнула на него взглядом.

— Ты имеешь в виду... физическую подготовку?

— Да. Я могу помочь тебе стать более сильной, быстрой.

— Мне нравится эта идея. Помоги мне. Научи меня.

Соломон уставился на нее, внезапно занервничав от мысли о том, что ему придется прикасаться к ней. После всего пережитого, она вряд ли сможет выносить прикосновения с

его стороны. О чем Соломон только думал, когда решился предложить такое...но, казалось, она жаждет этого контакта. Нет, трогать ее — было плохой идеей, ему нужно убраться отсюда. Хотя какие еще варианты у него были?

— Это может быть очень болезненным. Тебе стоит подождать.

— Но... я хочу стать сильной, — сказала Хаос, внезапно ее голос начал звучать обеспокоенно и испуганно.

Соломон мысленно метался из угла в угол: одно дело — признаться ей, насколько она прекрасна, и совсем другое — предложить пройти ей курс физиотерапии, во время которой он будет касаться ее.

— Ладно. Я помогу тебе изучить начальный курс самостоятельной терапии, что позволит тебе окрепнуть в кратчайшие сроки.

Улыбка девушки показала, что она испытывает волнение, а это означало, что Соломон может получить еще подсказки на тревожащие его вопросы, отчего он немного расслабился. В этом отношении план был прост. Он соберет их все, сопоставит факты, а затем использует.

Чтобы похоронить каждого больного ублюдка, что причинил ей боль.

— Ты делаешь это каждое утро?

Соломон испуганно вздрогнул, обнаружив Хаос, сидящую на постели и наблюдающую за его утренней тренировкой.

— Стараюсь.

Он быстро схватил рубашку, проклиная себя за подобную неосмотрительность. Соломон терпеть не мог заниматься в одежде, ненавидел чувствовать, как ткань касается его торса. Он точно не знал, как Хаос смогла его услышать, поскольку передвигался по дому он словно ниндзя: очень осторожно.

— Я тоже придерживаюсь определенного распорядка дня, — сказала девушка.

Закончив упражняться, Соломон натянул рубашку на свой потный торс.

— Неужели? И какой он? Расскажи мне, пока я принесу тебе завтрак.

— Затем мы начнем мои тренировки?

— Ага. Ты готова?

Соломон достал индейку и яйца из холодильника.

— Думаю, да. Боли я не боюсь, — произнесла она непринужденно.

— Это хорошо, — кивнул он, положив буханку хлеба на стойку. — Потому что ее будет достаточно.

Соломон, не глядя на девушку, вымыл руки. Его тело еще не оправилось после очередного эпизода с Хаос этой ночью. Еще один кошмар, еще один сеанс физического единения под его пение. Уложить ее спать было очередным успехом. Но оставить девушку, после того как она погрузилась в сон, не вышло. Не потому что не получилось этого сделать, а от того что он чувствовал себя вынужденным остаться с ней. Можно было бы счесть ситуацию приемлемой, так как он улегся, развернувшись к ней спиной, если бы Хаос не прильнула к нему сзади. Всю ночь его разум провел в прекрасных фантазиях, рисуя образы того, что он чувствовал.

Соломон не сомкнул глаз. Ни на миг. И причина такого раннего подъема заключалась в том, чтобы наказать свое тело за такую слабость. Особенно по отношению к ней.

Соломон списал все на свой божественный дар. Для него это не шутки. Даже будучи со своей невестой, он вел себя особенно осторожно, чтобы не поставить себя в уязвимое положение. Несмотря на предостережения дяди, что все будут смеяться над ним в виду современных взглядов, Соломон решил остаться девственником до свадьбы со своей возлюбленной. Он научился испытывать гордость за общественное неприятие его взглядов на жизнь. Эта женщина стояла того, чтобы ждать. Каждую мучительную секунду. Фантазировал ли он о Шантиль? Видит Бог, каждое мгновение. До ее гибели Соломон часто представлял себе их первый раз. И он фантазировал о стольких вещах. О том, что он хотел бы сделать для нее. Вместе с ней. О столь многом, что она желала испытать вместе с ним. Соломон не был неучем в этой сфере отношений, но он все равно постоянно вел борьбу с похотью внутри себя.

Однако с Хаос он оказывался в самых неподходящих ситуациях, и, независимо от того, насколько неправильно это было — его тело все равно реагировало на нее. Он уверял себя, что это естественно. В его случае дух всегда главенствовал над плотью. Нет проблемы — нет

очередной борьбы с собой. Он уже справлялся с похотью раньше, справится и сейчас. И начнет с того, чтобы больше не попадать в такие неловкие ситуации. А уж если их не избежать, то молитва ему в помощь.

Был и другой важный вопрос: что из всего произошедшего Хаос сделала целенаправленно? Было это нарочно или случайно, действительно не имеет значения, понял он. В ее ситуации оба варианта казались вполне объяснимы.

— Я оденусь, — сказала она, медленно выбираясь из кровати.

Соломон должен был устоять перед своим желанием снова вскочить и помочь ей.

— Так ты решилась?

— Да!

Несмотря на то, что ее ответ звучал нетерпеливо, Соломон был уверен, что именно боль просквозила на выдохе в голосе Хаос.

Пока Хаос целую вечность одевалась, Соломон возился на кухне с завтраком и другими домашними делами. Напоминая себе о своей новой тактике, он сдерживал волнительную дрожь, охватывающую его из-за чувства необходимости помочь девушке. Физиотерапия. Это включало в себя в том числе эмоциональное и психическое укрепление организма. Что не подразумевает под собой чрезмерного внимания к ее потребностям и баловства. Никаких поблажек, если он действительно хотел сделать ее сильнее и вытащить девушку из бардака, в котором она увязла. В глубине души Соломон понимал, что эта терапия не излечит ее настоящих проблем, но он также осознавал, что другого выбора нет. Он обнаружил потайной ящик в ее сознании. И ни малейших подсказок о его содержимом. Вот о чем его разум постоянно напоминал ему. Что-то зверское творилось там, и это был вопрос жизни и смерти. Болтовня в этом случае не помогала.

Наконец, дверь распахнулась, и вышла Хаос, облаченная в новую одежду, которую Соломон раздобыл для нее. Он остановился на черных спортивных штанах и футболке, так как не был полностью уверен в ее размере. На вид она казалась очень миниатюрной. Соломон отказывался думать о ней, как о ребенке, понимая, насколько это глупо, ведь она была уже сформировавшейся женщиной. И насколько он мог судить, девушка не была умственно отсталой, не считая того что она пострадала от промывки мозгов. Со многим Соломон мог бы помочь ей, он мог хотя бы снизить негативное влияние на сознание. Или умереть, в попытке сделать это.

Умереть в попытке. Странная дрожь осознания прокатилась по его спине, оставляя за собой понимание того, что все это реалистично. Что если его жизнь была под угрозой?

— Чувствую себя обновленной, — сказала Хаос, хромая, приближаясь к столу.

Соломон посмотрел на нее. Перед ним предстал идеальный образ молодости, красоты, невинности. Она взывала к нему, находясь на волосок от смерти. Он услышал ее. Он отозвался. И он бы повторил это. За один удар сердца. Он с удовольствием отдал бы свою жизнь, чтобы защитить ее, без вопросов и без сомнений.

— Ты выглядишь посвежевшей.

Хаос провела рукой по запутавшейся пряди волос, которую она закрепила на затылке одной из тех заколок, что Соломон приобрел для нее в магазине.

- Мне нужно избавиться от этого колтуна. И поскорее. Пока что я его просто спрячу.

— Не переусердствуй. Нам нужно укрепить тебя, а не навредить.

— Я быстро поправляюсь, — практически похвасталась она.

Внутренности Соломона сжались от звучащей уверенности в ее голосе. Очевидно она

говорила, опираясь на прошлый опыт.

— Полезная информация.

— Так с чего начнем?

Он переложил большую порцию яичницы в ее тарелку.

— Съедем сбалансированный и полезный завтрак.

Оглядываясь по сторонам, Хаос стояла позади стула, за кухонным столом.

— Обычно я не завтракаю.

Соломон добавил нарезанные ломтики индейки в ее тарелку, подавляя желание наложить ей побольше еды, чтобы восполнить истощенные резервы ее запущенного организма.

— Завтрак не подлежит обсуждению, — сказал мужчина, используя тот же тон, который применял к упрямце мисс Мэри.

— Пища — это топливо для организма. Нужно питать свое тело, но, что более важно, необходимо использовать топливо только хорошего качества, не что-то дешевое, а отлично обработанное и питательнее, чем какие-нибудь жалкие второсортные отбросы производства.

Соломон продолжал объяснять, как организм использует «топливо», и каким истощениям подвергается организм человека, когда недополучает то, в чем нуждается. Как хорошая ученица, Хаос кивала на протяжении всей его проповеди о правильном питании. Но услышала ли она его на самом деле или просто делала вид, что слушает? Соломону придется подождать и проследить за ней.

Сидя напротив девушки за маленьким столом на две персоны, Соломон наблюдал за тем, как Хаос гоняла еду по тарелке от одного края к другому. Она откусила немного, затем продолжила тыкать вилкой в оставшийся кусок.

— На вкус неплохо?

— Да, мне нравится, — ответила она, смотря на него своими постоянно меняющимися цвет глазами.

Он все еще не был уверен, какого цвета они были, но Соломон не мог смотреть в них достаточно долго, чтобы выяснить это.

Наконец, он понял, чем занималась Хаос.

— Тебе не нравится консистенция блюда?

Хаос откусила еще немного и покачала головой.

— Просто предпочитаю... потреблять пищу в определенном порядке.

— Что ты имеешь в виду?

Откусив немного, Соломон почти боялся узнать подробности.

— Ну, знаешь. По типу ABC. Мой мозг заставляет меня.

ABC. OCD. ADD. *(прим. переводчика: ABC-анализ — метод, позволяющий классифицировать ресурсы фирмы по степени их важности. OCD — Обсессивно-компульсивное расстройство. ADD — Синдром дефицита внимания).*

— Твой мозг заставляет тебя, серьезно? А если ты ослушаешься?

— Тогда из носа пойдет кровь.

Брови Соломона взметнулись вверх, пока он в удивлении смотрел на девушку.

— Не шутишь?

Хаос покачала головой, откусив еще немного.

— В ушах начинает звучать громкое жужжание, а затем из носа идет кровь.

Вау. Он задался вопросом, какая же болезнь может вызывать подобные симптомы, или

это просто совпадение?

— Сколько раз это случилось?

— Не часто, — пробормотала она с полным ртом еды. — Потому что я всегда прислушиваюсь к себе.

Теперь настала очередь Соломона гонять пищу по тарелке, но он делал это по другой причине.

— Мастер любит во всем порядок? — предположил он.

Хаос кивнула, отпив молока.

— Да, он очень строгий и аккуратный. Но на это есть веская причина.

— Не сомневаюсь, — ответил Соломон настолько искренне, как только мог.

— Мастер очень хороший.

На этой тошнотворной лжи девушка откусила еще немного яичницы.

— Ну, я точно знаю каким должен быть хороший Мастер, — поддержал он ее, однако его аппетит неумолимо угасал.

— Ты тоже Мастер? Я догадалась, — произнесла Хаос, выглядя так, словно, наконец, почувствовала здоровый аппетит к завтраку.

Соломон чуть было не поправил ее, но потом осознал свое преимущество перед таким заблуждением девушки, в таком ключе можно заполучить информацию или повлиять на нее.

— У меня есть некий дар, — сказал Соломон.

— У тебя очень могущественный голос.

С ней ему тоже так казалось. Он подыграл.

— Ты заметила?

— Да. Когда ты разговариваешь и особенно когда поешь. Это заставляет мое тело делать такие вещи, на которое оно не было способно. Мастер назвал тебя одаренным.

Ого, это был большой промах.

— Ты готова к терапии? — спросил Соломон, делая вид, что не слышал ее последних слов, относя тарелки в раковину.

— Да, — поспешила она ответить, в то время как разум Соломона пытался постичь эту грандиозную новость.

Мастер знал его. Это многое меняет, не так ли?

Соломон подошел к Хаос, к месту, где она по-прежнему сидела за столом, и протянул ей руку. Она подняла на него глаза.

— Вложи свою ладонь в мою, — проинструктировал он.

Внезапно на ее лице отразился страх, что ясно давало понять — Мастер использовал все, что связано с болью, и манипулировал этим. Помогая ей, Соломон поднял девушку с места.

— Закрой глаза.

Хаос повиновалась ему, и мужчина принялся выводить пальцами на тыльной стороне ее ладони случайные узоры.

— Ты знаешь, что я делаю?

Она отрицательно покачала головой.

Соломон тоже не имел понятия, но внезапно ему пришла идея.

— Я общаюсь с твоей кровью.

Хаос с придыханием уставилась на него снизу-вверх.

— Зачем ты это делаешь?

Соломон решил посмотреть, к чему приведет эта игра, увидев, что Хаос воспринимает его слова всерьез.

— Просто чтобы поздороваться, — пояснил он.

— Ты улыбаешься, — промямлила она. — Хотя, обычно ты этого не делаешь.

— Что? Конечно, я улыбаюсь.

Хаос устала на свои руки, пока он продолжал поглаживать вены на ее тонких ладонях.

— Но... с трудом.

Соломон осознал, что было плохой идеей делать то, что он только что озвучил. Нужно прикоснуться к ней. Нежно. Что если это единственный сильный и действенный метод, чтобы вытащить ее из всего этого? Правильный вид прикосновений? Правильный подход?

— В том, как мы встретились, не было ничего веселого.

Тон Соломона соответствовал его прикосновениям.

— Потому что я дерьмово выглядела?

Девушка усмехнулась собственным словам, и Соломон разжал пальцы, отпуская ее. Внезапно появилось смущение, когда она взглянула на него снизу.

— Потому что ты была ранена, а я не терплю, когда другие страдают. Ты можешь сесть.

Медленные движения Хаос доказывали то, что ей по-прежнему было очень больно. Она прикоснулась к тыльной стороне своей ладони.

— Мне это нравится.

— Что именно? — уточнил Соломон, направляясь к плите.

— То, что ты против... насилия надо мной.

Соломон поставил воду на огонь.

— Это так необычно? То, что тебе это нравится, я имею в виду?

Очевидно быть избитой до полусмерти было нормой для девушки.

Он оглянулся и уловил, как она пожала плечами.

— Я не помню такого прежде.

О, да, потому что всем было плевать на нее.

— Итак, каково это? Когда никто поблизости не хочет нанести тебе вред?

От самой мысли обсуждать подобное Соломон ощутил всплеск гнева. Это означало, что подтвердилось худшее из его предположений — Хаос никогда прежде не испытывала ничего такого простого как теплое отношение. Но одержимым его делала необходимость выяснить у нее подробности совершенных над нею зверств и при этом не показать своих настоящих чувств — жажды убийства всех надругавшихся над ней тварей.

Поставив две чашки на стол, Соломон не сводил с девушки глаз.

— Я так думаю, — сказала Хаос, отводя взгляд куда-то влево. — Мне не настолько хорошо знакомо это чувство.

Девушка развернулась к нему, ее изогнутые брови выражали удивление.

— Это плохо?

— Нисколько, — солгал Соломон. — Мало кому из нас удалось испытать все хорошие эмоции в этом мире.

— Я не хочу сказать, что не знаю добрых чувств, — продолжала Хаос, осознавая, насколько странным это могло показаться.

— Я испытываю теплые чувства по отношению ко многим вещам. Просто не все они ощущаются...

— Хорошо? — подсказал Соломон.

— Можно чувствовать себя комфортно в мыслях, — объясняла девушка, — даже если твое тело чувствует иначе. Как ты сказал, когда ты тренируешься? — напомнила она ему.

— Это так. — Но это не то же самое. — Есть много видов боли, например, плохая и хорошая.

— Ты можешь научить меня?

Соломон разлил кипяток по чашкам и окунул в них пакетированный зеленый чай.

— Чему именно?

— Другим видам... хороших чувств. Это то же самое, что и удовольствие? — поинтересовалась Хаос.

— Думаю, можно сказать, и так. Но удовольствие тоже имеет много видов.

— Я знаю об удовольствии сексуального рода, — радостно произнесла девушка. — Я очень хороша в этом.

Иисус Христос, вот оно что.

— Ну, это особое удовольствие, — пояснил Соломон, стараясь сохранить мягкий учительский тон.

— Да, Мастер обучал меня, что оно имеет особую власть, и это нормально использовать его на благо человечества, — объяснила Хаос, словно ее собственный разум ставил под сомнения это утверждение.

Теперь Соломон ощущал давление под другим углом, еще одна проверка. От Мастера к Мастеру. Ему необходимо быть осторожным и не упустить шанс выведать все об этом отвратительном притоне.

— Твой Мастер прав. Однако это также может нанести вред человечеству.

— Я знаю, — заверила Хаос.

Как, черт возьми, он должен был научить ее тому, что сексуальное наслаждение она может разделить лишь с тем мужчиной, который полюбит ее?

— Есть еще один вид сексуального удовольствия, — сказал Соломон. — Тот, который может быть разделен лишь между двумя людьми и никем более.

— О-о-о, это когда люди женятся?

— Да, — кивнул мужчина, передавая ей чашку и усаживаясь рядом с Хаос, чтобы продолжить обсуждение этой тошнотворной темы. — Когда мужчина любит только одну женщину, а женщина любит только одного мужчину, они разделяют особое сексуальное удовольствие, которое невозможно испытать вне этой связи.

Свет погас в ее глазах, когда она взглянула на него в изумлении.

— Ты говоришь о сказочной любви. Мастер рассказывал мне об этом. Он сказал, что это не по-настоящему.

Гребаная борьба с Мастером, вот к чему они пришли в итоге.

— Иногда Мастера ссылаются на такие редкие вещи как сказки. Мы имеем в виду то, что случается это не часто, но все же случается, и для многих людей это воспринимается как сказка. Люди не осознают всю силу и дар этого и зачастую тоже называют это сказками, но ты и я, мы оба, знаем, что это не так.

— Правильно, — согласилась она, очарованная его дополнением. — Мы очень стараемся не раскрывать некоторые тайны, ведь глупые люди в своем невежестве могут осудить нас. — Хаос смерила мужчину взглядом, при этом она выглядела любопытной. — Из какого... Ордена ты?

Значит, она являлась частью какого-то Ордена. Соломон отхлебнул из чашки, стараясь не показывать, как много он уловил, собирая все элементы головоломки. Волк у камина тихонько заснул, и Соломон пожал плечами.

— Меня называют одиноким волком. Будучи частью всего, я не принадлежу ни к чему.

Господи. Он мысленно вытер пот со лба и похлопал себя по плечу, придумав этот ушат противоречивого дерьма. Что было идеальным для такого рода хрени.

Соломон устремил свой прямой взгляд на девушку, снова входя в роль.

— Значит... это удовольствие на самом деле настоящее? — спросила она. — Просто редко встречается?

— Да, — с легкостью ответил Соломон. — Так же редко, как и твоя позиция в Ордене.

Он затаил дыхание, забросив наживку, ожидая, что же Хаос ответит на это.

Хаос глотнула чая и блеснула взглядом, который послал холодящий озноб по его спине.

Не он один закидывал приманку.

— Значит... у тебя было это... редкое удовольствие с твоей женой?

Какого черта, она пропустила его вопрос?

— Да, это так.

— На что это похоже?

— Это невозможно описать. Ни одному художнику не под силу.

— Тогда откуда такая уверенность? Как ты узнал, что испытал именно это?

Соломон наклонился вперед, смело встречаясь лицом к лицу с девушкой.

— Просто узнал и все.

Хаос отпрянула в неверии от его ответа.

— Я не верю в это. Все силы можно увидеть, изучить, продемонстрировать.

— Я не сказал, что это невозможно продемонстрировать — просто нельзя объяснить.

— Ты можешь показать это мне? Я бы хотела... научиться. Узнать, каково это.

— А, может, ты уже знаешь? — переспросил он.

Девушка покачала головой, подводя к единственно возможному выводу.

— Сексуальное удовольствие мне не знакомо.

И сейчас была его очередь уточнить ее слова.

— Ты ведь сказала, что...

— Знаю, как дать сексуальное удовольствие. Но сама — я этого не испытывала.

Она выдала этот факт сухо и в научной манере, отчего Соломону пришлось бороться с собой, чтобы сдержать ярость.

— Для меня это недопустимо, — пояснила Хаос, словно он был невеждой. — Я другая, — подчеркнула девушка.

Хаос пристально смотрела на него, словно в ожидании вердикта другого Мастера, возможно, чтобы увидеть правду, а, может быть, чтобы понять, что есть другие варианты толкования этого понятия.

Но Соломону следовало оставить позади свой гнев даже в мыслях. Он уставился на свою чашку, сжимая ее пальцами.

— Ты не смогла познать сексуальное удовольствие, потому что те мужчины не любили тебя, а ты не любила их.

— Любовь, — повторила она, подчеркивая этим, что он коснулся еще одного понятия, которое ее сломленному разуму было непросто постичь.

— Например, это можно испытать с мужчиной, который бы не желал причинить тебе

вред.

— Мастер не любил причинять мне боль, — сообщила Хаос, словно это сделало его кандидатом.

Иисус, мать его, Христос. Соломон опустил голову, пряча полыхающую ярость.

— Чтобы... испытать этот вид удовольствия, мужчина должен быть очень нежен с тобой. — Он вынудил себя взглянуть на девушку.

— Он должен быть мягким. Он удостоверится, что ты получишь сексуальное удовольствие, потому что твое наслаждение для него означает гораздо больше, чем его собственное. Твое наслаждение — это его наслаждение. Он будет любить тебя. Обожать тебя. Беречь тебя. Умрет, чтобы защитить тебя. Умрет ради твоего счастья. Чтобы заставить тебя улыбнуться.

Хаос смотрела на него так, словно Соломон только что поделился с ней одним из самых поразительных и горьких секретов мироздания. Девушка тяжело вздохнула и отвела взгляд. Она встала на ноги и, прихрамывая, направилась к двери.

— Куда ты идешь?

— Мне нужно подышать свежим воздухом.

Соломон позволил ей уйти, глядя на волка, который, задрвав голову, поспешно последовал за Хаос. Соломон был готов дать ей десять секунд, чтобы переварить эту многообещающую, в корне меняющую жизнь правду, и последует за ней. Если бы только он мог пробить эту стену лжи, выстроенную в ее сознании.

В этот момент Соломона мучил, назойливо зудя, еще один важный вопрос: если Мастер знал его... тогда, что он задумал? Неужели он оставил девушку в его лесу, чтобы Соломон нашел ее? Это все было подстроено? В какие игры она играет? Так или иначе, Хаос не отправили бы сюда без какого-то плана. Однако, чтобы эта теория подтвердилась, девушка должна была знать больше.

Соломон последовал за Хаос, выйдя на крыльцо, где она сидела на ступеньках, уставившись в сторону леса справа.

Теперь предстояло выяснить, что же так сильно из его слов расстроило ее. Соломон облокотился на столб, расположенный слева от девушки, ведя внутренний спор с самим собой о том, что сказать ей.

— Значит, у вас с ней это было?

— Было что и с кем?

— Особое... сексуальное... все эти любовные вещи, приносящие удовольствие?

Опасения ударили в Соломона от осознания того, что Хаос так расстроена из-за самых неправильных вещей, которые только были возможны.

— Да, — это был единственный ответ, который пришел ему на ум.

— Уверена, со мной такого не происходило раньше, — пробормотала Хаос, скрестив руки. — Думаю, я бы помнила. — Она пожала плечами. — В любом случае, я не нуждаюсь в этом. Как и домашние питомцы, это только отвлекает.

— От чего? — Соломон не мог удержаться от вопроса.

— От важных вещей, — спокойно ответила Хаос.

— Например, каких?

— Знаешь, я хороша в том, чтобы доставлять сексуальное удовольствие.

Его сердце сжалось от боли за нее.

— Я не сомневаюсь, что так и есть, дорогая.

— Почему ты меня так называешь?

— Извини...

— За что ты извиняешься?

— Не извиняюсь, я имел в виду... я не говорю так, чтобы быть снисходительным. Я просто забочусь о тебе.

Хаос притихла, перед тем как, наконец, продолжить:

— Так же, как о ней?

— Нет, — ответил Соломон, вероятно, слишком быстро. — Я не буду испытывать то же самое к другой женщине.

— Почему нет?

— Потому что... я не хочу этого.

— Ох, — вздохнула девушка с легкостью, но это было далеко не так.

— Однажды у тебя появится мужчина, который будет чувствовать все эти прекрасные вещи по отношению к тебе.

Она фыркнула.

— Мне не нужен мужчина, чтобы он чувствовал что-либо ко мне, мистер Соломон. Мое предназначение заключается не в этом. Я не чувствую удовольствия, потому что не должна. Я не создана для него. Я родилась на этот свет с целью, которая не предполагает подобного, и я смирилась с этим давным-давно.

— Тогда для чего же ты родилась? — необходимость Соломона знать ответ была больше, чем желание не согласиться с ее словами.

— Спасти людей, — вполголоса ответила она.

— Как... Иисус? — предположил Соломон.

— Возможно.

— Но разве он уже не сделал это?

— Да, но то, что делаю я, не одно и то же. Это как продолжение его деяний.

Ее тон был спокойным, твердым и пугающе последовательным. Соломон сел рядом с ней на ступеньках, и девушка поежилась.

— Я воспринимаю тебя как друга, — сказал он, не желая обидеть ее по какой-либо причине, сравнивая с сестрой. — Я чувствую себя рядом с собой так... словно давно знаю тебя.

— Это довольно мило, — беспечно ответила Хаос. — Я рада.

Но он услышал в тоне ее голоса громко и отчетливо, что там таилось нечто большее. Скрытая боль читалась в, казалось бы, беззаботных словах. Соломону не понравилось быть частью ее боли и разочарования.

— Думаю, для сегодняшнего сеанса терапии не мешает немного развлечься. Давай.

Соломон поднялся и протянул девушке руку. Хаос разглядывала его ладонь на протяжении нескольких секунд, затем встала без посторонней помощи, давая ему понять, что оскорблена.

— Я готова, — ответила Хаос, заправляя пряди волос за уши, не поднимая своих глаз на него. — Но я не собираюсь отвлекаться.

— Конечно, — сказал Соломон, сумев не показать свое несогласие с ее тоном. — Позволь мне забрать свои вещи, и мы пойдем по следу.

— По следу?

— Я хочу показать тебе окрестности моих лесов. Думаю, тебе понравится.

Хаос не стала спорить, но и улыбка не коснулась ее губ. Хотелось бы надеяться, что это изменится.

Соломон упаковал им обед и воду, вместе с покрывалом и болеутоляющим на случай, если их путь окажется слишком тяжелым для нее. Они вышли наружу и тридцать минут спустя обнаружили первую ловушку.

Соломон застыл и завел одну руку за спину, а второй рукой показал ей жестом вести себя тихо. Они ушли не так далеко, Соломон старался передвигаться очень медленно, несмотря на то что Хаос настаивала, что она может идти быстрее. Чтобы сохранить интригу, Соломон до конца держал в тайне место, куда они направляются.

Соломон указал на ловушку и наклонился вперед, чтобы прошептать:

— Добро пожаловать на первый этап пополнения зоопарка Соломона. В прошлый раз я поймал здесь крота. Сейчас он у мисс Мэри. Она назвала его... Тайлером, если я не ошибаюсь.

Блеск в глазах Хаос заставил его улыбнуться, когда он на цыпочках вместе с девушкой прокрался к ловушке. Приблизившись, он обнаружил ее пустой, приманка исчезла.

— Что б меня, — проворчал Соломон, обходя вокруг клетки, качая головой. — Это, должно быть, был очень хитрый лис, — сказал он, подмигивая Хаос. — Я заполучу его.

— Или ее, — сказала Хаос, улыбнувшись.

— Ты права, или ее.

— А где вторая ловушка?

— Следуй за мной, — сказал Соломон, сделав паузу. — Конечно, если не хочешь

передохнуть?

— Нет, — Хаос подтолкнула его вперед, чем заставила улыбнуться.

Спустя несколько сотен ярдов пути Соломон опять остановил девушку и указал на то, что было перед ними, в то время как сам заслонил ее спиной.

— Я думаю, в этой что-то есть.

Хаос схватила его за руку и осторожно выглянула из-за широкой спины Соломона.

— Что это?

— Пойдем посмотрим.

Достигнув клетки, Соломон понял, что лучшего улова и вообразить было невозможно.

— Будь я проклят. Это ты молилась об этом? — спросил он скептически.

Она отпихнула Соломона в сторону и заковыляла к клетке, упав на колени.

— Это... — Хаос повернулась к нему, а лицо ее святилось изумлением. — А-а-а-а!

— Детеньш опоссума? — Соломон рассмеялся и опустился на колени возле девушки. — Ты только посмотри на него. — Мужчина огляделся по сторонам. — Надеюсь, его мамы нет поблизости. Обычно, я оставляю малышей на свободе.

— Нет! — выдохнула Хаос. — Я хотела сказать... можно я... оставлю его ненадолго, а отпустим мы его попозже?

Соломон вздохнул, притворяясь, что ему требовалось время, чтобы обдумать это.

— Пожалуйста, прощу? — она умоляла, словно ребенок.

— Я согласен, если ты так этого сильно хочешь.

— Мы можем вернуться? Он, наверное, проголодался.

— Нет! — Соломон почти взмолился. — По крайней мере, у меня есть еще кое-что, что я хотел бы показать тебе, и я уверяю, этот прожорливый опоссум не голоден. Я положил в клетку достаточно еды для взрослого животного. А он съел все!

Она рассмеялась, тыкая пальцем в сторону клетки.

— Он — малыш с растущим организмом, — ворковала девушка. — Ой! — воскликнула она, дернув палец обратно к себе.

— Я как раз собирался предупредить тебя, чтобы ты держала пальцы подальше от клетки, — сказал Соломон, снимая рюкзак.

Хаос стояла и сжимала свой палец, затем поднесла его ко рту.

— Боже, нет! — воскликнул Соломон, отдернув ее руку прочь. — Там может быть какая-нибудь зараза.

Достав медикаменты, Соломон встал и потянул травмированный палец девушки к себе, чтобы рассмотреть поближе.

Она рассмеялась.

— Доктор всегда наготове.

Он был счастлив лишь оттого, что слышал свет в ее голосе.

— Я всегда должен быть готов.

Соломон быстро очистил поверхность кожи и прилепил пластырь.

— Вот так. Больше никаких пальцев рядом с клеткой.

— Идет, — с улыбкой ответила Хаос.

Невинная радость в ее светящихся глазах почти украдала его дыхание и все мысли из его головы. Соломон заметил, что они были оливкового цвета. И ему нравилось видеть ее счастливой. Она это заслужила. А кто не заслужил?

Наконец, Соломон привел ее к следующей и финальной точке их пути.

— Ладно, а это мой самый драгоценный секрет.

— Ох-х-х, как приятно, я чувствую себя особенной.

Сейчас не было необходимости подбадривать ее эмоционально, и Соломон даже не будет пытаться.

— Так и есть. Даже очень.

Хаос успела запыхаться, едва они подошли к небольшой полянке.

— Боже мой, — воскликнула она при виде секретного водоема. — Это похоже на рай!

— Да, так и есть, — с гордостью подтвердил Соломон.

— Ты здесь рыбачишь?

— Нееет, я здесь плаваю, а не занимаюсь рыбалкой, — рассмеялся мужчина. — Должен бы, знаю, но я еще не стал совсем деревенским парнем.

Хаос рассмеялась в ответ.

— Деревенский парень. Хочешь сказать, ты не провинциал?

— Скорее, городской житель.

— Я никогда не была в большом городе.

Ее голос прозвучал без сожаления, и он был этому рад.

— Поверь мне, ты ничего не потеряла.

— Верю, — очень просто согласилась девушка.

Он усмехнулся ей.

— Ты умеешь плавать?

Хаос сильно затрясла головой.

— Нет?

— Не люблю воду, ведь я не рыба.

Соломон рассмеялся.

— Ну, тогда я пойду и поплаваю, — сказал он, надеясь ее переубедить.

Купание в открытом водоеме принесло бы много пользы ее телу и разуму.

Хаос наблюдала, как Соломон купался в изумрудно-райской заводи. Она еще не полностью оправилась от того удара, что получила от него ранее, который ощущался словно бодрящая эмоциональная пощечина, но благодаря этому девушка чувствовала себя гораздо лучше. Безусловно, Соломон усложнил для нее задачу, которая предполагала необходимость заполучить его в жертву. Но по какой-то странной причине Хаос была этому рада. Это делало его в глазах девушки особенным, более значимым.

Хаос сосредоточилась на ощущении окружающего ее рая, который Соломон разделил вместе с ней, напоминая себе, что сделал он это лишь из жалости, и он не имел желания связывать себя с ней брачными узами. Было ошибкой позволить Соломону увидеть ее наивность и уязвленное самолюбие, прежде чем она смогла скрыть свои чувства от его пронизательного взора.

Безусловно, самолюбие. Был ли хоть один мужчина, который отверг что-либо, предлагаемое ею? Ни одного. Их, конечно, была не сотня, но их было достаточно. И каждый из них, казалось, по крайней мере, осознавал, что Хаос представляет собой настоящую

находку, она была для них особенной.

Но только не Соломон. Для него она была... какой-то сломанной куклой или просто недостаточно полноценным человеком, чтобы соответствовать его Шантиль.

Так отчего же ее глаза пожирают его образ, с жадностью до всего, что он может ей дать? Она была абсолютной бунтаркой, всегда. Страстно желала всего, чего у нее не было, или ей запретили это иметь. Соломон остался одетым в белую футболку и плавал, облаченный в плотные, обрезанные зеленые шорты.

— Ты уверена, что не желаешь присоединиться? — крикнул он, повернувшись к ней, передвигаясь в воде на расстоянии нескольких футов от нее.

— Нет, спасибо.

Хаос махнула рукой, внезапно сожалея о своей боязни воды. Не то что бы она имела желание поплавать с ним, хотя ей бы следовало. В этом была необходимость. Как еще ей установить с ним связь? Хотела она этого или нет, но близость должна произойти. О чем она только думала? Каким образом предполагалось установить эту связь между ними, если Хаос была совсем не подготовлена?

Ей нужно поговорить с Мастером и рассказать ему, что она не была подготовлена должным образом. Нужно выяснить, как действовать дальше.

С женщиной, с которой Соломон разделит сексуальное удовольствие, ему необходимо установить эмоциональную связь. А между ними двумя этой связи не было. Остается только один вариант. Использовать свои навыки в том, в чем Хаос была столь искусна, чему она обучалась все это время. И для девушки совсем необязательно испытывать наслаждение, по крайней мере — допускать его к своему телу. Существует множество способов сделать это, помимо секса.

Как и было обещано Соломоном в тот день, он не прикасался к ней во время его так называемой терапии. Что больше походило на пытку. Опять же, это было проявление ее внутреннего бунта. Ее смятение, вызванное желанием того, что она не могла получить, в этой ситуации объяснялось предельно ясно и просто. Но как он посмел? Как Соломон смеет не испытывать к ней желание, мужское желание, которое испытывают к женщинам? Или конкретно к той женщине? Из его уст звучали только правильные вещи, но порой его действия были такими, что заставляли Хаос думать, будто он захочет ее, и все же... неужели он никогда не пожелает испытать подобное по отношению к другой женщине? Находясь в душе, Хаос зажмурила глаза, уцепившись за гнев, который пришел с этой нелепой, глупой болью.

В сотый раз Хаос желала поговорить с Мастером, чтобы узнать, как поступить с этим Соломоном Горджем. Боль вернулась и сдавила грудную клетку, Хаос стиснула зубы, принимая ее. Боль тоже имела свою власть. Девушка была экспертом в её использовании. И Соломон дал ей маленькую лазейку в ходе их разговора. Хаос испытывала восторг от его способностей. Она изучила все о них, не так ли? Соломон не мог обучить ее искусству любви, но он позволил ей прочувствовать эту новую боль.

Девушка отправилась бы к Мастеру, такой шаг в этой ситуации был бы простым и понятным. И ей придется это сделать. Но прежде чем уйти, ей необходимо опробовать на Соломоне свои способности и навыки. Ее цель — облегчить Соломону принятие его судьбы, ведь она понимала, что, вероятнее всего, он будет сопротивляться этому. До тех пор, пока не почувствует, что ему это по вкусу. Он обязательно должен получить это. Только от нее и ни от кого другого.

Выйдя из душа, Хаос натянула на себя ночную рубашку, которую для нее раздобыл Соломон, и спрятала в карман две полоски бинта. Он первым принимал душ, а Хаос растягивала свое пребывание в ванной, надеясь, что, когда она закончит, мужчину уже сморит сон. И чем более глубокий сон — тем лучше.

Прежде чем взобраться на постель, она проверила малыша опоссума, снова поражаясь тому, что он по-настоящему был рядом с ней, и это было реальностью. Казалось чудом — увидеть его в этой клетке. Встреча со зверьком не была первым из ответов на ее молитвы, но даже на это Хаос особо не рассчитывала. Не после всего того, что она натворила.

— Добрых снов, опоссум, — прошептала девушка, мечтая, чтобы он стал дружелюбнее к ней. Возможно, его отношение к ней изменится в лучшую сторону, если он почувствует, что Хаос хорошая и не причинит ему вреда.

Прежде чем забраться в кровать, она погладила пса и тоже пожелала ему спокойной ночи в своих мыслях, не желая показаться Соломону эмоционально зависимой по какой-

либо причине.

Хаос заняла свое место в постели и пролежала так какое-то время.

— Прости, Хаос, — прошептал Соломон спустя некоторое время.

Девушка не обратила внимания на то, как ее внутренности дрогнули при звучании его негромких слов, казалось, причина в необычном и чуждом опустошении в них. Она предпочла не отвечать, так как не могла ничего сказать. Девушка пролежала без сна несколько часов, и чем больше она ждала, тщательно перебирая планируемые шаги в своей голове, тем сильнее колотилось ее сердце. Она никогда не делала ничего подобного раньше. Насколько сложным это может оказаться для нее? Она знала достаточно о воздержании, чтобы быть уверенной, что никогда не пересекала противоположного грань этого явления. Но Хаос знала все о выживании, знала о том, как крепко затягивать узлы, знала, как совершить маневр. Мастер научил ее многим вещам. Он сказал, что всегда хорошо быть подготовленной к встрече с врагом, какую бы форму он не принял.

Не желая больше ждать, Хаос сделала вид, будто ей снится кошмар. Когда Соломон тут же проснулся, она обернула свои руки вокруг его шеи и растворилась в комфорте его объятий. Как ни странно, не составило труда имитировать симптомы травмы, ее тело и разум, казалось, были заодно с ее планами, реагируя так, словно они тоже поверили ей.

Хаос расслабилась, и Соломон сделал так, как делал всегда — повернулся спиной к ее лицу. Это показало ей, что мужчина не заметил, как скользнул первый из бинтов, оборачиваясь вокруг его запястья. Хаос проделала это, когда неистово цеплялась за него, пока он пытался успокоить ее своими объятиями. Примерно час спустя, когда его дыхание углубилось, она осторожно переместила другую повязку, закручивая бинт вокруг его предплечья. Когда специальный узел был готов, Хаос быстро дернула изо всех сил, плотно стянув его руки за спиной.

Мгновенно проснувшись, он перевернулся на спину, и Хаос опустилась на колени рядом с ним, наблюдая за его борьбой.

— Что происходит? — ахнув от удивления, Соломон дернул связанными запястьями несколько раз и, сбитый с толку, осмотрелся по сторонам.

— Чем больше ты будешь двигаться, тем сильнее будут затягиваться узлы.

Тяжело дыша, он уставился на девушку, ее освещал призрачный свет, который лился из открытой ванной комнаты.

— Что... ты делаешь, Хаос?

Хотя его голос был низким и спокойным, она уловила дрожь беспокойства.

— Не волнуйся, я не причиню тебе вреда, — заверила Хаос.

Соломон хмыкнул, пытаясь встать с кровати, и Хаос поспешила оседлать его, быстро перекинув ногу через его талию.

— Для этого мне нужно, чтобы ты оставался на постели, — сказала она, прижимая его сильнее к кровати своим телом.

— Я сброшу тебя, Хаос, ты ведь не хочешь этого?! Клянусь, я буду бороться.

— А может, не стоит бороться со мной?

— Что ты делаешь?

— Демонстрирую тебе.

— Демонстрируешь мне что? — требовал Соломон.

— То, насколько я хороша в доставлении удовольствия.

Он покачал головой.

— Нет, — прошептал он. — Не делай этого, пожалуйста.

— Почему нет? — она действительно хотела знать ответ.

— Это неправильно.

— Ты считаешь меня красивой, ты заботаешься обо мне. Думаю, это самое правильное, что когда-либо случилось со мной.

Соломона охватила паника, пока он сражался с инстинктивными реакциями своего тела, желая сбросить ее с себя. Он мог бы бороться, это не было проблемой, но могла ли Хаос заставить его причинить ей боль? На первом месте должна быть логика.

— Умоляю, не делай этого. Это слишком неправильно.

Соломон зажмурился, когда девушка сняла сорочку.

— Оставь свою гребаную одежду на месте, Хаос! — взвыл он, прибегая к силе интонации.

Хаос стремительно скользнула по его телу вниз, пока не достигла верхней части его бедер. Его тело уже вздымалось своей готовностью действовать, а ведь она еще не успела зайти дальше.

— Я буду сопротивляться, тебе лучше подготовиться.

— Я надеялась, что ты не станешь, — сказала девушка, быстро развернувшись всем телом. Не успел он осознать, что она делает, как его лодыжки резко сошлись вместе, крепко затянутые еще одной петлей.

Ох, черт. Блять. Он подтянул к себе колени, глядя на девушку.

— Не заставляй причинять тебе вред, Хаос, пожалуйста.

Девушка склонила голову к Соломону, в ее глазах горел невысказанный вопрос, словно он уязвил ее своими словами. «Ты бы мог причинить мне вред?» Очевидно, она не сомневалась, что этого он никогда бы не сделал. Никогда.

— Значит, ты собираешься изнасиловать меня? Вот так? Иисусе.

Он крепко зажмурил глаза, когда она оседлала его талию. Что ему оставалось делать?

Оставаться спокойным.

Мужчина ахнул, когда девушка взялась за его боксеры и начала опускать их, несмотря на то, что его колени по-прежнему были притянуты к телу. Оставаться спокойным? Оставаться спокойным? Может быть, ему следует сделать вид, что он не против ее действий.

— Ладно, ладно, — сказал Соломон, выпрямляя свои ноги.

Хаос уселась на него в ту же секунду, как только он вытянулся всем телом на постели. Мужчина стиснул зубы, когда она стянула его боксеры ниже и мягким захватом его член обвили руки, начав поглаживать. Весь тяжелый труд Соломона, чтобы оставаться чистым для своей жены, исчез под прикосновениями Хаос.

Она мертва.

Прилив жара заставил его зарычать, а внутренний голос убеждал принять происходящее. Настолько это было восхитительно и необходимо. Но все это не имело никакого смысла. Для кого, черт возьми, такое могло быть необходимым?!

Рот девушки накрыл его плоть, и Соломон дернул головой вниз, чтобы проследить за

тем, что она делала. Взгляд Хаос устремился к его лицу, преследуя и удерживая его в плену некоего смятения, взаперти своего персонального ада. Это то, что она терпела всю свою жизнь. Принуждение к удовольствию. Только для нее не было никакого удовольствия в том, что она делала, никогда.

Почему она это делает? Если бы он только понял ее мотивы, тогда, возможно, смог бы помочь ей. Соломон стиснул зубы, сопротивляясь той жажде, которую испытывало его тело, но только не разум. Как быстро он сдался. Так продолжалось до тех пор, пока он не увидел слезы на ее щеках, что поразило его в самое сердце. Она нуждалась в том, чтобы он не был таким, как все остальные.

Жар медленно покидал низ его живота.

— Это не то, что тебе нужно, Хаос, — выдохнул он, отдышавшись.

Девушка увеличила темп, и Соломон сосредоточился на том, что помогало ему удерживаться от падения.

Наконец, она остановилась, когда поняла, что ее уловки на нем не работают.

— А что мне нужно? — выдохнула она. — Ничего из того, что ты сможешь мне дать! — прошептала Хаос. — Я знаю это. Я даже никогда не просила ничего в ответ.

Она покачала головой, выглядя по-настоящему задетой им.

— Я просто... хотела поблагодарить тебя.

Последняя фраза была полна боли и печали.

— За помощь мне. Я лишь хотела показать, насколько хороша в том, чтобы доставить удовольствие тебе.

Соломон позволил себе взглянуть на нее, когда она опустилась на колени рядом с ним, вытирая слезы с лица, как ребенок, который лишь хотел угодить. Это разбило ему сердце.

— Чтобы сказать спасибо, не обязательно делать это, красавица.

Дыша с трудом, Хаос вскочила с кровати и убежала в ванную. Когда она вышла, Соломона окатила паника, так как она была полностью одетой и устремилась к входной двери.

— Что ты делаешь?

— Мне нужно подумать.

— Пожалуйста, не уходи, Хаос, там небезопасно.

Достигнув двери, она повернулась и посмотрела на Соломона через плечо.

— Там никогда не было безопасно, — прошептала она и вышла наружу.

Соломон боролся с узлами, чтобы освободиться, но обнаружил, что они затягиваются только сильнее, как и предупреждала Хаос. Волк заскулил, когда Соломон скатился с кровати и упал на пол.

— Давай, — буркнул он псу, — выручи меня. Помоги освободиться.

Все громче скуля, волк склонил голову, выглядя так, словно пытался понять его, но, конечно же, это было не так. Соломон тщательно тер ткань, сковавшую его лодыжки, о каменный выступ камина, пока, наконец, не порвал ее. Затем он бросился в сторону кухни за ножом. Но что он собирался делать с ним?

Мужчина осмотрелся по сторонам и поспешил обратно к камину, упав на колени, и начал быстро, как только мог, перетирать повязки на запястьях о камень.

Как далеко она могла уйти пешком? Знала ли Хаос здешние леса? Дерьмо, ему нужно поспешить.

К тому времени, как он освободился и оделся, казалось, прошла целая вечность. Что

если она вернулась обратно? Соломон молился Господу, чтобы он не позволил ей этого. Соломон ненавидел взывать к Богу, это навевало плохие чувства, дежа вю того, что произошло в последний раз.

Но он услышал ее крик тогда. Это что-то да значило.

Одевшись и вооружившись дробовиком, Соломон выбежал из дома.

— Хаос! — закричал он и, поспешив к своему грузовику, забрался внутрь.

Белая вспышка опарашила его, мелькнув где-то сбоку, Соломон дернулся и обнаружил волка, который забрался на заднее сиденье. Отлично, ему пригодится любая помощь.

Заведя грузовик, Соломон медленно поехал по извилистой дороге, прочесывая лес и выкрикивая имя девушки из окна. Блять. Благодаря ему, сейчас она была в черном тренировочном костюме, в полночное время. Единственный цвет, который мог броситься глаза, выделяясь среди крошечной темноты, это красно-рыжий цвет ее волос, но Соломон сомневался, что среди ночи в лесу сможет разглядеть нечто подобное. Ему нужно яркое освещение. Ни фары, ни тусклый лунный свет, а целый поток света.

Он добрался до нижней части дороги и выехал на шоссе. Ничего. Боже, пожалуйста, покажи ему, покажи, в какую сторону она направилась. Двигатель грузовика тихо рычал, пока Соломон ждал подсказки. И продолжал ждать.

Три раза Соломон ударил рукой о руль.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Покажи мне! Покажи мне, куда она направилась, просто направь мой гребаный грузовик в верном направлении, прошу! — сорвался он на крик. — Я умоляю!

На последней фразе он перешел на дрожащий шепот, но следующая минута, показавшаяся ему вечностью, принесла в ответ на его мольбы такую же тишину, как и прежде. Большое жирное ничего.

Он развернул грузовик по направлению к дому мисс Мэри. Необходимо было поговорить с кем-нибудь, он не мог держать это в себе. Она могла знать что-нибудь, хоть что-то. Соломон медленно подъезжал к ее дому, молясь, чтобы Хаос двигалась к дому мисс Мэри. Сердце Соломона сжалось, когда он свернул на подъездную дорожку мисс Мэри, понимая, насколько ничтожно малы были шансы найти девушку здесь.

Он постучал в дверь, стараясь не сделать это слишком громко.

— Это Соломон, — предупредил он, давая понять хозяйке, кто стоит у двери.

— Иду, иду!

Соломон ждал, пока откроется дверь, озираясь по сторонам, выискивая в лесу любой признак движения. Наконец, дверь открылась.

— Соломон?

— Мисс Мэри, — прошептал он, — мне очень жаль, что разбудил вас, я могу войти?

— Что за вопрос? Мальчик мой, ты же знаешь, тебе необязательно спрашивать меня.

Старушка откатилась на коляске в сторону, освободив проход, и Соломон зашел внутрь и закрыл за собой дверь, запирая замок.

— Мне нужна помощь, — сказал он, нервно расхаживая по комнате.

— Что же случилось?

— Видите ли, — он старался говорить спокойным тоном, — я ухаживаю за девушкой в своем доме. Я обнаружил ее полумертвой в лесу.

Вдруг он опустился на колени перед мисс Мэри и прошептал:

— Она заставила меня поклясться не рассказывать никому о ней. Но, Мэри, проведя

пару дней с ней, я узнал некоторые вещи, раскопал кое-что в ее сознании, — мужчина кивнул и продолжил ходить по комнате в смятении. — Я бы не рассказал вам об этом, если бы не впал в отчаяние, но я не знаю, что еще делать. Эта девушка вовлечена в по-настоящему скверные вещи. Г-группа очень больных людей причиняет ей вред, и они называют это благом. Когда я нашел ее, она была еле жива, Мэри. Я не преувеличиваю.

— Я знаю, ты бы не стал, — заверила она.

— Она пыталась соблазнить меня, а я отказался, потому что ей это не нужно, — рассказывал Соломон, ухватившись за хрупкие руки женщины. — Она лишь хотела поблагодарить меня. Подарив сексуальное удовольствие.

Словно его сердце ныло в груди, он закрыл глаза и схватился за голову.

— Теперь она ушла, и я не знаю куда, но мне нужно найти ее.

Соломон возобновил свои метания по дому.

— Я беспокоюсь, что она вернется в то жуткое место и волнуюсь, что они могут сотворить с ней опять.

— Ты знаешь ее имя, юноша?

— Она представилась как Хаос, но боюсь, это не настоящее имя.

— Милостивый Боже, какое отвратительное имя.

Соломон пытался вспомнить детали, которые могли бы в поиске.

— Она, она упомянула об Осквернении, которому суждено свершиться, — он взглянул на старушку. — Вы когда-нибудь слышали о подобном?

Руки мисс Мэри вспорхнули к губам.

— Не произноси этого здесь, сынок.

Соломон застыл, уставившись на нее.

— Что? Оск...

— Тсссс! — приказала она, ткнув в него дрожащим пальцем. — Только не в моем доме. Я не слышала это запретное слово с полвека, — прошептала мисс Мэри.

— Что это значит?

Старушка покачала головой.

— Нельзя говорить об этом.

Соломон смотрел на нее упрямым взглядом, зная, что она имела в виду и не отступится от своего.

— Я не могу бросить ее, мисс Мэри. Я должен ей помочь.

Ее рот вдруг сжался в жесткую линию.

— Ты ей не поможешь, если она уже погрязла в этом.

— Нет, — противился Соломон, качая головой. — Я должен узнать.

— Ни одна живая душа на сто миль вокруг не скажет тебе ни единого слова. Разве что сумасшедший Джимми Рэй Смит. Он уже давно тронулся умом, никто бы не стал иметь с ним дела.

— Где он?

— Ох, он не будет ни с кем говорить. Если ты наведишь его, он пристрелит тебя, — откровенно сказала старушка. — Затем съест на ужин.

— Может, мне пойти в полицию?

Мисс Мэри сильнее покачала головой в отрицании.

— Лучше бы ты не делал этого, сынок, меньшее, чего бы тебе хотелось, это покинуть город в ящике вперед ногами под конвоем.

— Вы серьезно?

— Как сердечный приступ. В этом городе есть свои тайны, которые не стоит раскапывать на божий свет, я думаю.

— Где он? Этот человек? Джимми?

— Я не скажу тебе, — воскликнула старушка.

— Мэри, — выдохнул Соломон, вновь опускаясь перед ней на колени. — Шесть лет назад моя жена была похищена и убита. И я не смог ее спасти. Помните ту ночь, когда я пришел сюда, думая, что вы были в опасности? Это была ночь, когда я нашел эту девушку. Я слышал, как она зовет меня в моих снах. Меня. Крик из ужасающего кошмара. Потом я обнаружил, что она свисает полумертвой с ветвей дерева. Это должно что-то значить, Мэри, пожалуйста, я прошу вас. Скажите мне, где его найти.

Глаза пожилой женщины расширились, а рука прикрыла рот.

— Ох, сынок, теперь ты убедился, что и у тебя есть дар твоей матери, да?

Мисс Мэри покачала головой и поджала губы, прежде чем смогла бы выдать ему адрес.

— Где это? — спросил Соломон, наклоняясь и целуя ее в щеку.

— В призрачных лесах Уэстона, сразу за психушкой.

— Психушка? Какая психушка?

Она пристально смотрела на него, ее приоткрытая челюсть слегка дрожала.

— Какая психушка? Мальчик, только не говори мне, что ты никогда не слышал об Уэстонском приюте для душевнобольных?

Соломон старался вспомнить что-нибудь об этом месте.

— Вы говорите о том огромном госпитале?

— Это сумасшедший дом. Или был таковым, — мисс Мэри перешла на шепот. — Психлечебница «Луна Хиллз Транс», — добавила она еще тише. — Много лет назад это учреждение закрыли, но один сумасшедший проповедник выкупил его и стал восстанавливать, одному Богу известно для каких целей. Я знаю, Джимми Рэй — единственная живая душа, достаточно спятившая, чтобы ответить на вопросы подобного рода.

Соломон вскочил и поспешил к двери.

— Спасибо, Мэри. Я приду завтра навестить вас.

— Будь осторожен! — предупредила старушка, ее голос звучал удрученно.

— Буду! — Соломон повернулся и взглянул на нее. — Прочтите за меня молитву.

— Я делаю это каждый день.

— Бабушка! — Хаос крепко обвила женщину руками, после того как пробралась в ее комнату, прокравшись через весь главный дом.

Старуха испуганно ахнула при виде девушки, словно та была привидением.

— Дитя, — прошептала она, поспешив к двери, чтобы закрыть ее за Хаос, — что ты здесь делаешь?

Хаос покачала головой, и ее глаза наполнились слезами.

— Я... не была подготовлена должным образом, бабушка. Я думаю... ты тоже понимала это, но не смогла ничего сделать.

— У м-меня даже не было шанса для этого, — ее руки вспорхнули к дрожащим губам. — Я думала, что сделаю это после твоего выпуска, — старуха задыхалась, выдавливая из себя слова, стоя перед Хаос. — Но, когда я говорила с Мастером, он вел себя так, словно мне это по плечу, — она покачала головой, испустив болезненный вздох. — И я была слишком напугана, чтобы что-либо возразить ему на это.

О, Боже. Хаос огляделась по сторонам, размышляя и меря комнату шагами. Внезапно она бросилась к бабушке и крепко сжала ее ладони в своих руках.

— А сейчас, что насчет настоящего, сейчас ты можешь это сделать?

Дверь сотряслась от громкого стука, и старуха крепче вцепилась в руки девушки.

— Да? — ответила она своим дрожащим старческим голосом.

— Мастер желает видеть тебя. И Хаос тоже.

Когда они обе испуганно выдохнули, ужас по-настоящему охватил Хаос. Он знал, что она здесь. Конечно же, он знал.

— Мы скоро будем, — ответила бабушка.

— Он сказал явиться немедленно.

Голос, похоже, принадлежал Реджинальду. Одному из новых избранных.

— Мы будем прямо сейчас, — сказала старуха.

Она перевела испуганный взгляд на Хаос, что заставило в страхе сжаться нутро девушки. Подобный взгляд от старухи обеспокоил Хаос сильнее, чем все ее собственные страхи.

Хаос поспешила к двери, бабушка семенила сразу за ней. Она не хотела доставлять женщине еще больше неприятностей. Не снова. Бабушка всегда попадала в передряги из-за Хаос, всегда старалась облегчить ее жизнь, совершая поступки, огорчавшие Мастера.

Затем они поспешили вниз по уже знакомому каменному проходу, ведущему к главному дому; кроны деревьев обрамляли туннель, казалось, что узкая аллея вдруг стала походить на горячие, тугие простыни, в которые заворачивали девушку. Задыхаясь, она старалась быстрее миновать это место, избегая тяжелое ощущение удушья, хотя в глубине своего сознания понимала, что ей уготовано наказание гораздо хуже.

Ее лишь наполовину исцеленное тело ныло от чрезмерной физической нагрузки, в то время как страх заставлял разрываться в бешеном темпе бьющееся сердце. Ожидание только сильнее ожесточит Мастера.

Девушка тихо постучала в двери его покоев, которые находились в дальней части большой резиденции.

— Войдите!

Ярость, с которой было произнесено одно это слово, заставила обеих подпрыгнуть.

— Позволь мне говорить, — прошептала Хаос бабушке, следовавшей за ней по пятам. —

Я здесь, Мастер, — отозвалась Хаос, поспешно входя в комнату.

Мастер резко повернулся к ней.

— И почему ты одна? — его цепкий взгляд осмотрел ее со всех сторон. — Ты ничего не забыла?

Хаос сглотнула.

— Я пришла, чтобы сообщить вам, что жертва не желает сблизиться со мной

Мастер отшатнулся, словно Хаос произнесла богохульство.

— Я пробовала, Мастер, — взмолилась она, заставляя свой голос звучать тверже, держа руки по бокам, а спину как можно прямее. — Не желая вредить самой священной церемонии, совершив ошибку, я пришла просить вашей мудрости и указать мне, как действовать дальше.

— Столько лет обучения, — начал он, его голос источал ярость, — а ты не можешь найти способ, чтобы привлечь жертву?

— Как вы и сказали, он — особенный, Мастер. Он может вступить в такую связь лишь с той женщиной, которую любит.

— Любит? — прогремел он. — Ты вернешься к этому Соломону Горджу и сразу же сообщишь ему, что нам не нужно нечто столь бесполезное, как любовь жертвы.

Хаос кинулась к Мастеру и упала на колени подле его ног.

— Я прослежу за этим, Мастер. Я прошу прощения. Я применю силу, если Вы сочтете это необходимым.

Прошли долгие секунды, пока Хаос ожидала и готовилась к неминуемым болезненным действиям за ее проступок. Наконец, Мастер погладил ее по голове, и тишина, последовавшая за этим, оказалась самым страшным, что когда-либо испытывала девушка.

— Если бы он был полностью готовым сосудом, это бы сократило силу, которую мы рассчитываем получить... поэтому ты должна быть Осквернена с ним. Это и есть твой путь. Молчать! — зарычал он на Бабушку, которая всхлипнула.

Хаос не понимала.

— Я была Осквернена много раз, Мастер.

— Это Осквернение всех Осквернений! — заревел он на девушку, отталкивая ее голову с такой силой, что она упала. — Это завершающая часть!

Хаос оставалась на полу, наблюдая, как мелькают его босые ноги под черной мантией, когда Мастер направился к двери.

— И я должен очистить тебя перед тем, как ты отправишься назад. Ты убедишься в том, что он никуда не денется, пока я не приду за этим упрямым. Развлекайся с ним, дочь моя. Потому что как только я приду, Осквернение начнется.

Хаос по-прежнему не могла понять смысл слов Мастера.

— Но... у нас есть время до конца месяца, Мастер, — выдохнула она. — Дайте мне шанс, по крайней мере, заполучить жертву. Я смогу это сделать! — выдавила она с горечью.

— Старуха, — рявкнул он, — подготовь ее для Четвертого этажа.

На нее обрушилась паника.

— Но почему? — о, Боже, она не собиралась выкрикивать это.

Мастер бросился обратно к Хаос.

— Не задавай вопросов, дитя! — взревел он, его лицо тряслось от ярости. — Разве недостаточно того, что ты подпортила финальную церемонию своей неудачей? Ты должна очиститься после этого, — прокричал Мастер, развернувшись, чтобы выйти, а затем резко рванул обратно к ней. — Ты думаешь, что я хочу этого? Наблюдать, как моя собственная дочь угрожает городу еще большим проклятьем и разрухой? Это — и - есть — Осквернение — всех — Осквернений! — бушевал он. — Церемония не может потерпеть крах!

Хаос выдохнула и кивнула в согласии, несмотря на весь ужас Четвертого этажа, неистово разрывающий ее тело и разум.

Сон. Тот сон был не кошмаром, а предчувствием.

И, тем не менее, все, о чем она могла думать, только о своем поражении. Она подвела Мастера. Она подвела Орден. О, Всемогущий, помоги ей... она надеялась, что не уничтожила весь мир.

Соломон проехал через весь Уэстон, когда он, наконец, отпустил педаль газа, испытывая настоящий шок от того, что достиг цели. Психушка. Она была расположена прямо здесь, на углу Второй улицы, больше похожая на обыкновенную школу, только массивнее: строение длиной в милю напоминало средневековый замок. В самом центре города! Как он мог не слышать об этом месте? Соломон слышал о больнице, но кто бы мог представить семисотлетнего мамонта, выложенного из средневекового камня?

"Никто не распространялся об этом".

Очевидно, нет. И все-таки, как им это удалось?

Соломон ударил по газам и направился в сторону леса, находящегося за психушкой, в поисках дороги, что приведет его к входу. Результат не заставил себя ждать, Соломон достиг его, когда добрался до ветхих металлических ворот с табличкой, гласившей "Вход воспрещен". Соломон выбрался наружу и осмотрелся по сторонам, изучая препятствие. Обнаружив цепь, свободно свисавшую со столба, он смог открыть ворота, потом сел в свой грузовик и нарушил предписание на знаке.

После нескольких футов он остановился и закрыл ворота, снова осмотревшись по сторонам в поисках признаков слежки или намека на это. Соломон не знал, что было хуже: быть преследуемым или остаться незамеченным. Фактор неожиданности в лесу заставлял подниматься волосы дыбом. Вернувшись на сиденье грузовика, Соломон положил дробовик на колени и проехал по заросшей дороге, в надежде найти так называемого городского изгоя по имени Джимми Рэй Смит.

По мере его продвижения дорога постепенно становилась менее заметной, пока Соломон не остановился и не осмотрел территорию. Ну вот они и на месте. Освободив грузовик, его новоиспеченный питомец выпрыгнул, чтобы встать рядом с Соломоном, словно испытывал жажду приключений.

Тем лучше для него.

Соломон погладил пса по голове, давая знать, что рад такой компании. По какому пути предполагалось теперь идти? В тот момент, когда он услышал, как что-то шелкнуло с металлическим скрежетом за его спиной, пес протяжно и низко зарычал.

— Ты зашел слишком далеко.

Соломон застыл на месте, когда прозвучал этот хриплый голос.

— Здравствуйте, сэр.

Стоя неподвижно, Соломон медленно поднял обе руки вверх.

Мужчина подавился смехом.

— Как я и думал, это просто городской мальчик опрометчиво путешествует по моим лесам. Ты не умеешь читать?

— Умею, сэр, но мне нужно с вами переговорить.

— Медленно повернись, чтобы я мог видеть лицо такого глупца, как ты, и скажи своему псу вести себя тихо.

Волк зашелся бесконечным лаем, и Соломон поступил так, как того требовал человек.

— Тише, мальчик, — приказал Соломон, пожалев, что не дал имени псу.

— Ага, городской, если так можно сказать.

Единственное, что увидел Соломон, это ярко-зеленые глаза, белые пятна вокруг его головы и пару зубов. Его лицо было раскрашено черной краской?

— Вы Джимми Рэй Смит?

— Кто спрашивает?

— Я, сэр. Соломон Гордж Хэнсли.

Его зубы медленно скрылись.

— Что ты сказал, парень?

Внезапный тенор в голосе человека побудил сердце Соломона неистово забиться в груди.

— Соломон Гордж Хэнсли, сэр.

— Откуда ты?

— Из Виллинга. Моя мать — Дэйдра Хэнсли. Мой отец родом из Моргантауна. Но я вырос в Эдмонде, штат Оклахома.

— Откуда у тебя такое имя? — раздраженно спросил он.

Соломон издал сухой смешок, все еще держа руки над головой.

— От моей матери. Ей нравилось это имя.

— Так кто, говоришь, была твоя мама, парень?

— Дейдра Хэнсли.

— Ее девичья фамилия, сынок, — отрезал он.

— Э-э, Дейдра... Тэймс. Садись в грузовик, — велел Соломон волку, который, не унимаясь, рычал.

Наконец, мужчина опустил ружье, не сводя своих зеленых глаз с Соломона.

— Что тебе нужно от меня? — пробормотал он, его голос звучал, казалось, еще более недобро, чем раньше.

— Мисс Мэри Бартли сказала, что вы можете мне помочь.

Спустя несколько секунд мужчина шлепнул Соломона по ноге, смеясь.

— Мисс Мэри? Как она поживает? Господи, я не видел ее целую вечность.

— Она в порядке, — ответил Соломон, радуясь, что диалог стал налаживаться. — Я ее опекун.

— А где же Артур? — негромко спросил мужчина.

— Он умер около года назад.

— Что у тебя на уме, парень? — потребовал человек, вновь став подозрительным.

— Ну...

— Не нужно подбирать слова. Просто говори.

— Я встретил девушку, ее зовут Хаос.

— Хаос, — повторил он, его интонация выражала презрение.

— Понимаю, это может показаться сумасшествием...

— Не произноси это слово в этом лесу, — гаркнул мужчина.

Соломон попытался снова начать говорить, с большей осторожностью:

— У меня был сон о ней. Она звала меня по имени — Соломон Гордж. В ту ночь я нашел полумертвую девушку, свисающую с ветвей дерева напротив моего дома. Я забрал ее к себе, и она заставила меня сохранить ее тайну. Но через несколько дней я выяснил из разговоров с ней, что она впуталась во что-то очень странное.

— Например?

— Она рассказала, что ее удочерили. Она называла своего отца Мастером. И она упомянула то, что, по словам мисс Мэри, я не должен произносить.

— Что за хрень? — он подпер ногой бампер грузовика Соломона. — Я сам решу, что можно говорить, а что — нет.

Свет, который исходил от луны, позволял видеть лишь его очертания. Наконец, на Соломона снизошло понимание, отчего человек казался черным. Потому что он был таковым — чернокожим!

— Осквернение, — произнес Соломон тихо, оттого что озвучивание слова не казалось хорошей идеей.

Мужчина плюнул через правое плечо, не сводя глаз с Соломона.

— Какого черта ты делаешь, пытаешься поднять мертвецов по всей округе?

— Нет, сэр, — ответил Соломон, — Но я думаю, что она в беде.

— Кто?

— Девушка.

— С безумным именем? — Соломон уставился на него, и мужчина выдал: — Да, я могу произносить это, но не ты.

— Да, Хаос. Она покинула мой дом, и я думаю, она вернулась в то место, откуда пришла.

— Где оно?

— Я не знаю, вот для чего я пришел сюда.

— И откуда мне знать, где она находится сейчас?

Наконец, Соломон покачал головой, оглядываясь по сторонам.

— Я не знаю. — Соломон опять взглянул на своего собеседника. — Что такое Осквернение?

Мужчина опять плюнул, разглядывая его, и Соломон понял, что у него был зажат жевательный табак под нижней губой.

— Ты любишь играть со смертью, сынок?

— Нет, сэр, — ответил Соломон. — Это совсем не так.

— Ну, так это то, что ты делаешь сейчас.

Казалось, теперь ему предстоит сплевывать после каждого обмена фразами.

— Ты видишь это место, позади тебя?

— Психушка?

— Да, психушка, — он четко выделил это слово, и Соломон увидел, как показались

белки его глаз, когда его веки широко раскрылись.

Соломон кивнул.

— Я видел.

— Тогда ты увидел ответ на свой вопрос собственными глазами.

Казалось, что Джимми делает сильное ударение на каждом слове, словно говоря на каком-то особенном диалекте.

— Психушка и есть ответ?

Белки его глаз медленно становились более заметными, как и его несколько зубов.

— Ты получил его, городской парень.

Джимми не собирался вдаваться в подробности. Соломон подумал о Хаос и о том, что может случиться с ней, и устремил свой пристальный взгляд на человека.

— Как насчет того, чтобы поделиться со мной историей, которая приведет меня точно к цели?

Глухая тишина длилась секунды, прежде чем его гогот раздался эхом в лесу.

— Поделииинииться истоооорией, говорит он мне.

Его улыбка исчезла, и на Соломона искоса уставились зеленые глаза.

— История говорит сама за себя, парень. На протяжении многих лет. Просто никто не слушает! — вопил Джимми, выдавая интонацией, насколько сильно это раздражало его.

— Город будет рассказывать эту историю снова и снова, но все слишком умны, чтобы заметить это.

Джимми издал очередной раскатистый смех, что заставило встать дыбом волоски на руках Соломона.

— Мертвые лююююбят говорить, мистер Соломон Гордж, они лююююбят петь и танцевать, ох, как они лююююбят нарушать эти правила.

— Нарушать правила? — изумился Соломон.

Мужчина подмигнул Соломону.

— Теперь ты услышал меня! — воскликнул Джимми, словно Соломон и так не был сбит с толку всей этой бессмыслицей.

— Проверь страницу номер 25, мистер Соломон Гордж. Возможно, это покажется тебе интересным. А так же третью страницу. И 4, и 5, и 6. Черт, да все страницы просто переполнены восторгом! — Джимми напрягся от перевозбуждения.

— Какие страницы?

— Из истории! Город — единственный, кто будет говорить снова, и снова, и снова!

— Где это написано?

— Я просто подсказал тебе, это повсюду, парень, ты тугой ухом? Используй свой светлый ум, или ты забыл, как это делается?

Соломон взглянул на него.

— Мы... когда-то уже были знакомы?

— Неужееееели! — кричал Джимми. — Теперь твой ход. Вот что я тебе скажу. Ты пойдешь и проверишь кладбище напротив дороги. Затем возвращайся и найди меня, возможно, у меня для тебя что-то будет.

— Когда я должен прийти? — спросил Соломон.

— Дай подумать... я предполагаю, через три дня.

— Так и поступлю, — сказал Соломон, протягивая руку Джимми для рукопожатия. — Спасибо, сэр.

Джимми оглядел протянутую руку, затем перевел взгляд на Соломона.

— Ты не достаточно готов для этого, парень. Еще нет.

Он посмотрел на свою руку, отдернул ее обратно и кивнул.

— Теперь проваливай отсюда, с земли, жаждущей крови. На сей раз это будет реальная жажда века.

Иисусе. Соломон огляделся по сторонам и кивнул.

— Спасибо еще раз.

Он развернулся и бегло взглянул на дорогу.

— Думаю, я лучше вернусь к выходу, как и пришел.

Но старик уже исчез. Внезапно потоки ветра ринулись через верхушки деревьев, создавая иллюзию гневного шепота от шелеста сухих листьев. Соломон отступил к двери своего грузовика, а его взгляд уловил тени, которые зловеще метались в здешних лесах.

Запрыгнув внутрь, он захлопнул дверь грузовика и заблокировал ее. Соломон завел двигатель и развернулся в обратном направлении. «Это нельзя назвать самым жутким из всего этого странного дерьма, происходящего вокруг», — подумал он, осторожно продвигаясь к выходу.

Очертания фигуры казались черными как смоль, когда он добрался до ворот. Соломон заглушил двигатель и вскрикнул, увидев машущего ему старика на расстоянии десяти футов в свете фар.

— Иисус Христос, — прошептал Соломон, открыв свою дверь и махнув в ответ Джимми, который уже направился открыть ворота.

После того как Соломон выбрался из этого жуткого места, которым являлись по-настоящему наводившие ужас леса у психбольницы с этим не менее жутким негром, он закрыл за собой ворота и подсветил фонариком окружающую местность, чтобы найти место для разворота грузовика. Назад он добровольно точно не сунется. Хотя, тащить туда свою задницу ему все же придется.

Соломон медленно двигался на своем грузовике вдоль дороги, пытаясь отыскать это кладбище. Наконец, он заметил нечто, что можно было принять за искомый объект. В пугающей близости от психушки. Соломон припарковался и посмотрел на раскинувшееся открытое поле перед собой, залитое светом почти полной луны. Покосившиеся надгробья, казалось, взирали на этот мир, словно поднявшиеся в свечении беззвездного неба мертвецы. Блять, что за кошмарный смысл во всем этом?

Соломон достал свой фонарик и вышел из грузовика.

— Давай, мальчик, — он покосился на волка, застывшего на заднем сиденье, — не бросай меня, только не сейчас.

Преодолев половину пути, Соломон начал петлять и обходить надгробия, стараясь быть осторожным, чтобы не наступить на что-нибудь, что можно посчитать оскорбительным для живых или мертвых. Но что-то подсказывало ему, что находиться здесь — уже неудачная идея.

— Думаю, тебе нужно дать имя, — сказал Соломон псу, идущему за ним по пятам, скользя лучом фонарика по камням. — Как насчет Чампи? Тебе нравится это имя? — бормотал он, перемещая луч света вдоль трещины, изрезавшей одно из надгробий, переходя на следующее. — Я ничего не вижу, Чамп, — прошептал мужчина. — А ты?

Готовый повернуть назад, Соломон остановился.

— На них ничего нет. Я не понимаю.

Соломон развернулся, осознавая, насколько все это странно. Поспешив пройти вдоль следующего ряда, он обнаружил еще больше подобных безымянных надгробных плит.

— Какого черта, я не понимаю, — бормотал он, ускоряя шаг. — Ух ты, — воскликнул он, остановившись у одного из надгробий, — Эрика... Мэйсон. Умерла 4 июня 1951 г.

Он быстро скользил фонариком по следующим, и следующим, и следующим каменным плитам.

— Кто все эти мертвые люди?

Разочарованный отсутствием ответов, Соломон сосредоточился на единственном имени, которое увидел. Несомненно, был и другой менее жуткий способ выяснить, кто же являлся пациентами психушки, совершая менее подозрительные действия.

Соломон поспешил обратно к грузовику, молясь, чтобы Хаос вернулась домой. Может, она пошла в лес, чтобы подумать, как и сказала ему.

Голова Хаос металась из стороны в сторону. Скрип колес каталки доносился словно эхо сквозь пришедший сон. Так же как стены, цвета и голоса, окружающие ее. Бабушка благословила Хаос прямо на этом маленьком передвижном устройстве, перед тем как доставить ее на Четвертый этаж. Бабушка не должна была давать ей средство от боли, но она это сделала. Судя по тому, как легко себя чувствовала Хаос, Бабушка дала ей большую дозу. Хаос надеялась, что она не слишком одурманена медикаментами для предстоящего ритуала. Она пыталась ее остановить, но на самом деле не приложила достаточных усилий, как могла бы и должна была поступить.

Существует два вида Осквернения. Тот, который проводился в седьмой день каждой недели, и тот, что совершался на седьмой день седьмого года. Хаос присутствовала только на трех из последнего вида.

Но также был этот ритуал. Единственный в своем роде. Хаос сосредоточилась на его значимости, а не на Четвертом Этаже, где она находилась. Эта камера являлась ее слабым местом. Как и для Безмолвия, и для Избранной. Она была уверена, что не настанет такого времени, когда это бы не повторилось с ней вновь. Некоторые ужасы ты никогда не сможешь преодолеть. Переживая их вновь и вновь, каждый раз ты можешь только надеяться выжить после них.

— Она должна быть в сознании! — ярость слов Мастера пробивалась даже сквозь действие препарата. — Теперь мне придется увеличить мощь, благодаря твоему состраданию!

Вопли бабушки тянулись глубоко, звучащие, словно протяжный смех в туннеле.

— И, чтобы искупить вину, ты подвергнешься той же судьбе, от которой пыталась спасти ее. У меня и так достаточно дел, чтобы еще и беспокоиться о твоих раздражающих глупостях! Я — Мастер Ордена, у меня есть обязанности, ответственность, такое бывает только раз в жизни — возможность для полного восстановления!

Слова Мастера грохотали и взрывались яростью, подобно раскатам грома, в то время как глубокие, грудные всхлипы бабушки звучали, словно страшный рев, издаваемый металлическим зверем. Мысли крутились в голове Хаос беспорядочно, как и какофония звуков в ушах, казалось, закручивая в этот безумный водоворот все ее тело, пока, наконец, она не потерялась в том, где находилась, когда и что происходит с ней.

Хаос дергали по кругу, пихали, толкали и связывали. Но на этот раз, когда металлические клыки беспощадного Осквернения вонзались в ее разум и тело, встряска сделала все кристально ясным. Было уже слишком поздно. Хаос покинула это место, оказавшись по ту сторону боли и страданий. Она сидела на краю пруда рядом с Соломоном. Солнце светило так восхитительно, а мужчина плавал, зазывая ее к себе, он тянулся своей рукой к Хаос.

— Иди сюда, красавица.

Девушка подошла к нему, и она не была напугана. Вода была теплой, и Хаос знала, что она в безопасности, пока он держал ее в своих объятиях, глядя в ее глаза. Он кружился в воде снова и снова с ней на руках, лицо Соломона было более красивым и сияющим, чем когда-либо. Это захватывало дух. Свет исходил из его вечно голубых глаз. Эти небеса в его взгляде были предназначены только ей. Все было для нее.

Потому что Соломон любил ее.

На обратном пути домой Соломон ехал так медленно, как только мог, делая это на всякий случай, предполагая, что, возможно, Хаос заблудилась где-нибудь в округе. Он добрался до своей подъездной дорожки, и страх от незнания, где она, сковал все его нутро. Соломон питал единственную надежду, что, возможно, она в доме, поэтому он поспешил вверх по ступенькам, а Чамп следом за хозяином.

Главная комната была пуста. Соломон поспешил в ванную и обнаружил, что и там никого.

— Черт, — пробормотал он, сгребая пальцами пряди своих волос и запирая входную дверь на замок.

Он оглядел комнату, пытаясь догадаться, где еще могла оказаться девушка, и какое же место он не успел проверить. Взгляд Соломона упал на детеныша опоссума, который скреб прутья клетки своими маленькими коготками.

Ловушки. Он снова схватил свой дробовик, выскочил из дома и направился вниз по тропе, по которой Соломон вел девушку в тот день. Отчаяние накрывало его с головой, когда он шел от одной ловушки к другой и обнаруживал их пустыми. Все варианты были исчерпаны, Соломон кричал так громко, как только мог, зовя Хаос, пока возвращался обратно к дому.

Чамп заскулил и выбежал вперед Соломона, вынуждая его ускорить шаг в охватившей надежде

— Ты что-то учуял, мальчик? — спросил он, переходя на бег трусцой, чтобы поспевать за нетерпеливыми передвижениями пса.

— Вот так, мальчик, что там у тебя? — Соломон пытался отдышаться, уворачиваясь от веток, чтобы не отставать.

Звук двигателя, раздавшийся откуда-то издалека, заставил сердце Соломона пуститься в гонку. Чамп лаял и рычал в полную силу, пока мчался к хижине. На поляне, в лесу, возле заднего крыльца, пес остановился перед фасадной частью дома и яростно загавкал.

Наконец, догнав пса, Соломон обогнул крыльцо и огляделся в поисках признаков транспортного средства, затем его сердце вздрогнуло, когда он увидел записку, прикрепленную к входной двери. Подбежав, мужчина дернул листок на себя и прочитал.

"Пусть мертвые хоронят мертвецов".

Соломон внимательно осмотрел все вокруг, пока Чамп продолжал лаять на вторжение и действия незнакомца. Он, наконец, зашел внутрь и позвал волка. Ему нужно было, чтобы кто-то занял его место рядом с мисс Мэри на пару дней, пока Соломон будет искать девушку. Хаос не могла уйти далеко. Он должен выяснить, кем она была, у местных горожан. Но как?

Соломон решил взять свой телефон и, главный образом — для доступа к Wi-Fi. Необходимо найти ответы, не обращаясь к людям, пока в этом не будет крайней необходимости.

— Ты останешься здесь, — сказал он Чампи, перед тем как закрыть входную дверь и запереть ее. — Охраняй!

Спустя час Соломон уже был на парковке «Бургер Бадди» и прочесывал интернет. Он начал свои поиски с города, в котором они находились. Погоди-ка, она может быть даже не

из этого города. Соломон искал информацию о городах в округе, в частности, самые близлежащие. Верно, как он и предполагал. Все городки вокруг были маленькими и с небольшим населением.

Соломон также искал информацию и о психлечебницах, расположенных поблизости, и он буквально почувствовал, как страх проникает под его кожу, когда его глаза наткнулись на название лечебницы — психбольница «Луна-Хиллз Транс». В самом названии было что-то невероятно пугающее. Почему бы просто не назвать это место "Санаторием Для Выбивания Дерьма Из Чокнутых" или "Камерой Забытых Душевнобольных Иллюзий"? Потому что такое место не будет носить название, которое напрямую указывало бы на неменяемость, вот почему. Близкие пациентов должны чувствовать себя комфортно. Значит при всех психотропных препаратах, циркулирующих в тех местах, типа «Шепчущих Дубов» и «Институте Снов Вэйверли», это было золотой серединой. Соломон был чертовски уверен что то, о чем шепчутся дубы и что снится обитателям института снов было самой настоящей реальностью.

Соломон прочитал краткую информацию об этом месте. Закрыли в 1994 году? Это случилось не так давно. Затем его приобрел некий Джеймс Каттер в 2007 году, предприниматель, который не мог позволить себе восстановить его так, как планировалось. Джеймс Каттер... он не мог припомнить этого имени.

Соломон смог раскопать больше информации, просматривая историю этого места. В частности, о том, что могло помочь ему понять взаимосвязь между Джими и кладбищем, как ключ к разгадке. И история с кладбищем, и записка, казалось, были связаны между собой. И кто мог адресовать ему такое послание? Кто-то, кто мог знать Соломона. Предполагалось, что и Мастер знал его. По словам Хаос, Мастер назвал мужчину особенным? Кем, мать его, был этот урод?

Чем больше он размышлял, тем сильнее осознавал, что Хаос не так просто появилась в его жизни. Соломону нужно все выяснить. И те безымянные могилы были его ключом к разгадке, вместе с запиской, в которой говорилось: "Пусть мертвые хоронят мертвецов". Разве это не относится к Священному Писанию? Соломон быстро отыскал его и почувствовал охвативший его озноб, обнаружив источник этих слов. Евангелие от Луки, глава 9, стих 60.

Иисусе, это могла быть массовая религиозная организация наподобие культа Джими Джонса, в которую активно вовлекали множество людей. Наверняка, Хаос является частью чего-то подобного, пешкой в какой-то извращенной игре. Это оставило Соломону еще больше вопросов.

Его поиски о психушке свелись, главным образом, к книжному интернет-магазину. Достав банковскую карту, Соломон создал учетную запись и купил книгу, затем загрузил приложение для чтения на телефон. В течение следующих двух часов он скользил по спискам пациентов и кладбищ, время от времени отрываясь, чтобы осмотреть стоянку в надежде увидеть блеск рыжих волос. От начала и до конца Соломон все сильнее втягивался в ужасные подробности об этом месте, и ему пришлось с силой вытягивать себя прочь из этого чтива. Часть книги про деятельность психбольницы, казалось, чрезмерно подробно описывала то, что там происходило, ошеломляя деталями и вызывая в сознании образы умалишенных, которые пускали слюни и стенали, мочились и гадили в каждом углу и в каждой комнате здания.

Наконец, он наткнулся на что-то важное. Срань Господня, двадцать тысяч человек

погибли во время введения в эксплуатацию? Соломон открыл калькулятор на телефоне и сделал быстрый подсчет. Место было открыто в 1893, закрыто в 1994... ох, блять... в среднем в месяц умирали 15 пациентов? Он повторил подсчет, решив перепроверить такие пугающие цифры, и получил тот же результат.

Соломон рассеяно смотрел через лобовое стекло, пытаясь собрать воедино мозаику из того, что ему удалось узнать. При том что умерло так много людей, казалось, что их не успевали хоронить. Соломон вспомнил количество могил, которое видел, и это поразило его. Это не походило на двадцать тысяч захоронений. Совсем.

Так где же были все эти люди? И почему так много безымянных могил выставлено напоказ? Громкий гудок прорезал тишину.

— Иисусе, — выдохнул Соломон, наблюдая за разъяренным водителем, мчавшимся на полной скорости через парковку.

Соломон огляделся и понял, что начинается дождь. Отлично.

Ему необходимо было переговорить с Джимми. Три дня — это слишком долгий срок, чтобы ждать. Соломон собирался увидеться с ним утром. Нет, завтра после полудня. Дать ему время сделать что-то, если он, конечно, делал что-то в своей жизни. Джимми знал вещи, которые заставляли Соломона словно прыгать через горящие обручи как в цирке, поэтому почему бы просто не сказать ему все напрямую? Он просто должен убедить его все рассказать ему. Ожидание. Мисс Мэри. Что если он возьмет ее с собой?

Соломон завел двигатель грузовика и сдал назад. Черт, а это могло бы сработать. Если бы только мисс Мэри согласилась помочь. Но уже было слишком поздно, чтобы беспокоить Мэри, он заедет к ней завтра.

Медленно проезжая вниз по дороге к своей хижине, Соломон тщательно осматривал леса в поисках чего-то рыжего или белого. К тому времени, как он подъехал к дому, дождь лил стеной. Соломон осмотрелся по сторонам, прежде чем выйти наружу, а потом рванул к крыльцу и вошел в дом, встретив на пороге взбудораженного Чампи.

— Что, что такое? — пробормотал мужчина, лаская пса, закрывая дверь и оглядывая помещение.

— В мое отсутствие не было никаких гостей? Да, мальчик?

Соломон выглянул в окно, обыскивая взглядом деревья. Что если она была где-то там в такую ненастную погоду? Что если Хаос, не зная этой местности, попыталась вернуться и заблудилась в лесу?

Соломон рухнул в кресло возле камина, ухватившись за голову, чувствуя недомогание от гнетущего беспокойства. Стук дождя по металлической крыше стал оглушительным. «Боже, прошу, защити Хаос, пока я не смогу найти ее. Пожалуйста, умоляю тебя».

Соломон зажег огонь в камине, чтобы прогнать холодный воздух. Конец лета уже наступал. Если Хаос заблудилась в лесу, она может заметить дым, исходящий из дымохода хижины. Ему действительно стоит обратиться в полицию, это то, что, мать его, следует сделать. Соломон вошел в маленькую комнатушку и, вытянув мобильник из кармана, уставился на экран. Ее пугающие слова вновь прокручивались в его голове. «Не рассказывай». «Не рассказывай». Наряду со словами мисс Мэри: "Если ты не хочешь покинуть город в ящике".

Завтра. Если он не получит ответов, то позвонит завтра. Ему придется заявить в ФБР о пропаже человека.

Спустя час дождь все еще молотил по крыше, и Соломон лежал в постели, бездумно уставившись в брусчатый потолок. Нет, не бездумно, он уже обдумал и увидел предостаточно. Он видел Хаос в шаге от смерти, видел ее, плачущей на его руках, видел, как она улыбалась, смеялась, видел Хаос, жаждущую его любви, Хаос с разбитым сердцем, когда он сказал "нет", Хаос, которая притворялась, что не была сломлена.

Соломон с болью зажмурил глаза и, выпрямившись, сел на постели, вспоминая последние мгновения, которые они проверили вместе, болезненно прожигающие его разум. Обнаженная Хаос в его постели... желающая отблагодарить его, подарив ему наслаждение. И он отверг ее.

Соломон снова шагнул в маленькую комнату, спрашивая себя в сотый раз: почему? Почему он не дал ей то, в чем она нуждалась? Отчаянно нуждалась? Жаждала? Она была милой, она была красивой, черт подери, она была чертовски прекрасной. Но девушка была настолько сломлена, что он не был уверен, что смог бы ей помочь.

Что если он сделал все только хуже? Что если он не мог помочь ей? Что если его любовь не смогла бы исправить то, что случилось с ней?

«Ты — гребаный лживый трус, ты боишься обидеть не ЕЁ и знаешь это. Ты боишься. Ты боишься, что ТЕБЕ будет больно, если попробуешь начать свою жизнь заново».

Что он, блять, сделал? Куда привела его паника, вызванная собственной непорочностью? Это именно то, к чему все привело, Мистер Само-Благородство, Мистер Святоша, Мистер Должен-все-сделать-правильно. Лживый ублюдок, вот кем он был. Он не заботился о важном, лишь о собственном затхлом и размеренном существовании, боясь еще раз рискнуть, вот о чем по-настоящему беспокоился праведник Соломон — принять риск, который бы изменил его жизнь навсегда.

Соломон не был уверен который час, когда он вскочил с постели, услышав ее крики, разрывающие его голову.

— Соломон! Соломон!

Он вскочил и бросился к двери, стараясь быстрее открыть ее, слыша поскуливание пса. Выбравшись из дома, мужчина бросился с крыльца во двор, оглядываясь по сторонам; его охватило чувство дежавю, болезненно пульсируя в мозгах, вызывая головокружение. Дождь заливал все вокруг, пока он прочесывал и низкие, и высокие деревья в каждом направлении.

— Хаос! — взревел он сквозь плотный шум дождя, носясь по всему периметру двора.

Он слышал ее. Она была в беде.

— Хаос!

Соломон споткнулся о корень и отшатнулся назад, когда пронзительный ужас, звенящий в крике девушки, подстегнул его ускориться. «Блять, пожалуйста, помоги мне Боже, помоги мне!» — неустанно билось в его голове. Он выкрикивал ее имя снова и снова, крича во все стороны, до тех пор, пока его голос окончательно не охрип.

Выдохнувшись, он проковылял к крыльцу и упал на ступеньки. Лежа на спине, он оттолкнул от себя морду скулящего Чампи, когда тот попытался лизнуть мужчину в лицо.

— Вернись внутрь, — прохрипел Соломон, игнорируя давящую боль в груди, которая душила его. — Я сожалею, — прошептал он, обращаясь к Хаос, опрокинув голову в

отчаянии. — Мне так жаль.

Наконец, Соломон поплелся обратно в дом и запер за собой дверь. Не сменив промокшую до нитки одежду, он рухнул на кровать и не шевелился до тех пор, пока волк не разразился бешеным лаем.

Наткнувшись на яркий солнечный свет, который пробивался сквозь занавески, Соломон понял, что заснул. До него донесся слабый звук работающего двигателя и побудил броситься за дробовиком. Сердце колотилось в груди, Соломон выглянул в окно, разглядывая дорогу, пока пес заливался бесконечным лаем в сторону нижней части двери, словно там кто-то стоял.

Соломон наклонился и посмотрел вниз на крыльцо, и его дыхание замерло. Тело. Обнаженное и безвольно лежавшее у порога. Затем он увидел спутанные рыжие волосы и рванул к двери. Наконец, распахнув её, он в ужасе отшатнулся от увиденного.

— Черт! — выдохнул он и, положив пушку на пол, начал блуждать дрожащими руками по ее телу, оглядываясь по сторонам. Обнаружив лес пустым, он опустил взгляд на девушку.

— Хаос, — едва прошептал он, Соломон захлебнулся паникой при виде ее распахнутых остекленевших глаз.

О, Боже, о, Боже. Соломон поместил два дрожащих пальца на ее шею и с облегчением выдохнул, когда обнаружил неустойчивый пульс, бьющийся под кожей. Она была жива. Она была, блять, жива. И травмирована.

Слезы заволокли его взгляд, когда он осторожно поднял ее на руки.

— Я держу тебя и собираюсь занести в дом, где тепло, хорошо? Почему ты ушла, почему? — он так спешил, что с трудом выдавливал из себя слова. — Охраняй, — хрипло приказал Соломон Чампи, распахивая дверь настежь. — Убью, если кто-то войдет!

Волк, следуя приказу Соломона, вышел на крыльцо и лег, словно все понимал. Соломон отнес девушку к кровати, чтобы уложить ее и укрыть одеялом.

— Ты со мной, красотка. Ты со мной. Теперь ты в безопасности, никто не причинит тебе вред, — выдавил он.

Хаос лежала, а ее взгляд ничего не выражал, кроме пустоты, тело девушки неподвижно обмякло.

Соломон мягко и ласково касался ее, осматривая тело на наличие ран. Его чуть не стошнило, когда он увидел следы ожогов на висках. Прикрыв рот ладонью, он прижался лицом к ее холодной щеке, плотно зажмурил глаза. Они пытали ее током. Они, мать их, пропустили через нее электричество. О, Боже, он собирался прикончить любого, кто сотворил с ней такое, кем бы он ни был.

— Тс-с-с, я с тобой, красавица.

Соломону не к кому было обратиться, за исключением его дяди, а он не собирался втягивать его в это дерьмо. Особенно если весь город был заражен этой проказой. Соломон ходил кругами по своей хибаре около часа, прежде чем пришел к выводу, что есть только один безопасный вариант для них.

Метнувшись через всю хижину, он собрал все, что только смог, включая вещи, которые

он когда-то купил для Хаос, все его пожитки уместились в две тяжелые сумки. Им нужно было сматываться в ту же секунду, когда он нашел Хаос.

После того как все собранные вещи были в грузовике, он поднял клетку с детенышем опоссума, поставил ее на переднее сиденье и вернулся к Хаос.

— Готова, красавица?

Соломон поднял ее и поспешил покинуть дом, крепко прижимая к себе. Усадив Хаос на сидение, он застегнул ремень безопасности, надежно удерживающий ее тело, тем временем порывистый северный ветер неистово трепал его волосы.

— Мы собираемся прокатиться в мой родной город, хорошо? — Соломон посмотрел на Чампи, который сидел на крыльце, слегка склонив голову на сторону. — Давай, парень, — он похлопал по кузову грузовика, — давай, запрыгивай.

Волк подбежал и запрыгнул в багажник грузовика, после чего Соломон поспешил к водительскому месту и сел за руль.

— Наше первое небольшое путешествие, — беспечно произнес он, пристегивая свой ремень безопасности и закрыв замок на двери.

Ухватившись за руль, Соломон внимательно прошелся взглядом по окружающему их лесу и завел двигатель автомобиля. Ворчание двигателя длилось ровно две секунды, затем мотор заглох. Его сердце загрохотало в груди, когда он еще раз повернул ключ в зажигании, слушая надрывные усилия грузовика завестись на протяжении бесконечных секунд. Блять.

Отстегнув свой ремень, он открыл дверь. Тут же ветер донес до него запах бензина, и Соломон подошел осмотреть бензобак. Его сердце екнуло при виде многочисленных протечек. Как только Соломон смог осознать, что случилось, он обнаружил, что медный топливный провод был испещрен порезами, и в него всей своей мощью ударила паника. Взглянув на топливный бак, он увидел, что на том имелось как минимум несколько трещин.

Соломон вскочил с земли и рывком распахнул дверцу. Схватив свой дробовик, постоянно поглядывая по сторонам, он осторожно двинулся к заднем сидению, медленно открывая дверцу, прежде чем броситься Хаос и быстро отстегнуть ее.

— Планы изменились, — сказал он, стараясь, чтобы его слова не звучали тревожно, хотя он и торопился вернуть ее в дом как можно скорее.

Соломон вернулся за клеткой с опоссумом и за псом, затем запер дверь хижины, дважды проверив все окна.

Они, блять, были там. Скрываясь. Наблюдая за ним.

Он нервно прошелся по дому несколько раз, потом снова помчался к окну, разглядывая округу. Когда они успели сделать это? Соломон понял, что они могли сотворить это, когда высаживали Хаос.

— Твою мать, — выдохнул он, вытаскивая мобильник из кармана.

Поспешно набирая номер дяди, Соломон нажал на кнопку вызова, борясь со своим сбивчивым дыханием, пока просматривал периметр двора.

Четыре долгих гудка и, наконец, ответ:

— Ну, здравствуй, незнакомец.

— Тетя Сара, — Соломон выдохнул, стараясь держаться непринужденно. — Дядя Джо поблизости?

— Стоит рядом в ожидании, когда я передам ему трубку.

— Ах, спасибо. Люблю тебя, — он быстро ответил.

— Начал думать, что ты утонул в озере, у себя там, в горах.

— Дядя Джо, — Соломон задохнулся, услышав его глубокий голос.

— Что случилось, сынок?

— Ух-х-х, у меня есть... серьезные проблемы.

Соломон прошелся по комнате, между делом взглядываясь в оба окна, стараясь не думать, что все происходящее похоже на предсказуемый сюжет фильма ужасов.

Когда Соломон рассказал про поврежденную систему подачи топлива, дядя Джо прервал его:

— Я уже в пути. Я знаю, как добраться до тебя, буду часа через четыре. А ты пока вызывай полицию.

— Не думаю, что это правильное решение, — прошептал Соломон. — Только если я не хочу покинуть город в ящике, со слов мисс Мэри.

Несколько секунд молчания предшествовали тихому бормотанию дяди:

— Срань Господня.

Соломон кивнул в полном согласии.

— Захвати ружье, лучше охотничье... оно может пригодиться здесь.

Он снова проверил окна.

— Держись, сынок. Оставайся внутри. Меня будет греть эта мысль.

— Я просто... буду ждать. Пока здесь безопасно.

Он вздохнул.

— Хорошо. До тех пор, пока я не приеду.

— Ага, так-то лучше. Я буду ждать.

Повесив трубку, Соломон прошелся еще немного, оглядываясь по сторонам. Что бы он сделал, если бы объявились психи? Ему нужен план. Он посмотрел на Хаос.

Неважно, что он решит сделать, она ему нужна живой.

Телефон Соломона зазвонил спустя четыре часа.

— Дядя Джо?

— Чертов грузовик дважды подвел меня за городом. Эвакуатор уже в пути, я возьму автомобиль в аренду. Ты в порядке?

— Да, — ответил Соломон, закрывая глаза. — Просто поторопись.

— Да, сэр, держись крепче.

— Помолись за меня, дядя Джо.

— Никогда и не прекращал.

Соломон кивнул и вздохнул.

— До скорого.

Дядя положил трубку, и все внутри Соломона затрепетало от страха. Что-то плохое здесь происходило. Он чувствовал это.

Час спустя, когда дядя так и не появился, Соломон позвонил ему. Он попал на голосовую почту, и паника накрыла его в который раз.

— Блять, ну давай же.

Руки Соломона дрожали, когда он набирал номер вновь, чтобы получить в ответ то же

самое дерьмо. Он бесцельно нарезал круги, яростно нажимая повтор снова и снова, пока не убедился окончательно в своих подозрениях. Что-то случилось с дядей Джо.

— Боже, пожалуйста, — задыхаясь, прошептал он, приложив ладонь ко лбу. — Прошу, защити дядю Джо, пожалуйста.

Затем от осознания ситуации, взгляд Соломона заметался по сторонам.

Они оказались в ловушке. Загнаны в угол. И Хаос была практически без сознания.

Соломон обдумывал, куда он мог бы перенести ее. К мисс Мэри? Принести это к порогу ее дома? Он поспешил к Хаос и сел рядом с кроватью напротив нее.

— Эй, эй.

Соломон похлопал девушку по щекам, что заставило ее голову невольно перекатиться по подушке из стороны в сторону.

— Я хочу, чтобы ты очнулась, красавица, ты нужна мне в сознании. Нам необходимо все обсудить, у нас проблемы, ты понимаешь?

Хаос не ответила, и паника Соломона возросла, он схватил ее за плечи и слегка встряхнул.

— Хаос! — кричал он. — Очнись! Мне нужно, чтобы ты проснулась, черт побери, мы в беде, ты меня слышишь?

Соломон получил в ответ пустой взгляд ее глаз, что было словно насмешкой над нависшей над ними угрозой. Уж она то знала, что такое проблемы, не так ли?

Мужчина вдруг поднялся с кровати и огляделся. Подойдя к сумке с вещами, он нашел пару новых трусиков, которые раздобыл для нее, и вернулся обратно к постели.

— Вот в чем дело, Хаос.

Он просунул ее ноги в нижнее белье, затем скользнул трусиками вверх по ее коже, удерживая ее тело под простыней.

— Ты получила травму, и твое сознание ограждается от внешнего мира, защищая себя.

Кинувшись к столику, стоящему рядом, Соломон схватил стул и понес его в ванную комнату.

— Но мне нужно, чтобы ты очнулась и поняла, что все позади, — крикнул он девушке из ванной, поставив стул в душевую кабину и включая воду. Быстро вернувшись к постели, он сдернул покрывало.

— Мне нужно разбудить тебя, прямо сейчас, — сказал Соломон, сгребая в охапку ее вялое тело, и в спешке отнес девушку в душ.

— Посмотри на меня, — обращался он к Хаос, осторожно прокладывая себе путь в маленький душ, держа ее на руках.

— Я купаю тебя и кормлю. Да будет тебе известно, я беру плату за предоставление таких услуг.

Он сел на стул и усадил Хаос к себе на колени, Соломон удобно расположил ее безжизненные ноги, потянувшись вверх и направив поток воды прямо на нее.

— Ты примешь приятный теплый душ, который поможет почувствовать тебе себя лучше. И, возможно, мыло поможет мне справиться с моей вонью, пока я здесь. С одеждой и всем остальным. Трех зайцев одним выстрелом.

Соломон пригладил ее волосы, пока вода, струясь, стекала по ее телу.

— Кстати, твой малыш опоссум отлично справляется, — негромко ворковал он. — Как бы то не было, ему нужно имя, — прошептал мужчина, поддерживая девичье тело, когда ее центр тяжести сместился вправо. — Я подумал, он похож на Рафаэля. Или, если это девочка,

мы можем назвать ее Рейчел, что схоже с именем Рафаэль. И я только что придумал это.

Соломон поглаживал ее спину и руки, следуя за струями воды, стекавшими по ее телу, прижимая Хаос все ближе к себе, медленно покачивая ее каждые несколько секунд.

— Я собирался сделать брауни, — пробормотал Соломон. — Я никогда так много не готовил. Тебе понравится, я эксперт в том, что касается шоколада.

Соломон поцеловал девушку в макушку, молясь, чтобы в ее руки и ноги вернулась жизнь.

— Еще я думал, — шептал он, — открыть что-то типа зоопарка. Зоопарк Соломона.

Он улыбнулся и склонил немного ее лицо, чтобы увидеть, не появились ли в ее глазах какие-либо признаки сознания. От вида Хаос его грудь невероятно сжало от осознания, насколько опустошенной и сломленной она была.

— Для этого мне потребуется помощник, и я надеялся, что ты возьмешься за эту работу. Мне... — Соломон понимал, что Хаос нужна ему гораздо больше, чем роли простого помощника. — Мне нужен друг, — выдохнул он и поцеловал девушку в лоб. — Я действительно нуждаюсь в друге, — повторился он, вспоминая, насколько сильно она изголодалась по любви.

Нет, по его любви.

Он ласкал ее лицо, изучая каждую совершенную черточку. Хаос даже не знала, что она красива. Знойный жар охватил его грудь, когда похороненные эмоции и потребности, хлынули наружу. Боже, он это сделал, Соломон нуждался в этом. Он понял, что хотел этого больше всего на свете. Открыться ей, любить ее, заботиться о ней. Настолько сильно, насколько она этого заслуживала и жаждала. Хаос звала его. Именно его. Звала его сквозь свою ужасающую травму, звала его так громко, что настигла его во снах.

Соломон крепче сжал объятия, желая, чтобы это откровение настигло его до всего случившегося.

— Теперь я здесь, — прошептал он ей на ухо, чтобы Хаос услышала его. — Я держу тебя и никогда не отпущу снова, красавица.

После целого часа, проведенного под контрастным душем, так и не добившись какой-либо ответной реакции от Хаос, Соломон был готов кричать во всю глотку. Вынося девушку из душа, он разрабатывал план, как вывести ее из психически безопасной зоны, в которой она застряла. Проблема была в том, что при обучении на массажиста аспекты по психологии затрагивались поверхностно, и сейчас этих знаний было явно недостаточно. Соломон знал, что может случайно спровоцировать неправильную реакцию, но было ли это действительно важно в ситуации, в которой они оказались?

Мужчина сомневался, стоит ли одевать ее, поэтому просто прикрыл простыней. Он вернулся в ванную комнату и нашел маленькую бутылочку лосьона с витамином Е, которая осталась еще с тех дней, когда он работал массажистом, и принес ее к кровати. Перевернув Хаос на живот и прикрыв нижнюю часть ее спины простыней, Соломон, используя лосьон, начал массажировать ее легкими, быстрыми касаниями, стимулируя кровообращение в хрупком теле.

Никакого результата это не принесло, он сдвинул простынь с ее ног, оставляя прикрытой лишь попку, а затем на протяжении пяти минут активно растирал и массировал ее вялые конечности, между делом болтая о всякой несущественной на данный момент чепухе — о планах на зоопарк, о кулинарных мастер-классах и цветочных садах.

Опять безрезультатно. Никакой реакции.

Наконец, он остановился и просто сел рядом, глядя на Хаос и борясь с ужасом, который охватывал все его нутро. И что теперь делать? Что, блять, сейчас он должен сделать?

Стараясь отогнать собственное истощение куда-нибудь подальше, Соломон понял, что уже похолодало. Следует прогреть дом. И попробовать снова накормить ее.

— Ты в порядке? — спросил он Чампи, после того как подбросил пару поленьев в камин. — Ты, наверное, тоже голоден?

Потрепав пса за ухом, он выпрямился и взглянул на постель, чтобы встретиться с по-прежнему пустым взглядом Хаос. Опустив голову, он медленно стянул с себя мокрую рубашку, игнорируя боль во всем теле, так как не мог позволить себе передышку в данный момент. Его руки замерли, достигнув джинсов, Соломон задался вопросом, освободиться от них или нет. Посмотрев на девушку, Соломону стало интересно, могла ли она что-то видеть. Может быть, если бы она могла..., то это помогло бы ее разбудить.

Иисусе, он опустился до того, чтобы приставать к обездвиженной женщине.

Соломон подошел к шкафу, вновь обдумывая, что же он будет делать, если ненормальные фанатики объявятся на пороге его дома. Он проделает дыру в том, кто посмеет это сделать. Но что если психов будет больше одного? Что если их будет много? Что если они схватили дядю Джо? Что же эти ублюдки хотели от них? От нее?

Соломон снова склонил голову в ее сторону, представляя себе еще раз вариант с домогательством. Следует перестать называть это домогательством, это ведь всего лишь... он. Он вздохнул и отказался от попыток подобрать положительный термин для описания этого действия, затем открыл ящик и вытащил пару своих лучших боксеров для выполнения предстоящей задачи. Соломон снял джинсы, стоя спиной к девушке, после чего натянул на себя новую пару трусов, неуклюже путаясь и спотыкаясь при этом. Так держать, Мистер

Секси.

Он не мог заставить себя посмотреть на Хаос, когда добрался до кровати и сел рядом. Должен ли он, по крайней мере, предупредить ее, что собирается попробовать? Эта идея показалась еще более нелепой.

Боже, это казалось неправильным во всех смыслах. Он позволил себе представить, как неизвестные вламываются в дверь, и их обоих тащат, Бог знает куда, где эти ненормальные фанатики вытворяли такие вещи, о которых Соломону даже не хочется думать.

Эти мысли словно убогая попытка к прелюдии, но, черт побери, это придавало ему нужное настроение.

Лежа рядом с ней так близко, он позволил своему обнаженному телу коснуться ее. Это ни к чему не привело, и Соломон притянул девушку к себе, затем обернул свои ноги и руки вокруг нее, заключая в крепкие объятия.

Впервые он позволил себе почувствовать ее. Нет, не впервые, он позволял себе это и раньше, но только не с подобными мыслями в голове. Соломон пытался сопротивляться охватившему его стыду, так как его тело испытывало настолько сильный голод, что страстно откликалось на эти прикосновения к Хаос. «Просто будь рад тому, что происходит, и сосредоточься на главном».

— Давай, красавица, — прошептал он, поглаживая ее спину рукой.

Соломон засомневался, когда добрался до ее попки, затем скользнул пальцами по влажным трусикам. Его тело немедленно ожило при мысли, что он касался ее именно там. Соломон мягко прошелся ладонью вниз по ее ноге, затем двинулся обратно вверх к ее ягодицам. Пропутешествовав вверх по ее спине, пальцы Соломона оказались на лице девушки, переместившись так, чтобы он мог видеть пустой взгляд ее глаз, продолжая касаться ее.

Его рука вернулась обратно на спину Хаос, он притянул ее грудь ближе к себе. Соломон судорожно ловил воздух от вида ее округлых грудей и замерзших сосков напротив его горячего торса. Он посмотрел вниз, и вид, открывшийся ему, усилил голод, сделав его почти нестерпимым.

Он зажмурился.

— Пожалуйста, проснись, — прошептал он, прижавшись губами к ее лбу.

Соломон скользнул ими по нежной коже ее лица, сосредоточившись на движениях своих рук: одной, порхавшей вдоль спины Хаос, и другой, исследующей идеальные изгибы ее бедер.

Это было почти неуловимо, но Соломон почувствовал. Легкий вздох коснулся его шеи. Боже, Боже, пожалуйста, да! Боясь спугнуть девушку, возобновляя тот же темп прикосновений, сейчас Соломон поглаживал ее кончиками пальцев. Он прокладывал дорожку мягких поцелуев по ее лбу, интересуясь, проснулась ли она или просто прячется. В страхе.

Соломон остановился на ее попке и мягко обхватил ее ладонями, затем притянул ближе к себе. Его твердый член упирался в бедро девушки, и он поддался нахлынувшей волне возбуждения. Горячее дыхание Хаос все больше опаляло его кожу, и надежда захлестнула его.

— Красавица, — прошептал он, надеясь, что она могла слышать его. — Ты мне нужна.

Это была абсолютная правда. Он признал это, во многих отношениях. Соломон закрыл глаза и склонил лицо девушки так, чтобы открыть себе доступ к ее рту. Приподнявшись на

локти, он опустил к ее губам и начал прокладывать себе путь нежнейшими поцелуями вдоль них.

Хаос не была уверена, как долго она сможет скрываться от него. Сначала она не хотела возвращаться к реальности, до тех пор, пока не осознала, кто призывал ее. А потом, когда она попыталась вернуться, то обнаружила, что была слишком далеко. Но Соломон преодолел это расстояние, проник глубоко в ее сознание и установил там якорь, за который Хаос крепко ухватилась. Его голос. Его прикосновения. Они грели ее, словно маленькое пламя, несмотря на то, что были так далеко. Девушка потянулась за огоньком, желая понять слова, что произносил Соломон, и почувствовать его касания. В этом было что-то особенное — нечто, вызывающее любопытство, побуждающее Хаос почувствовать как можно больше его прикосновений, расслышать как можно четче его слова.

Это становилось легче с каждой секундой, с каждым негромким звуком. Когда она, наконец, оказалась на достаточно близком расстоянии, чтобы услышать и почувствовать, что же с ней происходило на самом деле, теплый огонек разгорелся, превращаясь во всепоглощающее пламя.

Страх толкнул ее обратно внутрь, напоминая о боли, которую он причинил ей и до сих пор мог бы причинить. Сейчас Хаос не смогла бы вынести еще больше боли. Она не могла позволить себе... быть обманутой... его прикосновениями. Его словами. Но почему она не могла этого сделать? Она не была уверена.

— Проснись, красавица, — мягко позвал Соломон. — Вернись ко мне. Не оставляй меня вот так.

Боль в его голосе с силой отозвалась в груди Хаос. Но страх нашепывал: если она пошевелится, если придет в себя, то обнаружит, что это был всего лишь сон.

Словно ощущая ее страх, пальцы Соломона скользнули вдоль ее бедра. И Хаос ощутила свое дыхание, и насколько быстрым оно было. Все было реально... и догадка о происходящем поразила ее. Это не было сном.

Огонь внутри нее перерос в серию взрывов, опаляя ее своими вспышками, как никогда прежде.

Пальцы Соломона трепетали на ее коже. И Хаос откликнулась. Ему необходимо продолжать, сказал он себе, несмотря на то, что в его заверениях самого себя не было необходимости. Часть его настаивала, что нужно отступить, так как его действия принесли результат. Но что если она воспримет это, словно он снова отверг её и сделал это еще больше?

Он изучал реакции ее тела даже с закрытыми глазами. Тело Хаос говорило: «Пожалуйста, не останавливайся. Продолжай очень медленно, но не останавливайся, забери меня из этого места».

Соломон мог бы сделать это. Он может продвигаться очень медленно и без остановки. Он не может остановиться тогда, когда она, наконец, покинула мрачные задворки своего сознания. Соломон задержал взгляд на ее лице, позволив себе еще раз изумиться тому, что девушка не подозревала, насколько была прекрасна. Мужчина склонил голову и прижался губами к ее лбу, закрыв глаза, затем он услышал, как Хаос затаила дыхание. Соломон не давил на кожу, но позволил губам почувствовать ее. Он скользнул ими вдоль ее лба, его собственные неглубокие вдохи против мягкого шелка. Соблазнительного шелка.

Он избегал ожогов на висках, двигаясь к щекам, скользя губами с достаточным нажимом, чтобы прочувствовать ее мягкость.

— Красавица, — прошептал он снова. — Вернись ко мне.

Он осторожно провел пальцами по другой стороне ее лица, закрыв глаза, ощущая острую необходимость дать ей все то, в чем она когда-либо нуждалась. Соломон положил начало серии поцелуев вдоль плеча Хаос, двигаясь так, чтобы он мог продолжить свой путь вниз, доходя до самых кончиков ее пальцев. Соломон поцеловал каждый из них, а затем уделил внимание каждому дюйму ее ладони, прежде чем пройти вдоль чувствительной кожи предплечья.

Ему необходимо поцеловать девушку так, как она того заслуживала, что он и сделал, обратив поцелуй в целое вкусное и чувственное путешествие по ее телу. Достигнув верхней части ее плеча, Соломон повернул голову так, чтобы насладиться кожей на ее шее, и Хаос дала ему то, что зажгло его сердце, заставив забиться в бешеном ритме. Крошечный стон.

Его тело вздрогнуло в ответ на этот единственный и прекрасный звук.

— Так-то лучше.

Соломона охватило мягкое ощущение одобрения от ее реакции на его прикосновения, когда он приоткрыл губы чуть сильнее, позволяя своему языку оставить влажный след на губах девушки.

— Очнись для меня.

Он пробежался кончиками пальцев вдоль ее шеи, слушая учащенное дыхание Хаос, которое звучало надрывно. Отчаяние Соломона сковало его мышцы напряжением, пока он блуждал губами по шее девушки, абсолютно потерявшись в собственных ощущениях, но продолжал прокладывать свой путь к заветной цели, двигаясь вдоль линии ее челюсти и подбородка.

— Такая прекрасная, — прошептал Соломон, наконец, добравшись до рта Хаос, его пальцы опять вернулись к поглаживанию изгибов ее плеча, прежде чем повторить очертания ее лица.

Хаос несколько раз вздохнула, и ее рот задвигался, словно она хотела заговорить.

— Ш-ш-ш-ш, — Соломон скользнул большим пальцем по ее губам. — Если только ты не хочешь меня остановить, — прошептал он.

В противном случае, Соломон точно знал, что ему нужно делать. Нет, не нужно. А то, что он хотел. Желал. Жаждал. Чтобы вдохнуть жизнь в женщину, глубоко спрятавшуюся в ее теле, которой ей не позволяли быть. И Соломон не остановится до тех пор, пока они оба не станут более живыми, чем были когда-либо прежде.

Хаос должна была найти способ сказать ему. Собрав последние силы, она, наконец, выдохнула:

— Не останавливайся!

Слова слетали с ее губ снова и снова:

— Никогда не останавливайся, никогда.

— Никогда, — согласился Соломон.

Касание его губ и горячее дыхание дарили ее лицу тепло. Хаос лежала с широко открытыми глазами, но она словно смотрела со стороны на себя и Соломона, лежащих на постели. Она страстно желала пройти весь путь до конца, но внутри нее все еще оставалось нечто, не позволяющее ей обрести целостность. А потом его прекрасные губы опустились к ее губам. Целуя ее. О, Боже, Соломон целовал ее.

Барьер был разрушен, и Хаос жадно поймала поток воздуха, а ее руки крепко сжали его волосы, чтобы прижаться плотнее. Затем ее охватило волнение, что она может причинить боль Соломону, напугать его, и это заставит его отступить. Но его руки не боялись, они были твердыми в своих действиях, уверенно удерживая ее лицо, а губы и язык Соломона откликались на ее голод с не уступающим ей напором. Это сначала похитило ее дыхание, а потом она и вовсе забыла, как дышать.

Его собственные вздохи затопили рот Хаос, осторожные и теплые.

— Я никогда не остановлюсь, — прошептал он, покусывая и посасывая ее губы.

Страстные и глубокие поцелуи Соломона, захватывающие дух, сменялись нежными и чувственными прикосновениями. Но дрожь в его теле показывала, что он испытывал невероятную сдержанность.

— Не останавливайся, — это были, казалось, единственные слова, которые она могла произнести в его присутствии, пока ее собственное тело просыпалось, испытывая дикий голод. И словно каждая частичка ее тела умирала от жажды, нуждаясь в том, что мог дать только Соломон.

— Не останавливайся.

— Ты очнулась? — спросил мужчина, целуя верхнюю часть шеи Хаос. — Мне нужно услышать это от тебя.

Хаос выгнула шею навстречу ему, сосредоточив все внимание губ и языка Соломона на этом чувствительном местечке. Она хотела, чтобы он проглотил каждую часть ее тела.

— Я здесь, я здесь.

Он снова вернулся к губам девушки, украв ее дыхание своим беспощадным поцелуем, заставив извиваться все ее тело.

— Хорошо.

Он с силой выдохнул это слово в ее жадные губы, прежде чем слегка укусил ее за подбородок.

— Я собираюсь показать тебе, — шептал Соломон, двигаясь к ее шее, пока она все сильнее выгибалась над постелью. — Я собираюсь показать тебе, что такое любовь.

Он собирался показать ей свою любовь? От страха и волнения ее сердце неистово колотилось в груди

— Покажи мне её, — прошептала Хаос, глядя на него.

Соломон опустился на колени рядом с ней и смотрел не на ее тело, а прямо в ее глаза. Это нечто всегда было в его взгляде, в самой глубине его глаз.

Она увидела его наготу и задохнулась от жара, осознав его полную обнаженность.

— Ты так прекрасен, — она не могла сдержать волнение.

Хаос с нетерпением опустила глаза на белое нижнее белье Соломона, и ее дыхание сбилось. Его мужское достоинство было напряженно, желая освободиться от преграды. Почему его вид вызывал у Хаос такие противоречивые чувства? Она никогда не испытывала жажды к чему-то подобному.

— Не так быстро, — прошептал Соломон, словно почувствовав ее нужду поглотить ту самую его часть.

Он медленно скользил по ее телу; и пока он все ближе подбирался к ней, Хаос могла наблюдать, как по его рукам и сильным плечам эффектно перекачивались мышцы. Его кожа напоминала ей кофе с жирными сливками, который заваривала бабушка. Хаос хотела выпить его до последней капли и слизать все остатки. Она оторвала взгляд от вида его мужественности, которая была так близко к ее телу, когда лицо Соломона приблизилось к ее. Девушка сглотнула, когда их глаза встретились. Интенсивность, что тлела в синих глубинах, поведала ей о тех вещах, которые Хаос не понимала, но так желала, слишком сильно желала.

Хаос никогда не встречалась с таким горячим взглядом, и когда глаза Соломона оказались прямо на уровне ее глаз, это заставило ее дыхание участиться. О, Боже, он смотрел прямо в самую глубину ее естества. Его губы опускались, как и его тело, пока не придавили ее к постели. Так жарко. Он был таким горячим. Она обожала этот жар, хотела его, жаждала большего.

— Я собираюсь целовать и ублажать тебя своими губами, — сказал Соломон, изголодавшийся по ее рту. — Скажи мне, что ты этого хочешь.

— Я хочу этого, — быстро всхлипнула Хаос. — Так сильно.

Соломон очерчивал пальцами линии лица девушки, и в этот раз его прикосновения были такими бережными, такими мягкими. Она должна была почувствовать его. Одно лишь скольжение ее пальцев вдоль его горячего торса рождало в ней нечто, что она никогда не ощущала прежде. Хаос замерла, испытывая беспокойство, почему Соломон зажмурился.

— Прости, — выпалила она.

— Нет, — сказал он резко, быстро накрывая ее губы поцелуем. — Я умираю, чувствуя твое прикосновение. Все во мне пылает.

Мысль о том, что Соломону настолько сильно нравятся ее прикосновения, подтолкнула ее пальцы смелее исследовать его горячую кожу.

— Да, — содрогнулся он, мягко покусывая губы Хаос, посылая частички тепла по ее телу, от которых зародился сладостный трепет между ее ног.

Раньше она никогда не испытывала подобных ощущений. Ее руки бродили по спине Соломона, опускаясь все ниже, словно сходя с ума от голода. Девушка коснулась ладонями его ягодиц, и Соломон судорожно выдохнул прямо ей в рот, вдавливая свое мужское достоинство в ее ногу.

— Я хочу доставить тебе удовольствие, — взмолилась она.

— Сначала ты, — напрягся Соломон, перемещаясь так, чтобы лечь рядом с Хаос.

Тревога пронзила ее.

— Я... я не думаю, что я... могу.

Прежде чем она успела закончить фразу, его теплая рука накрыла ее грудь. Хаос задохнулась от ощущения того, насколько хорошие ощущения можно испытывать от такого простого прикосновения.

— Ты уверена, что не можешь?

Хаос смотрела прямо ему в глаза, пока Соломон, опираясь на локоть, не отрывая пальцев, ласкал мягкие изгибы девушки, вызывая ощущение теплых волн, омывающих песчаный берег.

— Скажи, что ты чувствуешь, — прошептал он, проведя пальцами до одного из ее сосков, и это касание мгновенно похитило ее дыхание. — Тебе нравится, когда я делаю так?

Его жаркие слова вместе с прикосновениями, и плавным движением пальцев Соломон вновь доставили удовольствие ее чувствительным вершинкам.

Хаос выгнула спину навстречу прекрасным ощущениям.

— Так горячо, — выпалила она в смятении.

— Это прекрасно, красавица. Я могу поцеловать тебя там?

Соломон снова щелкнул пальцем по ее вершинке, и она дала ему разрешение со стоном:

— Да.

Столкнувшись с ней носами, он опустил губами к губам девушки и мягко вобрал их.

— Спасибо, — выдохнул Соломон в ее приоткрытый рот, прямо перед тем как скользнул губами ниже.

Хаос приподняла голову посмотреть, что он будет делать, и у нее перехватило дыхание от шока, когда она увидела, что он имел в виду под «поцеловать ее там». Соломон широко раскрыл рот и обхватил губами всю вершинку ее груди. Она наблюдала за ним с трепетом и в сладкой агонии, издав резкий стон, когда Соломон втянул его в рот. Ее грудь вздымалась, когда кончик мягко выскочил из его прекрасных губ. Сосок блестел и затвердел еще больше в отсутствии его внимания. Хаос сильнее вцепилась в одеяло, когда язык Соломона щелкнул и лизнул ее. Она не могла остановить крики наслаждения, сорвавшиеся с ее губ, но, вместо того чтобы счесть их отталкивающими, какими они казались ей, Соломон обхватил ладонью ее грудь и потянул пальцами за сосок, а затем, постанывая, слегка прикусил второй зубами.

— О, Боже, — задыхаясь, вымолвила она. — Это... так горячо.

Она осознавала, что между ног разгорался огонь. Но Соломон даже не касался ее в том месте, но все его ласки отзывались ноющей болью внизу ее живота. Все ее тело пришло в движение от этого жара. Хаос закрыла глаза, пытаясь все прочувствовать и понять. Что это было, что за желание разгоралось внутри нее? Что-то определенно происходило с ней, но Хаос не могла понять, что именно. Соломон понимал, что он был всему причиной, вдохновителем. Мастером всего этого.

Что это была за магия? Что за волшебство?

Пальцы Хаос запутались в его волосах, и она выгнула спину навстречу его губам, оставляя глаза закрытыми, когда Соломон возобновил сладостную пытку, трудясь над другой ее вершинкой. Бедрa девушки хаотично двигались в этом жарком танце. Было ли это ошибкой? Это определенно не ощущалось ошибкой, это ощущалось восхитительно.

Его рот вновь накрыл ее, жадно поглощая нежные губы девушки, ноги Соломона разместились между ее ногами, проталкиваясь так мягко, как только он мог, вопреки тому жару, который разгорался между ними.

— Да, — прошептал Соломон в ее губы, двигая свою ногу вдоль ее.

Он знал. Он очень хорошо понимал, что она чувствовала то, что здесь сейчас происходило между ними.

— Я... я никогда не...

— Не получала удовольствие, — прошептал он, покусывая ее губы и подбородок, порхая вдоль ее скул. — Но теперь ты получишь его, — пообещал мужчина.

Удовольствие. Как она могла? Она не была способна, она просто не создана для этого. Ее голова закружилась от множества мыслей. Нарушала ли она какой-то закон или кодекс Ордена этим? Происходящее казалось запретным. И еще оно ощущалось так, словно Хаос должна обязательно испытать это с ним. И тут она, опомнившись, издала стон. Жертва. Да. Жертвоприношение — вот в чем ее предназначение. Для Соломона.

Хаос не могла думать ни о чем, кроме этого. Будучи созданной для него. Чтобы сделать это с ним, так или иначе. Соломон называл это удовольствием между мужчиной и женщиной. Влюбленностью. Но она обучалась не для этой цели.

Жар становился невыносимым, и Хаос заерзала, усиливая ощущения в своем разгоряченном местечке, которое так чувственно соприкасалось с его телом.

— Соломон, — прошептала она, испугавшись нахлынувшего на нее осознания.

— Пока нет, — сказал мужчина, снимая напряжение между ее ног, заставляя Хаос втягивать воздух. — Не так.

Не как тогда? Девушка ахнула, совсем запутавшись, и Соломон снова поцеловал ее так, что она не могла думать ни о чем, кроме его теплых и полных губ, его нежном языке. Святой Боже, его язык... как и его пальцы, они скользили так напористо и умело, минуя ее губы, прямо в глубину ее рта! Вдоль ее языка! Нежными и мощными прикосновениями, которые ощущались намного интенсивнее, чем все, что она когда-либо испытывала. Это было так... ужасающе. Никто не целовал ее прежде.

Хаос толкнула его в грудь, и Соломон отстранился, глядя на нее. Гнева, который она ожидала увидеть в его прекрасных глазах, там не было.

— Поговори со мной, — негромко прошептал он, — расскажи мне, чего ты хочешь.

Чего хочет она? Она приоткрыла рот, пытаясь выдавить из себя слова, и Соломон опустил к ней и очертил поцелуем краешек ее губ.

— У тебя никогда не было ничего подобного, красавица? Вообще никогда?

Хаос лишь смогла покачать головой в ответ. Никогда.

— Ты никогда не испытывала удовольствия от секса, ни разу?

Девушка снова покачала головой, но не так твердо, чувствуя неуверенность в том, хорошо это или плохо. Все, что она считала правильным, не казалось таковым, когда она была с ним, и все, что она считала неправильными в жизни, оказалось хорошим.

Судя по выражению лица мужчины напротив нее: не испытывать удовольствия в сексуальном плане было плохо.

— Я никогда... я никогда не знала...

— Ш-ш-ш, — его горячие губы накрыли ее. — Я не сержусь на тебя.

— Почему... ты должен быть все еще сердит? Я-я ведь сказала тебе, что этого не происходило...

И вновь его рот опустился на ее губы, на этот раз доминируя, и у нее захватило дух от его напора.

— Позволь мне любить тебя, Хаос, — прошептал Соломон над ее губами. — Позволь показать, что это значит, когда мужчина любит женщину.

Она снова толкнула его в грудь, пытаясь встретиться с ним взглядом.

— Но ты сказал, ты бы никогда....

Он на миг прикрыл глаза, прежде чем склонить голову.

— Я знаю, что сказал. Я был напуган.

Соломон был напуган? Он?

— Чем именно? — прошептала Хаос, испытывая желание узнать, что же в этом мире могло послужить причиной того, что такой сильный человек начал бояться; и осознания этого порыва сделало что-то странное с ней. Это вызвало у нее желание устранить эту возможную угрозу, защитить его.

Его выразительные брови сошлись, когда Соломон посмотрел в ее глаза. Хаос затаила дыхание, когда он едва покачал головой.

— Я был напуган тем, что могу полюбить тебя.

Хаос по-прежнему не понимала, что он имеет в виду.

Соломон улыбнулся ей, поглаживая большим пальцем щеку и целуя ее в нос.

— Ты так прекрасна и даже не представляешь насколько. Как внутри, так и снаружи. Если бы я тебя полюбил, а потом каким-то образом потерял тебя... не думаю, что смог бы пережить это.

В груди Хаос разгорелся пожар, ей стало трудно дышать. Она оттолкнула Соломона от себя, ловя ртом воздух.

— Что? — спросил он у нее из-за спины.

— Ты... говоришь...

— Что я хочу любить тебя.

Она оглянулась через плечо.

— Хочешь?

— Да. Любить кого-то — это не одноразовое действие, это должно быть навсегда. То, что ты делаешь для нее, вместе с ней, ради нее. Из-за нее. Каждый день, целый день. И всю ночь напролет.

Мягкость, с которой он произнес этим слова, и та часть про ночь послали волну жара между ног Хаос, заставляя ее дыхание стать судорожным и поверхностным. Соломон этого хотел? С ней?

— И... как долго... это продлится? — девушка обдумала свой вопрос дважды.

— Пока смерть не разлучит нас, — ответил Соломон. — Надеюсь, до глубокой старости.

До глубокой старости? В их распоряжении были лишь считанные дни.

— Почему так долго? — наконец спросила она сквозь удушающий страх.

Мужчина издал смешок, который послал дрожь по ее внутренностям и даже коснулся интимных мест между ее ног. Так странно.

— Потому что я планирую любить тебя довольно долго. Я хочу обожать тебя и заботиться о тебе. Доставлять тебе только удовольствие, снова и снова, каждый день разными способами. На протяжении долгого, долгого времени. Ты бы этого хотела?

Хаос с трудом сделала вдох, испытывая настоящее смятение, услышав такие чуждые для нее слова: «ты бы хотела этого?». Она попыталась вспомнить, когда вообще интересовались ее желаниями в любых вопросах. И то, что Соломон предлагал, было... невыносимо для нее.

— То, чего хочу я — не имеет значения, — процедила Хаос, повернувшись лицом к

нему, чтобы увидеть, был ли ее ответ верным или нет.

— Это имеет значение для меня.

— Почему это так важно? — Хаос не понимала, но его слова сделали ее счастливее, чем она когда-либо чувствовала себя прежде.

— Почему это не может быть важным?

— Потому что я...

— Пешка? Жертва?

Она сглотнула, боясь ответить и пытаясь вспомнить, что он знал о ней. Воспоминания нахлынули на нее, первое из которых было о том, как Мастер привел ее на Четвертый этаж. Он сказал... что теперь она будет осквернена вместе с Соломоном. Потому что она потерпела неудачу в попытке заполучить его... любовь. Вдруг девушке захотелось рассказать Соломону все. Спросить у него, как сделать так, чтобы все было правильно.

Но... он только что сказал, что полюбил ее. Изменит ли это ее судьбу?

Хаос поняла, что это возможно. Но тогда... в чем смысл продолжать жить? Если они не будут делить один мир на двоих?

Значит, это абсолютно невозможно.

— Я хочу... чтобы ты любил меня, — прошептала Хаос.

Соломон снова оказался рядом с ней, оставляя мягкие поцелуи на ее плече.

— И ты, правда, хочешь любить меня?

Ее глаза наполнились слезами, когда сердце девушки переполнилось эмоциями, и она кивнула в согласии.

Соломон отвел локоны рыжих волос от ее лица, лаская губами ее шею.

— Я хочу услышать это от тебя. Мне нужно услышать это.

Хаос прикрыла глаза, сдерживая лавину собственных потребностей.

— Я хочу... любить тебя.

Ее слова сорвались на рыдание, и Соломон притянул ее в свои теплые объятия, крепко прижимая хрупкую спину девушки к своей груди.

— Я хочу любить тебя, — рыдала она. — Научи меня, как любить тебя.

Соломон опустил ее на постель и начал осыпать шею девушки горячими, влажными поцелуями.

— Сейчас ты должна быть моей.

Его слова были торопливыми и настойчивыми, что заставило сердце Хаос забиться быстрее от страха и беспокойства. Кем теперь она была для него? Хаос ведь не была как следует подготовлена.

Соломон оседлал ее бедра, а черты его лица стали выглядеть напряженно от пылающего жара в глазах. Его язык прошелся по нижней губе, увлажнив ее в предвкушении, а его руки скользили по коже вдоль внешнего края ее груди.

— Так прекрасны и совершенны, — он поднял взгляд к лицу девушки. — Так прекрасны и совершенны, — повторил Соломон, глядя пристально ей в глаза.

Затем он опустил взгляд на ее бедра, заставляя сердце Хаос биться еще сильнее, но уже от страха. Девушка сглотнула, когда Соломон ухватился пальцами за край ее трусиков и медленно потянул их вниз. Она затаила дыхание, когда он вдруг просто замер, а затем его брови сошлись на переносице, и он пронзил ее жестким взглядом.

— Боже мой, — прошептал он.

Паника охватила Хаос от того, как прозвучал его голос. Девушка опустила руки, чтобы

прикрыть себя.

— Меня... меня должны были подготовить, — выдохнула она в ужасе. — Прости.

Соломон слетел с кровати и отвернулся, его тошнило и одновременно мучило желание закричать.

— О, Боже, — прошептал он. — Господи, Боже мой.

Образы того, что он увидел, пронзали его мозг не контролируемым огнем. Она же была просто запечатана в том месте! Мать ее, кожа, блять, к коже! Все его тело тряслось от гнева, когда он замер, испытывая невероятный шок. О, Боже, казалось, ее губы прикипели друг к другу. Они слились воедино под действием каких-то нечеловеческих пыток, после которых было оставлено лишь два небольших отверстия.

Рыдания Хаос прорвались сквозь ярость, что оглушила и ослепила Соломона. Он резко развернулся и поспешил к кровати, схватив девушку на руки и крепко прижав к себе.

— Ш-ш-ш, нет, нет, не плачь, не плачь, прошу, я не сержусь на тебя, красавица, — мягко ворковал Соломон в ее ушко, лаская её лицо и нежно целуя в губы. — Посмотри на меня, посмотри на меня, Хаос.

Она, наконец, подняла глаза, и грудь Соломона стиснуло, лишая возможности сделать вздох, от вида невероятного опустошения на ее лице.

— Разве я не говорил, что хочу любить тебя? Говорил ведь?

Соломон вытер слезы, что струились по ее щекам, и она кивнула ему.

— Слушай меня внимательно, женщина, — он напрягся, поглаживая ее волосы. — Ничего... нет, посмотри на меня, посмотри на меня, — прошептал он, когда Хаос отвела взгляд. Она, наконец, взглянула на него, и стыд, притаившийся в глубине ее глаз, перехватил дыхание в груди Соломона. — Нет ничего такого в твоём теле, что я счел бы некрасивым. Я не поэтому расстроен, понимаешь?

— Тогда почему? — всхлипнула она.

О, Боже, она не знала?

— Потому что тот, кто сотворил это с тобой, совершил большую ошибку. Ты меня понимаешь, Хаос?

Он обхватил ее лицо ладонями, заставляя посмотреть на него.

— Они очень... ошиблись.

На последних словах Соломона буквально затрясло от гнева, слезы агонии ослепляли его.

— И я намереваюсь убить их за причиненную тебе боль. Ты меня понимаешь? Ты понимаешь такую сторону любви, Хаос? За весь причиненный тебе вред мое сердце жаждет хладнокровной расправы над ними. Вот на какую любовь я способен ради тебя, ты это понимаешь?

Взгляд Хаос был затуманен страхом, и Соломон вдруг опустил голову к ее груди, пытаясь восстановить контроль над самим собой.

— Прости, — прошептал Соломон. — Я не совершенен, Боже, я знаю.

Он поднял свой взгляд, всматриваясь в глаза Хаос, поглаживая ее лицо.

— Но я точно уверен в том, насколько сильно люблю тебя, ты меня слышишь? Ты слышишь меня? То, что с тобой сотворили, это не любовь, Хаос. Это не может быть любовью, но теперь никто и никогда не сможет обидеть тебя, прошу, скажи, что веришь мне.

Все также плача, девушка кивнула.

— Я верю тебе, — задыхаясь, ответила она. — Но Мастер сделал это со мной не из ненависти.

— Так это Мастер сделал с тобой? — спросил Соломон, едва выговаривая слова.

Хаос покачала головой.

— Это сделала бабушка, а Мастер сказал ей, что так никто не будет пытаться заполучить то, что им не предназначено, прежде чем наступит правильное время, так как раньше они уже делали это со мной.

Соломон задержал дыхание.

— Как и кто это делал с тобой раньше? Когда это произошло?

— Раньше я была избранной, тогда мне было всего лишь семь лет, но Мастер сказал, что это нормально, поэтому он очистил меня и запечатал этот проход, — Хаос четко выговаривала каждое ужасающее слово. — Поэтому они не могли снова причинить мне боль, он сделал это, потому что любил меня!

Боль за нее сжигала Соломона, пока он пытался успокоить Хаос, а его сознание охватили жажда убийства и миллион вопросов.

— Хорошо, хорошо, — повторил он, пытаясь мыслить ясно.

С того момента, как Хаос проснулась, Соломон решил, что довести до конца ту сладостную ласку было бы лучшим способом завоевать ее сердце, как и ее разум, надеясь разрушить ту нездоровую власть, что эти больные ублюдки имели над ней. Но это... срань господня, это он не мог игнорировать. Ее плоть была запечатана. Закрыта!

Затем его поразило осознание.

— Что... что они должны были сделать, чтобы подготовить тебя?

— Бабушка исправила бы это, она бы открыла путь для тебя.

Для него. О, Всемогущий, вот что это было, именно в это сгнившее к хренам гнездо он пытался добраться.

— Откуда ты знаешь, что это было предназначено мне, Хаос?

Девушка склонила голову набок, черты ее лица исказились в отчаянии.

— Потому что ты — единственный, ты всегда был единственным, — прошептала она.

Срань господня.

— Единственный... для чего, красавица? Расскажи мне, ты можешь мне доверять.

— Я не могу... рассказать тебе, я не вправе сделать это, — затаив дыхание, сказала Хаос. — Но... это очень важно, это поможет многим людям.

— Каким образом это поможет им?

Она выкарабкалась из объятий Соломона и села на кровати рядом с ним, скрестив руки над грудью. Сейчас он прочитал в глазах девушки то, что она, возможно, и не прольет свет на всю ситуацию, но попытается объяснить свое видение происходящего.

— В этом городе существует проклятье, — прошептала она, вытирая глаза ладонями, прежде чем вернуть их на место, прикрывая грудь.

— Продолжай, я слушаю. Я здесь, чтобы помочь, — сказал Соломон, не желая пропустить ни одну грязную деталь этой чертовщины.

Она кивнула ему, а затем отрицательно покачала головой.

— Но я не должна говорить об этом.

Проявившиеся складки на лбу Хаос показывали, что ей на самом деле было не разрешено рассказывать ему, но она очень хотела сделать это.

— Эй, послушай меня. У меня тоже есть секреты. И я определенно тот, кто умеет их хранить, красавица, обещаю тебе. Вот что я скажу, — его тон стал заговорщическим. — Как насчет того, чтобы поделиться секретами друг с другом, что думаешь об этом? Я расскажу тебе кое-что, чем никогда и ни с кем не делился, а ты расскажешь мне?

Хаос отстранено посмотрела вправо, немного покачнулась в раздумьях, перед тем как сосредоточила свой встревоженный взгляд на мужчине, сузив глаза. Он задержал дыхание, пока удерживал ее взгляд, ожидая продолжения.

— Я не очень хорошая девочка, — едва прошептала Хаос.

Сердце Соломона молотом било в груди, и он поднял свои руки вверх.

— И я не такой уж хороший парень, — сказал он. — И как много ты хотела бы поставить на то... что мои грехи гораздо весомее твоих?

Она обратила неубедительный взгляд к Соломону.

— Перестань, — прошептала она. — Я знаю, что ты пытаешься сделать, но ты не должен.

Соломон замер, испытывая опасения из-за того, что могли значить ее слова.

— Я знаю, что виновна, и я признаю свои грехи. Помнишь, ты как-то спросил, что бы я сделала, если бы была подобна Иисусу.

Соломон кивнул, его желудок стянуло в болезненный узел.

— Ну... — она опустила взгляд вниз и продолжила, пытаясь убедить его, — мы не сумасшедшие.

Хотя то, что она собиралась сказать, доказывало обратное.

— Мы знаем, что Господь пришел и отдал свою жизнь за наши грехи, и мы принимаем это. И... мы благодарны за это.

Девушка покачала головой, ее брови нахмурились в страдании.

— Ну, не совсем благодарны, — она вытерла вновь подступившие слезы. — Видишь, ты можешь не знать этого, — продолжала Хаос, шепча слова, — как и другие люди, но есть один грех, который нельзя простить, — еще тише сказала она.

— Например... какой? — изумился Соломон.

— Грех против Святого духа, — прошептала со всей страстью Хаос, а губы девушки задрожали. — Этот город? — продолжала она, — Ве-е-есь этот город совершил этот грех.

— Против Святого духа? — спросил Соломон, надеясь услышать больше подробностей.

Она кивнула в ответ.

— И по этой причине все мы прокляты.

Он замотал головой в неверии.

— Как?

— Смерть, — прошептала Хаос, медленно покачивая головой. — Смерть, смерть, смерть, — опустив взгляд на свои колени, девушка отстраненно перебирала волосы на своих руках.

— Умирают... люди?

Не глядя на Соломона, она лишь кивнула.

— Самые невинные. Самые тихие.

Наконец, Хаос подняла глаза на мужчину, произнося:

— Самые чистые.

Он был в ужасе от вопроса, которая задал ей следующим:

— Это... дети?

Она покачнулась, отведя взгляд вправо.

— Не рождённые.

Соломон изо всех сил боролся с собой, чтобы не позволить проявиться на лице признакам ужаса.

— Как?

Хаос вытерла лицо рукой и пожала плечами.

— Это единственный способ искупить грехи. Каждый месяц, — она шмыгнула носом и произнесла тоненьким голоском, — не рожденный должен умереть.

— Или что? — Соломон едва выдавил шепотом.

Хаос взглянула на него с напряжением.

— Или нас ожидает вечный ад.

Она посмотрела на него так, словно Соломон должен знать, что это было единственным оправданным поводом для столь чудовищных обрядов.

В глубине своего сознания Соломон убеждал себя, что нужно продолжать играть доброго пастыря и увести девушку края пропасти безумия.

— Верно, — шептал Соломон, подавляя тошноту. — Конечно. Так... ты говоришь, что дети должны... умирать? Когда это началось?

— Я помню, словно это было вчера, — продолжила Хаос так же тихо. — Когда Мастеру явился сон. Это было после того, как он узнал о грехах города.

— И что же это были за грехи?

— Убийство не рожденного, — ответила девушка. — Он узнал об этих греховных деяниях тогда, когда женщины делились с ним своими секретами.

Соломон пытался понять.

— Как... на исповеди?

— Да. На Святой исповеди. Очень важно исповедовать в своих грехах.

— Верно, — Соломон едва совладал с собой.

— Во всяком случае, по-видимому, множество женщин призналось в этом. И когда город погряз в болезнях, в то время это была малярия, Мастер заставил всех поститься и молиться, чтобы узнать, какой же совершенный грех навлек такие беды на город. И это был один из этих грехов. Но все это было не так просто остановить, — сказала Хаос, — Потому что город знал, что было неправильно убивать не рожденных, а они это все равно продолжали делать. И когда грешишь, зная, что это неправильно, это ни что иное как богохульство по отношению к Святому духу, — пояснила девушка с нарастающим осуждением в голосе. — Кровь Иисуса не покрывает такого рода грехи. И мы будем в ответе перед законом. Око за око, зуб за зуб. До тех пор, пока не появится другая жертва. Тот, кто будет благочестивым и не в чем неповинным. Как жители этого города, — сказала она с состраданием в голосе. — Люди, хорошие люди. Дети, отцы и матери, они все хорошие. Они ни в чем не повинны, — шептала Хаос, — но они будут расплачиваться за грехи на протяжении долгого времени. Они ждут надлежащей жертвы, что смывает пятно, проклятие. Они так взволнованы и счастливы.

Соломон не смог вздохнуть, ошеломленный тем, под каким слоем безумия находился весь город.

— И я... я сделала то, что мне не нравится, — сказала Хаос, слегка покачиваясь из стороны в сторону, снова не глядя на Соломона. — Не совсем все. Но я сделала это во благо, — заверила она, обратив к нему умоляющий взгляд, который заронил некие

противоречия в его голове. Сокрушить людей, ответственных за такое умелое промывание мозгов, или сокрушить девушку своими крепкими объятиями.

Соломон быстро обдумал свои мысли на этот счет, продолжая играть праведного наставника; казалось, это было единственным вариантом, если он хотел спасти Хаос.

На самом деле ему нужно было занять более весомое место в ее сознании, ему необходимо было стать кем-то поистине значимым для нее.

— Разумеется, ты совершила это во благо, — сказал он. — Я уже убедился в этом, — заверил ее Соломон, как ни в чем не бывало.

Надежда засветилась в глазах девушки, когда она взглянула на Соломона.

— Правда?

Он кивнул.

— У меня был сон, — он лишь наполовину лгал ей, — об этом.

— Обо... мне? — Хаос вытерла глаза от слез и пододвинулась ближе к нему, обнажив свою грудь, опустив руки.

Тело Соломона тут же откликнулось, напомнив ему, на каком моменте они остановились, перед тем как был начат этот пугающий разговор.

— Мне приснилось... что ты была ангелом... в другом облинии.

Увидев, как красивое лицо девушки озарилось благоговением, все внутри Соломона сжалось от чувства вины. Он кивнул.

— Ты совершала прекрасные деяния, даже если многим они казались плохими.

— Да, — кивая, Хаос затаила дыхание — Все было именно так, — вскрикнула она, испытывая радость. — Тебе приснилось это?

— Именно так. — Приснилось, никак не иначе, черт побери. — Это было настолько реально.

Хаос уставилась на него, испытывая настоящее ошеломление от услышанного, затем приоткрыла рот и рассмеялась.

Губы Соломона медленно изогнулись в улыбке, хотя он и не понимал, что в этом было смешного.

— Ты... смеешь хихикать? В такое непростое время?

Хаос покачала головой и, звонко смеясь, бросилась на Соломона, толкая его на кровать. Ее рот опустился к нему, и их губы слились в поцелуе. Тело Соломона ожило под натиском ее смелых действий, и, когда он почувствовал, что неопределенность заставила ее испытывать неуверенность, он мягко обхватил ее лицо ладонью, удерживая Хаос в своей власти, пока другая рука скользнула вниз по ее спине к изгибу аппетитной попки, и он сильнее прижал ее податливое тело к себе. Он толкнулся бедрами, и то, как Хаос всхлипнула и прижалась к его эрекции, заставило его застонать прямо в голодный рот девушки.

Соломон почувствовал, как откуда-то слева, из области его груди, поднялось, поражая его, уверенное ощущение того, что ему следует сделать, чтобы превзойти Мастера и утвердить свою значимость в сердце и разуме Хаос.

— Выходи за меня, — выдохнул он.

Хаос замерла и приподнялась, глядя сверху вниз на него.

— Ты просишь меня выйти за тебя замуж?

— Да, выходи за меня замуж.

Он вновь притянул ее к себе, даря мягкий поцелуй.

— Мне нужно стать твоим мужем. Тебе нужно стать моей женой.

— Нужно?

- Я хочу, нуждаюсь, жажду этого...

Соломон пригладил локоны волос, что обрамляли ее лицо, затем нежно скользнул пальцем по ее губам. Хаос резко втянула воздух, приоткрыв свой рот, и начала сосать его так, чтобы Соломон ощутил ее голод.

— Ты... хочешь, чтобы я стала твоей женой?

— Да, — улыбаясь, ответил Соломон, обращая свое лицо к ней. — Моя прекрасная, великолепная жена. Так я смогу защитить тебя. Оберегать тебя. Любить тебя.

Ее брови почти сошлись вместе.

— А сейчас это невозможно?

— Возможно, — он склонился, покрывая ее губы легкими, горячими поцелуями. — Но в браке мое влияние станет более могущественным.

Хаос снова приподнялась.

— Более могущественным? — спросила она с нарастающим любопытством. — Что ты имеешь в виду?

Вот оно. В этом направлении ему и нужно приложить силу. Обе его руки скользнули вдоль спины девушки, и широкие ладони опустились на ягодицы Хаос, мягко сжимая их, когда он прошептал:

— Разве ты не знаешь, что в Библии говорится о том, что, когда мужчина и женщина соединяются вместе, то двое становятся единой плотью? И то, что Бог объединяет, никто не в силах разделить?

Соломон удерживал девушку, медленно вдавливая свой член в ее упругое, податливое тело.

Эмоции, что пронеслись, сменяясь на прекрасном лице Хаос, заставили сердце Соломона неистово забиться, испытать дикое желание и растущую надежду на будущее. Она вытянулась всем телом, скользя по нему, когда поднялась и встала на колени перед Соломоном, трепетно и взволнованно дыша. Она наблюдал за девушкой, приподнявшись на локтях.

— Но... как же мы сделаем это?

Соломон попытался зайти с той стороны, которая казалась ему наиболее простой для понимания Хаос.

— Я спрошу тебя, ты скажешь мне «да», а потом я завершу церемонию бракосочетания.

Хаос вдруг прикусила нижнюю губу и сложила руки так, что ее грудь напрямик устремилась к Соломону.

— Как... ты... завершишь церемонию?

Дьявол. Соломон был уверен, что никогда в своей жизни не видел столь эротичной и возбуждающей позы, и его взгляд, скользнувший к груди девушки, позволил ответить за него.

— Удовольствием, — сказал Соломон, искусно и медленно скользнув кончиком языка по своим губам, прежде чем вернуть пылающий взор к глазам Хаос. Этот ответ воспламенил ее. Хаос даже не могла предположить, что сможет испытать удовольствие, вопреки всему тому, что было сделано с ней до этого, но Соломон был уверен, что сможет удовлетворить все ее желания. Еще прежде он ощущал, что девушка была на грани оргазма, и не имеет значения, что они сделали, этого не отменить.

Очень медленно он высвободил и вытянул свою ногу, наблюдая за ее опускающимся взглядом, пока он продолжал демонстрировать, что конкретно имеет в виду.

— Я... подарю тебе наслаждение. Я... заставлю тебя назвать имя Бога. Я... заставлю твоё прекрасное тело... сгорать от желания.

И вновь слова божественно ощущались на его губах и будоражили за гранью воображения.

— Да, — выдохнула Хаос, кивая.

Соломон оторвал свой взгляд от призывно торчащих сосков груди Хаос и посмотрел на нее.

— Да — что?

— Спроси меня, — прошептала девушка, едва дыша.

Соломон выдержал ее взгляд, и, казалось, что лишь стук его сердца прорезал тишину.

— Выходи за меня, — это звучало как вызов, а не вопрос.

Хаос сглотнула и резко кивнула в ответ, ее веки отяжелели от нарастающего желания.

— Да, я согласна.

Она глазами пожирала восхитительное тело мужчины перед собой, словно ее ответ был главной причиной завершения церемонии, и теперь предстояло вкусить долгожданный десерт.

Все прекрасно сработало. Соломон ощутил невероятное волнение, услышав ее ответ. И тот факт, что смерть преследовала их обоих прямо за порогом его хижины, сделало его гораздо сильнее, намного более живым и реальным.

Соломон медленно выпрямился и переместился на колени, сев перед девушкой.

Глядя глаза в глаза, он скользнул пальцами под пояс боксеров и приспустил их спереди. Ее губы разомкнулись с легким придыханием, и он знал, чего она желала. Боже, он желал этого не меньше. Но ее наслаждение было важнее.

Хаос начала опускать взгляд к столь манящему виду, но Соломон перехватил ее, приподняв указательным пальцем за подбородок. Она замерла, глядя ему в лицо. Голод в ее распахнутых глазах... украл его дыхание.

— Иди сюда, — прошептал он, обрамляя ладонями лицо девушки и мягко убеждая ее подняться.

То, как она двигалась, выглядело так, словно Хаос была подвластна только его воле. Когда она поднялась, Соломон задохнулся в изумлении, вглядываясь в ее лицо. В ее глазах он видел именно то, что чувствовал и внутри себя. Сейчас, в этот самый момент, было положено начало всему: обладания, предъявления права собственности на ее сердце, он видел все это прямо в ее глазах, которые напоминали Соломону цвет листьев, сменяющихся по осени.

Соломон высвободил поток неистовых чувств, когда атаковал ее рот. Все погребенные глубоко внутри потребности и разбитые мечты вырвались наружу через его горячие стоны. Голод словно овладел его руками и пальцами, пока те металась по теплему телу девушки с всепоглощающей страстью. И он не остановится, пока Хаос не запустит свои пальцы в его волосы, испытывая голод равный ему, пока она не вскрикнет его имя с такой же страстью. Это были клятвы. Это была сила, которая связывала их воедино. И Соломон не представлял ни единого человека, способного разрушить их связь.

После того как он завладел ее губами в поцелуе, Соломон опустил ниже, упиваясь сладкими ласками ее совершенной груди, впиваясь пальцами в округлую нежную плоть, пока совсем не потерял голову от желания. То, как Хаос крепко прижималась обнаженной грудью к губам Соломона, то, как ее пальцы притягивали его ближе к себе, и ее ногти

впивались в кожу, показывало, что она не так уж и сломлена в этой области отношений. Едва ли.

Она просто никогда не любила. И Господь свидетель, Соломон собирался это исправить.

— Соломон, — жадно хватая ртом воздух, позвала она.

Он услышал страх в голосе Хаос и вернулся к ее губам.

— Ты чувствуешь огонь внутри себя?

— Да, — прошептала она слабо, удерживая его лицо, стараясь направить его поцелуи к своим губам.

— Я собираюсь выпустить это пламя из тебя, красавица. Ты этого хочешь?

Она кивнула, и только лишь легкий, протяжный стон был ее ответом.

— Я буду продвигаться очень медленно, не хочу, чтобы ты испугалась.

Буквально задохнувшись от ее красоты, он смотрел на нее сверху вниз.

— Моя прекрасная жена, — прошептал он, проталкивая свою ногу между ее бедер, настойчиво вторгаясь в ее интимное пространство. Соломон опустился к ее рту и поцеловал трепетные губы, поворачивая голову так, чтобы добраться до каждого изгиба ее совершенного рта. Он мягко захватил пальцами одной руки ее подбородок, скользя другой ладонью по возвышенности ее груди, поймав судорожный выдох Хаос своим ртом и издав стон ей в ответ.

— Мне нужно прикоснуться к тебе, — выдохнула Хаос, скользя рукой между их обнаженными телами.

Соломон напрягся, когда она взяла его, и погрузил свой язык глубже, сильнее, решительно толкая свои бедра между ее ног.

Она издавала самые прекрасные звуки, что он когда-либо слышал, ее бедра двигались мелкими толчками навстречу ему, и эта необходимость видеть ее распростертой перед ним свела Соломона с ума — видеть то, как она впервые получает удовольствие.

— Горячо, красавица?

— Да, да.

Ногти Хаос вычерчивали легкие линии вдоль его члена, а кончики пальцев кружили по вершине ствола, заставляя Соломона сдерживаться от подступающего оргазма.

— Мне необходимо видеть тебя, — прошептал он в приоткрытые губы девушки, приподнимаясь так, чтобы встать на колени между ног Хаос и возвышаться над ее манящим телом.

Соломон прикоснулся к ее груди, лаская сильными и теплыми ладонями, но его взгляд был устремлен к местечку между ног, туда, куда его руки медленно спускались, не прекращая своих ласк. Она в страхе вытянула руки перед ним, пытаясь закрыться.

— Почему именно в этом месте? — захныкала она, несмотря на то, что огонь, о котором говорил Соломон, опалил эту часть тела наиболее сильно.

Он прочертил пальцами линию вдоль ее рук, заигрывая с краем ее трусиков. Затем он поднял свои прекрасные глаза вверх, чтобы взглянуть на девушку.

— Я должен познать тебя. Каждую восхитительную часть твоего тела.

Она покачала головой, не понимая его и не желая снова проходить через это. Единственное, чего Хаос хотела в этот момент, чтобы ее трусики были намертво припечатаны к ее телу, равно как и ее ненужная женственная сторона естества никогда не должна быть принята ею вновь. Не было ничего прекрасного в этой части ее тела, и она знала об этом, а теперь и он был осведомлен об ее уродстве, что еще он мог там познать и увидеть?

— Ты испытываешь удовольствие прямо здесь, — прошептал Соломон, поглаживая пальцем низ ее живота, спускаясь все ниже и ниже.

В словах Соломона прозвучал требовательный вопрос, а его прикосновения вызвали стон, который Хаос была не в силах подавить. И она кивнула.

Он внимательно всматривался в ее лицо, зная, что она ничего не сможет скрыть от него.

— Я должен понимать, что именно с тобой сотворили.

Соломон ласкал ее в том месте прямо в этот самый момент, очень нежно поглаживая пальцем.

— Так я узнаю, что должен сделать, чтобы доставить тебе удовольствие.

Хаос напряглась и вцепилась в одеяло от того, насколько прекрасно ощущались его прикосновения в местечке между ее ног.

— Эти ощущения приятны тебе?

В его осторожном вопросе таился голод, который показывал, что Соломон может дать ей намного больше.

— Да, — выдохнула она.

— Прямо здесь, — словно проверяя и подтверждая свои слова, он выводил круги большим пальцем прямо в том месте, в котором были сосредоточены все сладостные ощущения Хаос.

Еще больше стонов сорвалось с ее губ, и Хаос вновь кивнула ему, пока ее бедра двигались сами по себе, как это уже случалось ранее, желая и слишком нуждаясь в прикосновениях.

— Вот так, красавица, — сказал Соломон, и вращение его пальца замедлилось, давление стало немного сильнее. — Помоги мне распалить этот огонь.

Он постоянно использовал этот термин, и впервые она забеспокоилась, что тот может иметь буквальное значение. Потому что это ощущалось все именно так.

— Огонь?

— Тебе горячо, не правда ли?

— Да, — едва прохрипела девушка, еще быстрее вращая бедрами.

— Это и есть огонь, о котором я говорил, он охватывает тебя своим жаром. Я хочу, чтобы ты следовала за ним так, как можешь. И когда он полностью захватит тебя с такой силой, что ты даже ни о чем не сможешь думать, я хочу, чтобы ты отпустила прошлое. Поддайся жару. Ты сможешь сделать это для меня?

— Соломон, — прошептала Хаос, ощущая непреодолимо растущее желание, словно ей необходимо было облегчиться. Может, это какой-то сбой в ее организме?

— Продолжай смотреть на меня, — приказал он. — Я хочу увидеть это в твоих глазах. Я хочу, чтобы ты ощутила меня рядом с собой. Я здесь и никогда тебя не покину.

Он мог увидеть это? О, Боже, это было так хорошо, так невыносимо прекрасно. Она хотела этого больше всего на свете. Но что если она случайно описается?

Вдруг Соломон переместил пальцы, заставляя Хаос затаить дыхание и затрепетать всем телом.

— Я собираюсь использовать член, чтобы сделать это, — прошептал он. — Не бойся, я не причиню тебе вреда, обещаю.

Она не отпустила одеяло, в которое продолжала крепко цепляться, и не стала сопротивляться, когда Соломон ухватился за ее трусики и стянул их вниз по бедрам, полностью обнажая ее. Устроившись между ног девушки, Соломон приподнял ее за бедра и притянул к себе так близко, что ее попка оказалась лежащей на его ногах, а его восхитительная эрекция вдавливалась прямо в ту самую точку сосредоточения жара, которая пульсировала болью от нестерпимого желания.

Желая видеть, что Соломон собирался делать, Хаос приподнялась на локтях, жадно рассматривая его мужское достоинство. Он сжал ее за талию своими сильными пальцами, не спуская пронзительного взгляда с девушки.

— Я собираюсь касаться тебя прямо здесь, пока ты не достигнешь оргазма.

Хаос резко втянула воздух, услышав последнее слово. Она знала, что это слово означало то, чем завершались действия мужчин в ее рот. Почему Соломон решил, что она может испытать нечто подобное? Ее тело существенно отличалось от других. Но что-то подсказало ей, что это было одним из тех случаев, когда его дар мог превзойти все ее ожидания. Хаос наблюдала, как мужчина начал поглаживать себя, словно лаская, двигаясь вдоль того самого места. Он прижал свои бедра плотнее к ней, заставляя восхитительную длину его мужского достоинства в твердом темпе скользить по нежным складочкам Хаос между ног. Жар, о котором говорил Соломон, вернулся, захватывая ее, словно прожигая насквозь, еще сильнее, чем когда-либо прежде. Оставаясь стоять на локтях, Хаос сжимала покрывало в кулаках, а ее взгляд был прикован к идеальному на вид члену Соломона, который двигался вдоль ее плоти. Это зрелище было странным и словно наполняло все ее тело электрическими разрядами. Ничто настолько прекрасное не могло быть запретным.

— Хаос, — выдохнул Соломон, все сильнее впиваясь пальцами в ее талию и под поясницей, приближая охватывающие ее ощущения, к несравненному совершенству. Он наблюдал за своим скольжением вдоль ее нежного местечка, его полные губы разомкнулись в протяжном стоне удовольствия, разжигая её пламя все сильнее, приближая пик экстаза.

— Отдайся моменту, красавица, — шептал Соломон, а сгущающаяся синева в его глазах обещала настоящую бурю ощущений, несравнимую ни с чем, что ей доводилось испытывать прежде. — Поддайся этому, ты в абсолютной безопасности со мной.

Безопасность. Хаос не понимала, какое отношение это слово имеет к их сексуальным

действиям, но она понимала, что значит поддаться жару вместе с ним.

— Так жарко, — прошептала Хаос, ее рот оставался открытым, чтобы вбирать в легкие больше воздуха. Намного больше, чем ей требовалось обычно. Ее вздохи стали более частными и уже не замедлялись, и девушка начала издавать те же сладострастные звуки, что и он.

Соломон вновь остановился, разместив теплую ладонь на ее животе, и использовал другую руку, чтобы передвинуть набухшую головку своей эрекции прямо к самому центру между ее ног.

— Держись за меня, красавица, — произнес он, его слова звучали грубо, пронизанные напряжением.

Соломон прикусил нижнюю губу, а его густые выразительные брови сошлись на переносице, когда он обратил на нее пронзительный взгляд. О, Боже, он вжимался все крепче в ее чувствительное местечко, ускоряя движения крепких бедер.

— Соломон! — прошептала Хаос, прижимаясь к нему плотнее под его отчаянным взглядом.

Его пальцы все сильнее впивались в кожу на ее животе, и Хаос вскрикнула.

— Уже близко, — выдохнула она. — Соломон!

— Да будет так, — наполовину прорычал он.

Она не могла остановить нахлынувшую на нее волну удовольствия, даже если бы захотела. Это неведомое чувство захватило Хаос, словно пытаясь вытрясти из нее всю жизнь без остатка, но вместо этого вдохнуло в нее свежий поток силы. Теплый, мягкий, искрящийся источник жизни. Каждая частичка ее существа словно была захвачена в теплые объятия этой совершенной силы. Она не могла остановить рыдания, рвущиеся наружу, и в глубине души надеялась, что это не было ошибкой. Соломон сказал отпустить, не бороться с настигшей ее лавиной чувств, так она и сделала. О, Боже, Хаос никогда прежде не испытывала ничего подобного... ужасающе удивительного. Она, конечно, хотела быть уверенной, что это будут невероятно приятные ощущения, но не могла знать наверняка. Но она желала, чтобы это было именно так. Больше всего на свете она жаждала разделить с этим мужчиной то, что произошло сейчас между ними, и чтобы это оказалось чем-то невероятно прекрасным. И настолько правильным.

Придавив девушку своим телом, Соломон крепко прижался к ней, и его рот неистово обрушился на ее губы. Хаос осознавала причину его голода, потому что в эту же самую секунду она ощущала те же невероятно сильные эмоции.

— О, Боже, ты чертовски красива в момент удовольствия.

Внезапно тело Хаос пронзила острая необходимость поблагодарить его и показать ему, насколько она была счастлива. В страстном поцелуе она крепко удерживала лицо мужчины, посасывая и вылизывая каждый уголок его прекрасного рта, точно так же, как и он за минуту до этого. Она должна была показать ему, что чувствовала то же самое. Возможно, даже больше.

Неожиданно Соломон коротко рассмеялся ей прямо в губы, когда скатился с Хаос и лег рядом, положив голову на ее плечо. Он издал стон, который заставил трепетать ее внутренности, когда притянул ближе к себе, словно она была недостаточно тесно прижата к нему.

Соломон был все еще вымотан, когда Хаос перекатила его на спину, скользя быстрыми поцелуями по его груди вниз. Он застонал, приподнимаясь на локтях, а его тело выгнулось, среагировав на то, что она собиралась сделать. Казалось, Хаос желала наброситься на него в этот самый момент. Она опустилась на колени, расположившись между ног Соломона, глядя на его мощную эрекцию.

Он медленно развел бедра, пока истинная правда не стала очевидной для Хаос. Все это для нее. Каждая его часть, каждая эмоция и особенно ЭТО, красноречиво подтверждающее ее выводы. Его член стоял в нетерпеливом ожидании принять все, что ей захочется сделать с ним.

Девушка сверкнула пылким взглядом на него, при этом казалась немного застенчивой. Кончик ее языка скользнул по нижней губе, и внушительный член Соломона дернулся при виде этого легчайшего движения, зная, что это все, чего он желает в этот самый момент.

Наконец, она нагнулась, прокладывая дорожку из поцелуев вдоль внутренней поверхности его бедра, а пальцы следовали чуть впереди, опережая касания ее губ. Кончики пальцев Хаос обхватили его достаточно крепко, чтобы удержать, когда она доберется до цели.

— Это мой первый раз, — выпалил Соломон, чувствуя, что необходимо напомнить ей об этом. О том, что она была у него первой.

Брови девушки взмыли вверх, и она подняла на него взгляд.

Соломон осознал, что открыл ящик Пандоры, он не хотел думать об этом сейчас, но было уже слишком поздно.

— Она погибла, прежде чем мы смогли пожениться. Я до сих пор девственник. Я лишь хотел, чтобы ты знала, что ты для меня первая.

Он облизнул нижнюю губу.

— Моя единственная.

Хаос медленно выпрямилась, вставая перед ним на колени, вид ее личика заставил его улыбнуться. Она была ошеломлена.

— Как ты себя чувствуешь? — он должен был знать.

Хаос быстро моргнула несколько раз в неверии и приоткрыла рот, пытаясь заговорить:

— Я... ты... только для меня?

Прекрасная улыбка Соломона стала шире от того, что она восприняла эту новость именно так, как он надеялся.

— Целиком и полностью.

Она ахнула, и легкая улыбка удивления коснулась уголков ее прекрасных губ. Соломон вдруг вспомнил о том, что она собиралась сделать с ним, став от этой мысли еще более твердым.

— Будь нежной, — прошептал он, не в силах сдержать усмешку.

Хаос ответила, опустив ресницы и прикусив губу:

— Я собираюсь двигаться очень медленно.

Соломон затаил дыхание при виде ее застенчивого взгляда, когда их глаза встретились.

— Ты не возражаешь, если я буду сосать очень глубоко и жестко, а мои ногти будут впиваться в тебя, удерживая на грани?

О, Срань Господня. Это признание выбило воздух из его легких, и Соломон покачал головой, поерзав бедрами.

— Я не возражаю.

Все тело Соломона слегка подрагивало в предвкушении, пока Хаос склонялась между его ног. Когда она продолжила свой путь, оставляя поцелуи вдоль внутренней стороны его бедер, Соломон распахнул ноги шире, пытаясь помочь ей быстрее достичь нижней точки своего тела, которая жаждала разрядки. Хаос мягко подула на его головку, затем провела широкой стороной своего языка от основания до самой вершины члена.

— О, черт, — выдохнул Соломон, когда настойчивое тепло ее языка побудило его откинуть голову назад.

Крепко сжимая ткань покрывала в кулаках, он испустил протяжный стон и посмотрел перед собой, когда кончик языка Хаос обрушился, опалая жаром, на головку его члена. Он обнажил зубы, не в силах остановить шипение похоти и желание толкнуться вперед своим стволом навстречу ее божественному влажному рту.

— Тебе нравится? — искренне спросила девушка.

Нравится..., Да он чувствовал себя опьяненным от прикосновений Хаос, словно обезумев.

— Вбирай его глубоко.

Девушка немедленно повиновалась, и его рот приоткрылся, пока она вбирала каждый сантиметр его плоти. Соломону хотелось резко толкнуться бедрами вперед, но он не желал навредить ей. Хаос скользнула обеими руками под его ягодицы и впиалась ногтями так сильно, что он дернулся навстречу ее рту, ударяя твердым членом по задней стенке ее горла. Она снова впиалась ногтями, провоцируя его на тот же рефлекс.

— Хаос, — судорожно выдохнул Соломон, видя, как она искусно управляет с ним, желая, чтобы его бедра повторяли эти жесткие толчки, направляя его ствол прямо в ее горло.

Все еще беспокоясь за нее, Соломон сопротивлялся, но острые ногти Хаос продолжали настойчиво впиваться в его мускулистые ягодицы. Боль в сочетании с тугим ртом и горлом девушки заставила Соломона оказаться на самой грани, почти потерять чувство реальности.

Сердце Хаос было готово взорваться от радости. Она разглядывала Соломона, находясь между его сильных ног, наблюдая за тем, как перекачиваются мышцы его пресса, и как растекается удовольствие по его измученному лицу. Он был гораздо красивее, чем она могла себе представить, когда думала о том, как это произойдет между ними. А его вкус и запах влияли на нее так же, как и те вещества, которые она употребляла во время ритуала Осквернения. Только с ним Хаос познала намного больше самого Соломона, никак не меньше. Она все больше ощущала совершенство его мускусного аромата, вкушая его солоноватый вкус. Соломон был самым восхитительным мужчиной из всех, с кем ей довелось быть в жизни. И он отдал себя ей. Всего себя. Это побудило Хаос сделать все настолько же идеально, не уступая тому, насколько идеальным был Соломон, даря ей удовольствие.

И вынуждать Соломона вбиваться своим мужским достоинством глубоко в ее рот — это

было одной из тех вещей, в которых она была хороша. О, Боже, этот мужчина был великолепен. Он держался с такой стойкостью, что взгляд притягивали скованные напряжением широкие плечи, а мышцы его шеи восхитительно выступили, когда он запрокинул голову в кульминации. Жесткие линии его челюсти и глубокие гортанные звуки, которые иногда походили на рычание, — вот что было поистине совершенством.

Девушка заставила его заниматься любовью с ее ртом, заставила его сделать это быстро, когда увидела, каким удовольствием это было для Соломона. Удерживая себя на локтях, Соломон наблюдал за Хаос, а его рот оставался открытым, обнажая зубы и выпуская с шипением воздух между стонами. Она осознавала, что помогла ему освободиться. Ее план продвигаться медленно и осторожно полетел к чертям, она не могла отказать Соломону в том экстазе, о котором он молил. И он все еще продолжал умолять.

— Не останавливайся, — задыхаясь, произнес он. — Блять, — донесся его шепот.

Хаос слышала это слово и раньше, но оно ей никогда не нравилось в этом контексте. Пока его не произнес Соломон. Теперь она хотела услышать от него намного больше. Громче. Жестче. С этим свирепым выражением на его лице, с этим взглядом, который демонстрировал, что он был краю пропасти и готов сорваться. Для него это было удовольствием. Для нее же — неистовым чувством удовлетворения.

Хаос легонько впиалась кончиками ногтей в чувствительную кожу под его стволом.

Из его рта тут же вырвался резкий выдох, и он прогрохотал:

— Блять, да.

Она простонала в его плоть, чего раньше никогда не делала, и слегка прижала большой палец к тому месту, касание к которому нравилось некоторым мужчинам в процессе получения удовольствия. Его руки взметнулись крепко вцепились, обхватывая ее голову, а бедра Соломона резко взбрыкнули.

— Хаос... красавица, — задыхался он.

Она прижала свой палец чуть сильнее, и семя Соломона выстрелило горячей струей ей в рот и растеклось по горлу. Хаос не могла оторвать свой взгляд от мужчины, она должна была видеть, как он испытал с ней свой первый оргазм. Святые небеса, она не видела ничего более восхитительного и прекрасного. Вены на его шее вздулись, когда Соломон зарычал от удовольствия, его пальцы, с каждым содроганием тела, все крепче сжимались в напряжении.

Лежа на спине, Соломон жадно хватал ртом воздух, а Хаос торопливо поднялась, скользя по его телу, и легла на него. Она приложила ухо к его мускулистой груди, которая интенсивно вздымалась, и с улыбкой слушала удары бешено колотящегося сердца. Она сделала это. Соломон притянул ее ближе и, обхватив ладонями лицо девушки, горячо поцеловал ее. Она была в шоке. Мужчины никогда не хотели иметь ничего общего с ней после этого. Но он жадно целовал ее, облизывая ее сладкие губы, посасывая их с таким же напором, с каким она только что дарила удовольствие ему.

— Я сделала все хорошо?

Вопрос слетел с ее губ прямо в его изголодавшийся рот.

Не прерывая ошеломительный поцелуй, Соломон перевернул Хаос на спину.

— Ты свела меня с ума, — прошептал он в ответ, прежде чем отстраниться и погладить ее опухшие губы пальцами. — Эти губы, — сказал он, — принадлежат мне.

Покачивая головой, Соломон позволил словам, которые рвались из него, слететь с губ:

— Я не стану делиться ими или какой-нибудь другой частью тебя. Никогда. Я тот еще собственник.

Он лизал и посасывал губы Хаос, заставляя ее терять голову.

— Ты знаешь, что это означает? Ты понимаешь меня?

Хаос не до конца понимала, что он имел в виду, поэтому не могла дать ответ.

Внезапно мужчина остановился, всматриваясь в нее в течение нескольких долгих минут, а затем его взгляд ожесточился и стал серьезным.

— Это значит, что ты принадлежишь мне. Никому другому. Ни твоему брату, ни твоему отцу, ни твоей матери, ни твоему дяде. И даже не Мастеру. Мне. Только мне. Всегда и навечно.

Она сглотнула, не зная, позволено ли ей согласиться на это, но кивнула с придыханием, и по ее груди распространился жар от чувств, что были вызваны его страстным признанием. Губы Соломона вновь накрыли ее рот с голодом, который наполнил все ее тело.

Только его... ничья больше.

Что с ними будет на завершающем этапе Осквернения? Мастер потребует, чтобы она продолжила делать то, что только что сделала, и даже больше — со всеми мужчинами Ордена. Молодыми и старыми.

Сопоставив факты, Соломон склонялся к ужасающим выводам. Особенно учитывая внезапное ощущение страха, с еще большей силой охватившее его. В этот момент волк протяжно заскулил, и Соломон вскочил с постели, хватая нижнее белье и быстро натягивая на себя.

— Что не так, мальчик? Ты что-то услышал? Одевайся, красавица, — тихо обратился к девушке он, поспешив к своему вещевому мешку за джинсами.

— Что случилось? — спросила Хаос.

— Что случилось? — повторил он, ринувшись к окну.

Буря стихла, и яркие солнечные лучи освещали землю сквозь кроны деревьев.

— Думаю, ему нужно в туалет, — сказала она. — Почему твоя одежда в мешках?

Соломон отпер дверь и открыл ее, выпуская волка.

— Оставайся поблизости, мальчик.

Он быстро захлопнул дверь за ним и тут же запер ее на замок, повернувшись к Хаос. Глаза девушки впились в его обнаженный торс, и возникшее желание опалило ее щеки румянцем. Но сейчас Соломон в первую очередь нуждался хоть в какой-нибудь информации, а не в чем-то ином, насколько бы соблазнительным оно ни было.

Он сел на кровать и тяжело вздохнул, положив локти на колени и обхватив обеими руками голову.

Ее ногти мягко заскользили по спине мужчины, и мурашки рассыпались по его коже, повторяя рисунок, который вычерчивали ее пальцы.

— Что случилось?

Боже, она все знала. Соломон понял это по ее голосу, как и то, что она надеялась, он не поднимет эту тему.

— Мой дядя пропал, — прошептал он.

— Что?

Соломон повернулся к Хаос.

— Ты помнишь, что произошло с тобой?

Она подтянула колени к груди и обняла их, опустив взгляд.

— Ты помнишь, как оказалась здесь?

Хаос, не глядя на него, лишь покачала головой.

— Тебя бросили на пороге дома. Ты помнишь, кто это был?

Она вновь в отрицании затрясла головой, слегка раскачиваясь всем телом из стороны в сторону, все еще не глядя на него.

Соломон мягко коснулся ее виска, дотронувшись до места, где все еще оставался красноречивый ожог, и девушка вздрогнула.

— Помнишь, кто сделал это?

Хаос обняла себя крепче, при этом раскачиваясь все сильнее.

— Хаос, — прошептал Соломон, приглаживая ее непослушные волосы. — Теперь ты — моя жена. А я — твой муж. Я должен защищать тебя, обеспечивать твою безопасность. Но если я не буду знать, от кого тебя оберегать... я не смогу сделать этого.

— Не от чего меня защищать, — прошептала она.

— Никому, — проговорил он с тихой яростью, — не позволено тебя обижать. Ты понимаешь это?

Наконец, девушка взглянула не него и одарила легкой улыбкой.

— Никто не может причинить мне боль, — подтвердила она.

Но насколько Соломон мог судить по тону ее голоса и выражению лица, она вкладывала в эти слова какой-то собственный, непонятный ему смысл.

— Зачем они использовали электричество? Это сделал Мастер?

— Чтобы очистить меня.

Его охватила ярость.

— От чего он собирался тебя очистить?

Соломону едва удалось сохранить тон мягким, не повышая голос.

— Я... думаю, потому что я потерпела неудачу.

Он молча ждал, желая, чтобы Хаос все ему рассказала. Но она не сделала этого, вынуждая его вытягивать из нее каждую грязную деталь на поверхность.

— В чем ты потерпела неудачу?

Сейчас она просто рассматривала его руку, перебирая волоски на коже.

— Ты оказался совсем другим. Я так ему и сказала. Ты не будешь просто заниматься сексом с женщиной, ты должен полюбить и...

Внутренности Соломона скрутило в тугий узел с такой силой, что он не смог дышать. И он не полюбил ее. Вот за что ее наказали. Она не смогла заставить его полюбить ее, но почему?

— Но ты любишь меня, теперь я это знаю, — радостно сказала Хаос.

Соломон смотрел перед собой, схватившись за голову. Ему нужно было бежать вместе с ней как можно скорее, но у него нет транспорта на ходу.

— Мой дядя был на пути сюда, у него есть два помещения, где можно укрыться. Он позвонил мне и сказал, что направляется в автопрокат, чтобы арендовать машину. Через час я набрал его снова, но он не ответил мне. Это было несколько часов назад.

Спустя несколько секунд Хаос предположила:

— Возможно... он потерял телефон.

— Он не терял телефон, Хаос. У него не кончилась зарядка. Он не мог заблудиться. Кто-то знал, что он направляется сюда, и помешал ему, — признался в своих догадках Соломон, тут же оборачиваясь к ней лицом. — Ты знаешь, зачем он торопился ко мне, красавица? Потому что я позвонил ему и сказал, что в беде. Я рассказал ему все о тебе, пояснив, что собираюсь сбежать с тобой, вот почему мои сумки собраны, но когда я сел в свой грузовик, то обнаружил, что кто-то перерезал линию подачи топлива и продырявил бензобак, Хаос. И этот кто-то бросил тебя голой на крыльце моего дома, после того как вышиб из тебя всю, мать ее, жизнь гребаным электрошоком! — сорвался на крик Соломон, резко поднявшись и расхаживая по комнате.

Хаос заткнула руками уши, а затем опустила их вниз, все сильнее раскачиваясь.

— Почему, Хаос? — прошептал Соломон, опустившись на колени перед ней у края кровати. — Я пытаюсь понять, что здесь происходит. Ты знаешь чернокожего мужчину, Джимми Рэя? Я был у него, когда ты ушла от меня в прошлый раз, я искал тебя повсюду.

Девушка подняла на него свои глаза, наконец, посмотрев на него.

— Да, именно так я и сделал — я пошел искать тебя, — он буквально задохнулся, увидев удивление на ее лице. — Я был чертовски разбит, когда ты ушла, и он рассказал мне,

что этот город имеет свою историю, растянувшуюся на целые десятилетия, и все ответы таятся в психушке и в ярдах надгробий близ нее, и он поделился со мной еще разным другим дерьмом, которое я так и не смог понять.

Соломон схватил ее за руки и удерживал их, пока склонялся к Хаос, чтобы оставить легкий поцелуй на ее губах.

— Красавица, посмотри на меня.

Она подняла глаза к его лицу, но тень, затаившаяся в ее взгляде, показывала, что она боится.

— Эй, послушай, — мягко произнес Соломон, усевшись рядом с ней на кровати. — Я знаю одно место в Оклахоме и уверен, что оно тебе понравится. Там требуется небольшой ремонт, и я подумал, что вместе мы можем жить там и превратить это место в наш дом.

Хаос отрицательно покачала головой.

— Почему нет? Тебе бы там понравилось.

— Я не могу уйти, — Хаос сильнее затрясла головой. — И ты тоже не можешь, — выдохнула она. — Мы должны остаться и закончить то, что начали.

— Что мы начали, Хаос? Я не хочу этого.

— Нет, хочешь, — задержав дыхание, произнесла она, ее взгляд стал серьезным, насколько это было возможно. — Ты был избран для этого. Мастеру явился сон.

Он чуть не взорвался от ярости и резко вскочил, вышагивая вдоль кровати.

— Как насчет моего сна, Хаос, и что насчет меня? Я слышал, как ты звала меня.

— И ты ответил, — сказала девушка, словно подтверждая свою точку зрения.

Внезапно Соломон замер, остановившись.

— Поэтому... ты считаешь меня избранным?

Она закивала.

— Что же еще это могло означать?

— Это могло означать, что я должен был спасти тебя.

— Или спасти город, — сказала Хаос, страстно прожигая его глазами. — Тогда по какой еще причине ты мог оказаться здесь? Подумай об этом.

— Я оказался здесь, чтобы помочь пожилой женщине.

— Неужели? Кто пригласил тебя?

— Церковь, — ответил Соломон.

— Я живу в церкви.

Соломон был ошеломлен еще одной ужасающей правдой, открывшейся ему, тем не менее старался не сказать или сделать того, что заставит Хаос замкнуться.

— Ты живешь в Церкви Святого Шепарда?

— Да, на церковной ферме.

Он рассмеялся в замешательстве.

— Нет никакой фермы при церкви.

Хаос выглядела слегка обиженной.

— Нет, есть. Прямо здесь, в городе, она находится за психиатрической лечебницей.

Соломон внимательно всматривался в ее лицо, пытаясь уличить ее во лжи или чем-то подобном.

— Неужели? — пространно спросил он, хотя вопрос был риторическим. — Интересно, почему же мне никто не говорил про церковь, у которой есть своя ферма.

Затем он вспомнил слова мисс Мэри, она рассказывала ему о сумасшедшем

проповеднике, который выкупил эту психушку. Срань Господня.

Хаос лишь пожала плечами.

— Тебя давно здесь не было.

Соломон попытался вспомнить все, что он рассказывал о себе. Наверное, он был не в состоянии сопоставить все факты, когда они впервые встретились.

— Как долго существует эта ферма при церкви?

— С... — она отвела взгляд на мгновение и начала подсчитывать, бормоча проклятья вперемешку с цифрами.

— Около двадцати лет. Мастер открыл приход, когда мне было около пяти лет.

— Мастер, — произнес он в замешательстве.

— Мастер Дикон Джонс.

Соломон, пораженный этой новостью, схватился за голову и вскочил с кровати.

— Я знал это, я, блять, знал.

— Что ты знал? — спросила Хаос.

— Я знал, что это была компания Джима Джонса, черт побери, — пробормотал он. Не весь город? Как, мать его, и почему, блять, он мог сомневаться в этом?

— Нам нужно уходить, — вновь сказал Соломон девушке.

— Я не могу уйти, — выдохнула она.

— Ты — моя жена, — заорал он, указывая на нее. — Ты должна слушаться меня и делать то, что я говорю, понимаешь?

Хаос опять закрыла уши руками и затрясла головой, что-то бессвязно шепча о том, что это просто испытание ее веры.

— Я даже не могу обратиться к копам, я слышал, что они в этом замешаны. Это так, Хаос? И как тебя по-настоящему зовут, я хочу знать твое чертово имя, а не эту бредятину, что придумал Мастер. Кто ты? И о чем гласит история города, Хаос? Какую жуткую тайну хранит этот город?

— Я говорила тебе, — закричала она на мужчину. — Хула на Святого Духа! Я не хочу бороться с тобой, — вдруг выпалила она, губы Хаос скривились от сдавленного рыдания.

Соломон рванул к ней и притянул в свои объятия.

— Черт, прости, прости меня.

Он мягко погладил девушку по голове, прижимая к своей груди.

— Я напуган, вот и все.

— Почему? — воскликнула Хаос. — Это должно было стать очень особенным событием в твоей жизни.

Гребаное дерьмо, это заблуждение стоило лишь капли паники, что он ощущал.

— Ладно, хорошо, — мягко произнес он, решив сметить стратегию. — Прости, прости меня. Посмотри на меня.

Она подняла взгляд на него, и Соломон нежно приласкал ее лицо ладонями.

— Разве я не здесь? — Хаос кивнула, и он сделал то же самое в ответ. — Кто привел меня сюда?

— Господь, — прошептала она, но прозвучало это неуверенно.

— Правильно, это Божье деяние. Как долго ты готовилась к этому, красавица?

— Всю мою жизнь.

Он понимающе кивнул.

— А моя подготовка только началась. Поэтому мне нужно, чтобы ты помогла мне. Ты

можешь сделать это для меня?

Она поспешно кивнула, и Соломон мягко поцеловал ее.

— Конечно, ты сможешь, потому что ты мой ангел. И первое, с чего тебе нужно начать, это помочь мне понять, что, как уготовано мне, я должен сделать, чтобы спасти город? Скажи мне, чтобы я мог убедиться в том, что не облажаюсь.

— Хорошо, — выдохнула Хаос счастливым тоном.

— В чем заключается твоя работа со мной, красавица? Как насчет того, чтобы начать, и я мог убедиться, что ты все делаешь правильно? — Соломон крепче поцеловал ее, лаская теплыми пальцами лицо девушки. — Боже, я люблю тебя, — прошептал он, вкладывая в это признание всего себя. — Конечно, я помогу достигнуть любой цели, какой только пожелает твое прекрасное сердце. Я — твой муж, и это то, что делают мужья для своих жен, они делают все, что необходимо для того, чтобы убедиться, что их возлюбленные счастливы и в безопасности. И мне поможет то, что ты мне ответишь тем же, правда?

Она воодушевленно закивала.

— Как и весь город.

Соломон изумленно выдохнул.

— Ты же ангел, ты знаешь это? Так ты была послана, чтобы найти меня?

Хаос кивнула.

— И у тебя получилось — я здесь. Я готов. Что теперь мы должны сделать?

— Мы вернемся на ферму.

Соломон кивнул.

— Хорошо. А потом?

— Там начнется подготовка.

— Ну, конечно же, — сказал он, — очень важно быть подготовленным для такого события. Что я должен буду делать, в чем заключается моя роль?

Хаос послала ему легкую улыбку, и Соломон затаил дыхание.

— Ты будешь принесен в жертву.

Хаос выдохнула, наконец, открывая ему правду, ощущая благоговейную радость от этого.

— Вау, — выдал Соломон в притворном восторге. — Это очень тяжелое предназначение.

— Но очень важное, — прошептала девушка. — Ты должен спасти столько людей.

— Должен? Я?

Хаос кивнула.

— Как, как мне спасти их?

— Также... как моя мать спасла меня, и... Иисус спас наш мир.

Это известие выбило воздух из легких Соломона всего лишь одним выдохом.

— Вау, — прошептал он. — Я должен это сделать? Как Христос?

Она кивнула, и Соломон словно увидел истинный свет, который пролился на эту мрачную тайну.

— И угадай что?

Он уставился на девушку, не в силах заставить себя говорить.

— Я сделаю это с тобой.

О, блять, нет. Нет, нет.

— Ты сделаешь это?

Сильнее кивая и сияя улыбкой, пока Соломон боролся с собой, пытаясь избавиться от сковавшего его страха, чтобы спросить ее, как это должно произойти и почему.

— Потому что я потерпела неудачу, — ответила Хаос с легкой грустью в голосе. — Но я чувствую, что на самом деле это был Божий промысел.

— Как? — не мог он не спросить.

Девушка одарила его таинственной улыбкой, словно ему не положено было знать, но, безусловно, очень хотелось.

— Мы — одно целое, — прошептала Хаос, а ее лицо просияло. — Как ты и говорил. Ведь Господь соединил нас воедино, и никто не сможет нас разлучить? — она кивнула, ожидая, что он поймет. — Это Его способ держать нас вместе.

Соломон боролся с подступающей к нему паникой, осознавая необходимость продолжать свою безупречную игру. Он был уверен только в одном. Он был здесь для того, чтобы помочь Хаос. Только не так, как ей того хотелось. Миссия, уготованная ему этой безумной сектой, была далека от того, чем он был озабочен сейчас — поскорее оседлать эту взбесившуюся лошадь, чем бы она не оказалось, и убраться из этого, гребаного города.

Соломон крепко обнял ее, главным образом чтобы скрыть от нее свое лицо, искаженное болью. Хаос радостно рассмеялась, искренне думая, что он был в хорошем настроении. Соломон нежно гладил ее хрупкую спину, пытаясь придумать, как им сбежать от всего этого. Внезапно ему пришла идея вырубить ее ударом по голове и увезти, пока она будет без сознания, потому что он был более чем уверен, что Хаос не согласится бежать добровольно. Она сделает то, что он скажет, только в том случае, если он подыграет ей.

— Как думаешь, мы сможем посетить друзей, перед тем как вернуться?

— Мисс Мэри? — спросила она.

— Да, она одна из них, — мягко ответил Соломон.

— Ее не коснется Божественное спасение, — сказала ему Хаос, будто он намеривался навестить старушку только по этой причине. — Некоторые не смогут пережить грядущего, — слова девушки прозвучали грустно.

Прежде чем продолжить свою игру, Соломон понял, что ему нужно получить гораздо больше ответов.

— О, нет, — произнес он, повторяя ее грустную интонацию. — Что же ей делать? Хотя, она упрямая женщина, и такой исход меня не удивляет.

— Мастер не верит в принуждение кого-либо к спасению, потому что так это не работает, — ответила Хаос.

Соломон крепко сжал челюсти и попытался выудить еще больше информации, задав важный вопрос:

— Кто еще не будет спасен?

Она перечислила несколько человек, и Соломон напряженно ждал, прозвучит ли имя Джимми.

Когда его имя не прозвучало, он спросил ее с улыбкой:

— Как насчет старого Джимми Рэя, этого спятившего старика?

Она отрицательно покачала головой.

— Он не думает, что нуждается в спасении, он уверен, что все мы сумасшедшие, — Хаос издала негромкий смешок. — И это говорит человек, который беседует с деревьями.

Соломон рассмеялся в знак согласия.

— Я встречался с ним однажды, и ты абсолютно права, он выглядит немного чокнутым, — пробормотал он. — Что-то там говорил о земле, пьющую мою кровь.

Хаос послала ему проницательный взгляд.

— Держись от него подальше, он нехороший человек.

— Ага, — кивнул Соломон. — Я был рад покинуть его лес.

— До сих пор не могу поверить, что ты был у него. Как ты узнал о нем?

— Мисс Мэри, — пояснил он, кивая с серьезным выражением, подталкивая Хаос согласиться с ним.

— Они из одного теста, вот в чем причина, — объяснила Хаос. — Тебе не следует больше появляться у них.

Он почувствовал подступающую панику от ее слов.

— Ну, мисс Мэри стара, и я должен предупредить ее, что ухаживать за ней теперь будет

кто-то другой. И что мне делать с ее питомцами? — спросил он самым небрежным образом, чтобы включить и их в уравнение. — Освободить всех, вот что я думаю. Чтобы они не голодали.

Хаос прикусила губу и уставилась в пустоту, размышляя над его словами.

— Возможно, ты прав, — начала она. — Думаю, эта встреча не сильно навредит. Но Джимми, — поспешно с предупреждением произнесла Хаос.

— Джимми — нет, он последний человек, которого я хотел бы увидеть снова.

Соломон пытался быстро сообразить, кого можно было назвать еще, пока Чамп не завыл за дверь и несколько раз гавкнул.

— Это, должно быть, Мастер, — прошептала она, казалось, пребывая в ужасе.

Паника подтолкнула Соломона подойти к окну.

— Он должен прийти?

— Да, чтобы забрать нас.

Блять, только не это. Соломон выглянул за занавеску.

— Что ты видишь? — спросила девушка, копаясь в своей сумке с одеждой.

— Машину, — шепотом ответил он.

— Какую? — уточнила она, запутавшись в одежде и спотыкаясь на ходу.

Соломон затаил дыхание, когда дверь машины, наконец, открылась. Твою мать, это был дядя Джо!

— Похоже на «Бьюик», — мысли Соломона мчались со скоростью света, нужно было использовать этот шанс. — Парень выглядит так... словно он из ФБР.

Хаос глубоко вдохнула.

— Мы не можем позволить ему узнать обо всем.

— Знаю, знаю, — поспешил он успокоить ее. — Просто... иди спрячься в ванной и позволь говорить мне. Я скажу ему, что мы молодожены и проводим здесь наш медовый месяц, что думаешь? Это кажется даже слишком правдоподобным.

Хаос обеспокоенно смотрела на Соломона, затем кивнула ему. Соломон в спешке подтолкнул ее к ванной.

— Я избавлюсь от него, не волнуйся.

Он наклонился и одарил ее мягкие губы поцелуем, крепко придерживая подбородок девушки.

— Помолись, красавица. Бог защитит нас, ни о чем не беспокойся. Он все видит насквозь.

Соломон закрыл Хаос и поспешил к входной двери. Через секунду он вышел наружу и, осмотрев периметр, жестами показал дяде, что все спокойно. Встречая его у машины, Соломон протянул руку для приветствия.

— Соломон Гордж, чем могу помочь, сэр? — громко поприветствовал Соломон, а затем едва слышно зашептал: — Подыграй мне, ты из ФБР.

Его дядя придвинулся ближе и огляделся по сторонам.

— Стэн Корнвэл, — дядя быстро подхватил игру, прогремел его низкий голос, когда он пожимал руку Соломону. — ФБР. Я получил очень подозрительный телефонный звонок, мне дали этот адрес. Я был поблизости и решил проверить.

— ФБР? — громко повторил Соломон, прежде чем прошептать: — Она в доме. Они хотят заполучить меня в качестве гребаной человеческой жертвы, — начал объяснять он. — Я хочу бежать вместе с ней, но ей чертовски сильно промыли мозги, и она не сдастся.

— Боже Милостивый, — пробормотал его дядя. — Что ты собираешься делать?

— Перейдем к допросу? — громче сказал Соломон. — Вы можете спрашивать меня о чем угодно прямо здесь. — Затем он прошептал: — Настаивай на том, что тебе нужно оценить обстановку и осмотреться, что-то в этом роде.

— Боюсь, мне придется вас задержать. У меня есть ордер, — дядя открыл дверь машины и вытащил какие-то бумаги, мелькнув ими перед глазами Соломона, прежде чем сложить и бросить их обратно на сидение.

В этот момент входная дверь открылась и вышла Хаос.

— Вам придется уйти, мистер, — громко заявила она, ткнув дулом дробовика в сторону дяди. — Нам не нужны проблемы, мы не совершили ничего противозаконного.

— Срань Господня, — выдохнул дядя Джо, скрывшись за автомобилем.

Глаза Соломона широко распахнулись, когда он поднял свои ладони к Хаос.

— Он просто хотел задать пару вопросов, вот и все.

Соломон покачал головой и пристально посмотрел на Хаос, предупреждая ее, чтобы она ничего не делала, но девушка уставилась на него в ответ, выражая свое несогласие, и вздернула подбородок.

— Ему следует забраться в машину и убраться подальше отсюда, прежде чем он получит еще больше проблем на свою задницу. Он не имеет права находиться на этой земле.

— Это мистер Кронвэл из ФБР...

— Мне плевать, откуда он, это вторжение на частную территорию.

— У него есть ордер, — продолжал уговаривать ее Соломон.

— Не верь ему, — пробормотала Хаос, держа в руках оружие так, словно прекрасно знала, как это делается.

Дядя Джо дернул Соломона за штанину и изобразил пальцами пистолет, затем произнес одними губами.

— Я воспользуюсь твоим ружьем, Соломон, — предупредила Хаос. — Если у него есть вопросы, то ему следует уладить это с местными властями, тебе так не кажется?

— Я думаю, нам не следует ни в кого стрелять, красавица. Я думаю, это никак не поможет нашему делу, если ты понимаешь, о чем я? Это приведет сюда множество репортерских камер из крупных городов, жаждущих задать как можно больше назойливых вопросов.

Взгляд, которым Хаос одарила Соломона, дал ему понять, что она не подумала об этом.

И он поспешил подкинуть ей еще одну мысль для размышления, чтобы она смогла взглянуть на эту ситуацию иначе:

— Но я уверен, этот человек с пониманием отнесется к правам на частную собственность и простит тебя за то, что ты держала его на прицеле дробовика.

Хаос еще немного помедлила, а затем опустила оружие.

— Я все понимаю, — отозвался его дядя, махнув рукой. — Никаких проблем между нами. У Вас прекрасная женщина.

— Она просто замечательная и умеет постоять за себя, — Соломон согласился, энергично кивнув. — Подойди сюда и окажи этому человеку гостеприимство Западной Вирджинии.

Соломон протянул руку девушке, и она, поколебавшись, наконец, подошла, прижимая ружье к груди одной рукой и придерживая штаны другой. В этот момент он понял, что Хаос была в его одежде.

Когда она дошла до него и попала в его объятия, Соломон наклонился и поцеловал ее, забирая ружье.

— Это моя жена, Хаос, — сказал он дяде Джо, его брови многозначительно взметнулись вверх.

— Рад познакомиться, мадам, — оживленно ответил дядя Джо, кивнув с натянутой улыбкой, его глаза загорелись так, словно он узнал потрясающие новости. — Извините за вторжение.

Хаос продолжала смотреть на него с откровенным подозрением, но это уже было огромным шагом для нее с того момента, как она наставила на него ружье.

— В этом районе зафиксированы случаи угона крупного рогатого скота, — начал его дядя бодро и по-деловому.

— Похоже, это работа для местных властей, — снова предположила Хаос, только на этот раз более любезным тоном.

— Было бы неплохо, — сказал Джо с уверенностью заядлого поклонника телесериала «Место преступления» — Если бы не намеки на ритуальное надругательство, которые присутствовали на месте преступления. Нелицеприятные детали, я вам скажу, — он махнул рукой, прежде чем зацепиться большими пальцами за шлейки своих старомодных джинсов. — Я просто ищу зацепки, вот и все.

Он склонил голову в сторону Хаос, скользнув рукой по машине.

— Вы слышали что-нибудь об этом?

Полегче, детектив Джо.

Хаос покачала головой, выглядя встревоженной.

— Какого рода ритуальные надругательства?

— Помимо жестокости по отношению к животным, которые им не принадлежат, и их последующего умерщвления, преступники отрезают копыта и рога у быков. Они также забирают вымя у коров. Вы слышали о подобных ритуалах?

Соломон почувствовал облегчение, видя, как она расстроилась, услышав эту безумную историю, а затем покачала головой.

— Без понятия, — вздохнула она, повернувшись и посмотрев по сторонам.

— Эй, — Соломон обратился к дяде Джо. — У меня есть кое-какие проблемы с моим внедорожником, а мне необходимо добраться до города. Как думаете, вы сможете подбросить нас? — он обнял Хаос руками. — У нас есть родственники, которых нужно навестить, а я сейчас на мели.

— Почему бы и нет, — ответил дядя Джо. — Я чуть не заблудился, пока добирался сюда. Вы как раз можете показать мне кратчайший путь до города, когда я закончу здесь.

Соломон взглянул на Хаос, крепче прижимая ее к себе.

— Мы доберемся до города и возьмем машину в аренду, хорошо? — прошептал он.

— Затем навестим мисс Мэри и отправимся на ферму. Звучит неплохо, правда?

Внезапно она стала суетиться, и Соломон резко протянул руку мужчине.

— Большое спасибо за помощь. Нам бы пришлось прогуляться пешком, а это долгий путь.

— Я могла бы позвать кое-кого, — прошептала Хаос. — Чтобы нас подвезли.

Соломон уставился на нее.

— А как же мисс Мэри? Я предпочитаю придерживаться нашего плана, — сказал он, изображая беспокойство.

Хаос вновь огляделась по сторонам, а затем перевела взгляд на машину дяди, прежде чем едва кивнуть.

— Хорошо, — согласилась она.

— Мы только возьмем наши вещи, — сказал Соломон, быстро разворачиваясь вместе с Хаос и направляясь к хижине.

— Не торопитесь, — окликнул их дядя Джо. — У вас здесь очень красиво.

После того как они оказались внутри дома, Соломон закрыл дверь и обратил тяжелый взгляд к девушке.

— Ты наставила на него дробовик? — воскликнул он, стараясь не повышать голос. — Ты пытаешься привести сюда всё ФБР? Ты хоть понимаешь, что в таком случае может произойти с нашей миссией?

Его жесткий напор охладил Хаос, на что он и надеялся, она казалась очень взволнованной его словами.

— Он мне не понравился, и я забеспокоилась.

— Ты даже не знаешь его, — сказал он раздраженно, притягивая ее к себе, в надежде развеять ее обеспокоенность страстным поцелуем. — Но я думаю, что ты очень сексуально выглядишь с оружием в руках, — прошептал Соломон прямо в ее губы. — Как думаешь, мы сможем остановиться где-нибудь по пути на ферму и... возможно... — Соломон ладонями сжал ее попку, заставив девушка ахнуть ему в рот, — повторить все еще раз. Пожалуйста. Ты же сделаешь это для меня?

Хаос кивнула и застонала в его рот.

— Да.

— И, хотя я думаю, что ты чертовски горячо выглядишь в моих джинсах и рубашке, тебе лучше переодеться в свою одежду. Я упаковал и твои вещи, проверь зеленую сумку. Пойду немного поболтаю с ним, пока ты собираешься, чтобы развеять его подозрения. — Соломон вновь жадно впился в ее нежные губы, ему не было нужды притворяться с Хаос.

Соломон поспешил к дяде Джо, он старался говорить достаточно негромко, одновременно тихо посвящая его в важные детали происходящего.

— Здесь недалеко живет человек по имени Джимми Рэй Смит. Прежде чем мы выедем из города, мне нужно его увидеть.

— Ты хочешь взять ее с собой?

— Она не может остаться, — уверял Соломон.

— Так ты...

— Люблю ее, да, — Соломон открыто поделился своими чувствами с дядей Джо, который выглядел очень довольным этой новостью. Но он был уверен, что выражение лица дяди изменится, когда он узнает всю историю. — Ничего не могу посоветовать о рыбалке, — громко сказал Соломон. — Мне пока не приходилось выбирать на нее. — Он прислонился спиной к кузову машины и махнул рукой, указывая на лес, словно показывая местность, затем прошептал: — Нужно, чтобы ты спросил, знаем ли мы, к кому ты можешь обратиться с вопросом о ритуальном убийстве домашнего скота. Кстати, отличная идея.

— И моя жена еще считает, что работа криминалистов «Места преступления» — пустая трата времени, — пробормотал он.

Соломон кивнул.

— Я скажу о Джимми Рэй Смите, и ты попросишь нас показать тебе дорогу к нему.

— И мы сможем убраться, к черту, отсюда?

— Да. Так мы сможем убраться, к черту, отсюда.

— Она пойдет на это?

— Черт возьми, нет, она не станет, — с отчаяньем пробормотал Соломон, стараясь не выпускать из поля зрения хижину, если вдруг появится Хаос. — Поэтому мы должны выяснить, как уговорить ее, если нам это потребуется.

— Ты планируешь похитить ее?

— Нет, я планирую спасти ее. Предполагается, что ее должны принести в жертву.

— Срань Господня, — пробормотал дядя Джо. — Это какое-то сборище сумасшедших, клянусь, если ты хочешь знать мое мнение, то этот город всегда был немного тронутым на голову. — Дядя прищурился, сосредоточив взгляд на Соломоне. — Вот почему я никогда не возвращался сюда. Твой отец, возможно, и тот еще сукин сын, но ему хотя бы хватило ума не возвращаться сюда.

— И теперь я чувствую себя очень разумным человеком, спасибо, — сказал Соломон, оглядываясь назад.

— А она сказала, почему они делают все это, сынок?

— Я не знаю всех деталей, но суть в том, что, когда город погибал от эпидемии малярии, мужчине, которого она называет Мастером, якобы во сне явился Бог с посланием. И сказал ему, что они будут наказаны за совершенные женщинами аборты, в которых те открыто исповедовались. И, видимо, эти, так называемые, греховные деяния были равносильны богохульству по отношению к Святому Духу, что не покрыла кровь Христа, поэтому им нужна еще одна жертва, чтобы снять проклятие с города.

Лицо дяди скривилось в отвращении.

— Какое еще проклятие?

Соломон все еще ощущал неверие от всей этой истории, но постарался объяснить этот фанатичный бред дяде Джо.

— Что-то о том, что болезнь может вернуться в город и унести еще много человеческих жизней. Я точно не уверен в этом, но знаю лишь, что не рожденные младенцы были вынуждены расплачиваться за грехи города, и люди будут жить в проклятии собственных греховных деяний до тех пор, пока не появится жертва. Это все, что я узнал на данный момент. И я не уверен, каким образом все это происходит, я пока не успел зайти так далеко. Она вернулась, — прошептал Соломон, повернувшись и торопясь к Хаос. — Ты готова?

Она кивнула, разглядывая дядю Джо все с тем же недоверием, а, может, и с еще большим.

— Я заберу сумки.

— Я возьму с собой своего опоссума.

Соломон ждал, пока дядя сможет задать свой вопрос, удерживая в этот момент Хаос в объятиях, крепко прижимая девушку к себе и слегка покусывая ее ушко.

— Скажите, — дядя Джо сразу же перешел к делу, — возможно, у вас есть идеи, с кем бы я мог переговорить об этом преступлении? А то на данный момент получается, что мне придется вернуться домой с пустыми руками.

Соломон пристально посмотрел на нее, и Хаос отрицательно покачала головой. Он нагнулся к ее уху:

— Как насчет Джимми? Хотя Джимми Рэй слишком чокнутый.

Она вновь покачала головой, словно была очень против этого.

— Может быть, если он отправится к Джимми, то не будет копать глубже? — прошептал он. — Ты понимаешь, что я имею в виду?

Хаос выглядела так, словно задумалась над его словами, и Соломон использовал этот шанс для следующего маневра.

— Есть один парень, — начал Соломон, — он довольно неадекватный и, на самом деле, очень подходит под ваше описание.

— Это так? Ну, хвала небесам, я теперь могу рассчитывать на свою зарплату в конце месяца, — пробурчал дядя Джо, бросив взгляд в зеркало заднего вида. — Где найти этого парня?

— Вы знаете, где расположена лечебница в этом городе?

- Местная психушка?

— Да, она, — подтвердил Соломон. — За ней есть дорога, которая приведет вас к еще одной, ведущей к лесу, прямо за кладбище.

— О, нет, — замотал он головой. — Я буду с вами честен, — сказал дядя Джо. — На самом деле я сильно заплутал, когда оказался в вашем городе. Как думаете, вы сможете проводить меня до этого места? Не говоря уже о том, что наличие свидетелей сделает этот план действий целесообразнее.

Хаос резко замотала головой, категорически не соглашаясь с этим, и Соломон снова зашептал ей на ухо:

— Ну, давай же, покажем ему, где это находится, так мы сделаем еще одно доброе дело. Кроме того, Господь благоволит тем, кто проявляет доброту и вежливость. Я считаю, что сейчас очень важно совершать богоугодные деяния, как думаешь?

Девушка прикусила губу и выглянула в окно.

— Да, конечно, мы вам поможем, — ответил Соломон, снова не давая ей шанса сказать «нет». Его ладонь завладела лицом Хаос, приподнимая к себе, и он нежно поцеловал ее в губы. — Кто мой ангел? — прошептал он прямо в ее губы.

Хаос схватила его за руку и крепко стиснула ладонями, что заставило Соломона задуматься, что именно происходит у нее в голове, и какие кошмары ее преследуют. Оставалось так много вопросов, на которые требовалось найти ответы, и он молился о том, чтобы Джимми смог пролить свет на все то дерьмо, в котором они увязли.

Когда они добрались до психушки, Соломон указал на нужную им дорогу и шепнул Хаос:

— Как попасть на ферму?

Девушка указала направо, в сторону здания, которое производило жуткое впечатление, словно какой-то монстр, притаившейся в тени. Соломон глазами пытался найти дорогу, которая могла бы привести к этому месту.

— Я ничего не вижу.

— Ты не увидишь ее отсюда, — сказала она. — Нужно двигаться по другой дороге, чтобы выйти на нее.

— Ага, понял. Поверните здесь, — обратился Соломон к своему дяде.

Дядя Джо ехал по дороге до тех пор, пока не достиг ворот с табличкой "Вход воспрещен".

— Я могу подождать у ворот, — нервно сказала Хаос.

— Что? Нет, я не оставлю тебя одну.

Как только Соломон произнес это, он крепкой рукой развернул ее лицо к себе и удостоверился, что его слова дошли нее, подтвердив их поцелуем. Он не был уверен, насколько сильное влияние имел на нее как супруг, но он точно знал, что будет продолжать настаивать на своем и играть в эту игру как можно дольше.

— Оставайтесь здесь, — сказал он, открывая дверь и направляясь к воротам.

Оглядываясь по сторонам, Соломон искал признаки того, что за ним наблюдают или преследуют, он отодвинул заржавевшую металлическую задвижку, услышав характерный скрип, и откинул ветви лиан, свисающие с ворот. Дядя Джо проехал на огороженную территорию, и Соломон зашел за ворота, закрывая их на засов. Затем он смог рассмотреть здание психушки, стоящее перед ним. В лучах заходящего солнца его черная тень быстро росла, напоминая ему монстра, который словно просыпался, поднимаясь, сгорая от желания утвердить свою власть над городом.

Идеальное время, чтобы оказаться в этом жутком месте. Нечто подсказывало ему, что нежелание Хаос входить в лес связано с ложью, которой пичкал ее мозги Мастер. Соломону нужно получить больше ответов. Намного больше.

Хаос действительно не хотела идти в лес. Только не в этот. Мастер запретил им когда-либо приближаться к этим местам из-за безумных душ, что бродили там в поисках правосудия.

Но также ей очень не хотелось расстраивать Соломона. Он был таким прекрасным мужем, пусть даже и невежественным во многих вещах. Хаос хотела быть достойной женой, по крайней мере, пока может делать это, пока у них еще есть время. Он не знал об опасности, поджидающей там, да и откуда он мог знать об этом?

Но Соломон был силен духом, как и она. Они должны быть спасены.

Пока они были в пути, Хаос сдерживала радостную улыбку. Несмотря на ситуацию, которая больше походила на ад, она была очень счастлива. Хаос даже мечтать не могла о таком муже, как Соломон. Настоящем муже. Это чудо сотворил Господь, и еще одним чудом было то, что он знал и понимал, что это истинный Божий промысел — их встреча и те особые грехи, которые требовали особых жертв для искупления.

Лишь от одной мысли о том, как он любил ее, у нее перехватывало дыхание. Хаос не могла просить о лучшем подарке, чем быть принесенной в жертву вместе с ним. Это было

по-настоящему прекрасно — то, что их ожидает. Невозможно было вообразить какой-либо иной путь.

Было бы неплохо избежать участи жертвы, но это бы означало, что весь город подвергнется невообразимым страданиям. Она бы никогда, никогда не допустила такого исхода.

— Дорога впереди заканчивается, — прервал ее мысли Соломон.

— А эта дорога? — спросил дядя Джо.

Соломон посмотрел вправо, куда указывал дядя.

— Какого черта? — пробормотал он. — В прошлый раз, когда я был здесь, то не видел ее.

Хаос взяла его за руку, поднесла к губам и поцеловала тыльную сторону ладони. Она любила звук его голоса. Соломон в ответ склонился к ней, опустив свои губа на ее уста, и подарил ей невероятное удовольствие одним из своих умопомрачительных поцелуев. Хотя все его поцелуи оказывали такой эффект на Хаос. Она лишь хотела поскорее закончить это дело, выполняя то, что он хотел от нее. В последний раз. У нее были планы снова свести его с ума. Так жаль, что она оказалась запечатанной и неподготовленной должным образом заранее, чтобы наслаждаться любовью со своим мужчиной. Может быть, она все-таки сможет сделать это, Хаос не была уверена, что будет включать в себя подготовка к финальной церемонии. Искренне надеясь, что это не будет подразумевать ничего радикального.

Она уже молилась, чтобы Господь даровал ей силы для этого испытания. Хаос не была уверена в том, как сможет перенести вид Соломона, страдающего от любого вида боли. Она знала, что это будет самым трудным испытанием в ее жизни, которое придется вытерпеть.

— Похоже на дом, — сказал офицер. Она не верила в то, что он из ФБР. Но зачем ему лгать об этом?

— Будь я проклят, — произнес Соломон, оглядываясь по сторонам.

Хаос с удивлением разглядывала представшую перед ними хижину, уверенная в том, что этот дом не может принадлежать свихнувшемуся человеку. Ей говорили, что он жил среди деревьев. Все это время Хаос понимала это в буквальном смысле, а на деле оказалось, что его дом просто находился в лесу, среди деревьев.

Она заметила, что из маленькой трубы, которая возвышалась над жестяной крышей, клубами выходил дым. И это выглядело словно иллюстрация к страшной сказке. Возможно, этот дом принадлежал не сумасшедшему парню, а кому-то еще, кто просто жил в лесу.

Внезапно дверь хижины распахнулась, и Хаос крепко ухватила за руку Соломона, когда на пороге появился чернокожий человек с седыми вьющимися волосами и уставился прямо на них. Одной рукой он придерживал трубку у рта, затягиваясь до тех пор, пока белый дым не начал клубиться вокруг его лица. Он ступил на крыльцо, рассеивая облако дыма вокруг себя, пристально изучая незваных гостей.

— Все в порядке, — пробормотал Соломон Хаос, открыв дверь со своей стороны и потянув девушку за собой. — Возможно, он и сумасшедший, но он не из тех, кого действительно стоит опасаться.

Она не была так уверена в этом. Но она доверяла ему — своему мужу. Соломон был очень мудрым и хорошим мужчиной. Намного больше, чем Мастер себе представлял. Крепко держа его за руку, девушка последовала за ним из машины и старалась быть максимально близко к нему, пока Соломон и агент ФБР подходили к крыльцу сумасшедшего.

— А я все думал, когда ты объявишься, — произнес чернокожий человек, разглядывая Соломона, и делая очередную затяжку, на выдохе дым вихрем закручивался в воздухе.

Хаос почувствовала напряжение от его слов, гадая, что они могут означать.

— Я хочу познакомить тебя с Хаос, — сказал он. — Она моя жена.

Хаос даже не могла насладиться нежностью этих слов, ощущая тяжесть взгляда зеленых змеиных глаз этого человека, пристально нацеленных на нее. Она опустила взгляд, на случай, если он использовал глаза, чтобы привораживать своих жертв.

— Хаос.

От того как он произнес ее имя, она затаила дыхание. Оно прозвучало так, словно сумасшедший знал ее. Или слышал о ней. Затем она вспомнила и поняла, откуда он мог ее знать. Соломон разыскивал ее и обратился к этому отшельнику, вот почему он знал ее, все объяснялось очень просто.

— Полагаю, ты знаешь мое имя, — продолжил он. — Сумасшедший из леса.

Он захлебнулся громким, раскатистым хохотом, словно не так часто смеялся, поэтому и голос звучал настолько хрипло.

— Мистер Стоунвэл, — представился агент ФБР, протянув руку мистеру «Не все дома» для рукопожатия.

Хаос смутило то, что он спокойно принял его руку, совершив этот мужской обычай приветствия. Но потом она вспомнила, насколько безумец был хитрым.

— Вижу, ты не местный, — заключил мистер "Не все дома".

— Да, сэр. Так и есть, сэр.

— Только чужак мог осмелиться сунуться сюда, — сказал Джимми Рэй.

Хаос потупила взгляд, когда эти зеленые глаза скользнули по ней. Его улыбка, которая представляла собой лишь пару зубов, пугала ее. Но в то же время в этом человеке было что-то притягательное, и Хаос испытывала желание смотреть на него. Возможно, это был ее последний шанс увидеть собственными глазами, что до этого момента в ее голове сформировался лишь выдуманный образ человека. Она воображала его черным, как ночь, с большими и очень острыми зубами. Но даже в лучах заходящего солнца она рассмотрела, что его кожа была лишь немного темнее цвета карамели, и он потерял довольно много зубов.

— Простите меня за мои манеры, — с волнением произнес Мистер Сумасшедший. — Заходите в дом, выпьем по чашке кофе.

Джимми развернулся, направляясь обратно к своему крыльцу, и Хаос поддалась странному желанию следовать за ним. В ней зародилось столько любопытства, вызванного этим человеком, что она чувствовала необходимость удовлетворить его. Например, ей было интересно узнать, как и в каком доме он проживал

Первое, что ее смутило и показалось странным, когда она ступила на крыльцо его хижины, это запах. Очень аппетитный запах чего-то вкусного. Неужели кто-то жил с ним и помогал ему в приготовлении еды? Это должно было быть именно так, потому что, зайдя в одну из комнат его дома, та показалась ей довольно ухоженной и аккуратной. Словно принадлежала совершенно нормальному человеку. Здесь стояли лишь небольшой столик и один стул, а также черная громадная печь, труба которой уходила в отверстие через крышу, и соответствующий ей черный дымящийся горшок на вершине округлой, пузатой печи. К стене была прибита небольшая доска, выполняющая функцию полки. Она была заставлена несколькими блюдами и ведерком, которые, казалось, были выполнены из жести, выкрашенной в милый голубой цвет. Взгляд Хаос опустился к шероховатому пятну в углу, на

полу комнаты, где лежало стеганое покрывало, словно так и должно было быть. Обстановка была бедной, но опрятной. Даже два маленьких окошка с неприятными желтыми шторами, которые были прибиты к ним, производили именно такое впечатление аккуратной простоты.

Почувствовав взгляд хозяина дома на себе, Хаос немного испугалась, поняв, что она уставилась на него в ответ.

— Бедное, бедное дитя, — заворковал он, повернув голову к ней, что заставило ее почувствовать себя довольно странно. — Я знаю, что тебя шокировал вид всего этого, — сказал Джимми, не сводя взгляда широко распахнутых глаз с девушки. Затем он повернулся к Соломону. — Одно можно сказать наверняка: они всегда будут искать во мне признаки безумия. Она, наверное, пыталась сообразить, где же находится тот человек, который содержит этот дом в порядке и готовит для сумасшедшего Джимми.

Хаос затаила дыхание, и он рассмеялся, указывая на нее.

— Видишь? Это именно то, о чем она подумала! Посмотри на ее лицо. Виновна! — он практически прокричал это, что заставило Хаос подпрыгнуть на месте.

Соломон рассмеялся в ответ и прижал Хаос ближе к себе.

— Что, во имя всего святого, ты сейчас готовишь? Пахнет просто божественно.

— Тебе нравится? — спросил Джимми, тут же устремляя ужасающий взгляд зеленых глаз к Соломону. Но она чувствовала себя слишком ослабленной, чтобы переживать за него. — Это тушеный дикий кролик, чуешь его аромат? Присаживайтесь, джентльмены. Думаю, вы здесь по делу, в котором я могу вам помочь.

Желудок Хаос сжался. Неужели демоны предупредили его о причине их визита? Она посмотрела на Соломона, который развернулся к ней с недоумением на лице, и она, наконец, заметила кое-что. Нечто новое таилось в его голубых глазах, нечто большее, чем она замечала раньше.

Плотно прижавшись к руке своего мужчины, Хаос внезапно испугалась неизвестности. Ей не нравилось быть в неведении, находясь рядом с ним.

Вдруг внимание Хаос привлекло что-то, расположенное на дальней стене рядом с кроватью. Это были изображения. Даже несколько. Казалось, все они представляли собой настоящие фотографии. Так странно. Что могли делать у безумца подобные вещи?

Не в силах сопротивляться, она выпустила руку Соломона и медленно подошла к стене, сосредоточив свое внимание на одном определенном снимке. Это была фотография красивой молодой женщины, которая казалась ей знакомой.

— Кто это? — спросила она, забыв про свои страхи, которые внезапно растворились в жгучем любопытстве. Хаос была уверена, что знала эту женщину.

— Все верно, это мисс Анжелина, — с гордостью произнес Джимми. — Одна из самых прекрасных женщин в Западной Вирджинии. Она была звездой «Луна-Хиллз», настоящей звездой. Мой дед рассказывал мне о ней перед смертью. При больнице он был одним из зрителей за могилами.

Его рассмешил тот факт, что Хаос была потрясена его рассказом. Но такой эффект на нее произвели не сами слова, а то, как он передал их ей. На мгновение, если бы она не смотрела на него или не слышала все эти истории о Джимми, то подумала бы, что он был нормальным и даже образованным человеком. Хаос не могла себе представить, что сумасшедший из леса мог иметь какую-либо семью, и даже если она у него была, девушка не могла предположить, что он мог знать о своих родственниках. Но получается, что таким

образом он был связан с психушкой, и это повлекло за собой новую волну вопросов. Хаос не могла быть уверенной, что у него есть кровная связь с этим местом, которое она тоже называла своим домом.

Возможно, все это было ложью. Попыткой использовать свои демонические силы на ней. В любом случае, на языке Хаос вертелось множество вопросов, пока она разглядывала женщину на фотографии, которую, как ей казалось, она хорошо знала. Но как она могла знать ее, если та, судя по рассказу Джимми, должна быть сейчас в очень преклонном возрасте? Хаос внимательнее присмотрелась к фотографии. На женщине было платье с цветочным рисунком. Хаос могла точно сказать, что на ее лицо был нанесен макияж, даже по черно-белой фотографии. Превосходная укладка, словно над ее волосами потрудился хороший стилист. Она выглядела... важной персоной. Ее грудь, которая была высоко поднята, словно она затаила дыхание, украшало ожерелье. Оно тоже казалось ей очень знакомым. Эта женщина на снимке выглядела как... ее бабушка.

— Как насчет того, чтобы выпить кофе вместе с сумасшедшим Джимми? — рассмеялся он. — И я смогу рассказать вам обо всем, что вы хотели узнать у меня.

Хаос едва могла скрывать то, как влияла на нее его пронизательность. Возможно, он просто угадал. Если бы это было так, ему все равно пришлось бы гадать. И если он действительно мог прочесть ее мысли... то там не было ничего такого, что могло бы выдать больше, чем необходимо.

Она надеялась, что он не попытается заразить ее своим сумасшествием через кофе. Хаос должна оставаться настороже. Она знала, как вести духовную войну, Хаос узнала об этом еще на ранних стадиях обучения. Мастер научил ее, когда она сражалась со своими худшими страхами, с теми, что всегда порождали море вопросов и заставляли ее сомневаться во всем.

Прежде чем она успела повернуться, Соломон встал рядом с ней и также начал пристально разглядывать снимок. Она посмотрела на его красивое лицо, следуя за его взглядом, прикованным к стене. Хаос ожидала, что его внимание привлечет женщина на фотографии, но он внимательно изучал другие снимки. Девушка поняла, что остальные изображения были вовсе не фотографиями, а нарисованными картинами в аккуратных рамках. На первый взгляд казалось, что это были подлинные произведения искусства.

Сердце Хаос екнуло, когда его теплая ладонь коснулась ее руки и плотно сжала ее пальцы. Она стояла рядом с ним, рассматривая изображения на стене, чувствуя себя очень странно. Очень... и очень странно.

Соломон всем сердцем желал понять, что же означали эти рисунки на стене, которые буквально притягивали его внимание к себе. В любом случае для него это оставалось тайной. И все же что-то внутри него подсказывало пристально взглянуться в эти картины. Всматриваться в них. Увидеть нечто. Увидеть и понять то, какой смысл они несут в себе.

Повернувшись к этому многообразию рисунков, Соломон пытался рассмотреть, что же на них изображено. Они представляли собой очень абстрактные образы, которые вызывали крайне тревожные ощущения. Всматриваясь в них, он постепенно начал понимать, что связывало эти картины. Нечто... что таило в себе боль и агонию. Эти образы передавали душевное состояние художника, в котором он прибывал во время написания картин? Вполне возможно, что это так.

Он пытался найти глазами подпись, указывающую имя автора, но обнаружил лишь инициалы. С. Г. Т.

— Кто нарисовал всё это? — спросил он, развернувшись всем корпусом, чтобы отыскать взглядом Джимми, который в это время уставился на них с Хаос, испытывая какое-то восторженное изумление.

— В «Луна-Хиллз» один из пациентов был художником. К слову, он действительно неплохо писал картины, — тихо ответил Джимми, и его тон, казалось, был пропитан тайной, которая несла в себе ключ к разгадке.

— Кем он был? — Соломон должен был узнать больше.

На этот раз Джимми лишь рассмеялся.

— Теперь это мало кому известно... и вам предстоит это выяснить самостоятельно.

Боже, почему этот изворотливый человек решил держать все в секрете?

— Некоторые тайны этого города должны быть вытащены на поверхность надлежащим образом и подходящим человеком, сынок, — продолжал объяснять Джимми. — Некоторые секреты меня не касаются. И этот один из них.

Соломон чувствовал, что следующий вопрос было задать особенно важно:

— Кто должен разгадать эту тайну?

— Ты, — ответил он с восхищением. — Это один из вопросов, на который именно ты должен найти ответ. И другой вопрос — фотография женщины — относится к маленькой мисс Хаос, — он поднял руки ладонями вверх, широко распахнув невинные глаза. — Это не мое предназначение, ты — единственный, кто сможет ответить на эти вопросы. Вернее, вы оба, — сказал он, ухмыляясь и кивая самому себе. — Я лишь знаю то, что вы не просто так пришли сюда и случайно заинтересовались картинами... они выбрали тебя и привели к этой стене.

Соломон ясно понимал, что им придется протащиться через пять штатов, чтобы разобраться с тем, что имел в виду Джимми.

— Вы готовы? — спросил он дядю Джо, и от этого вопроса Соломона накрыло внезапным ощущением подступающей паники. Предчувствием, словно что-то плохое должно произойти в скором времени.

Джо сразу же понял, что испытывал Соломон, посмотрев в его глаза, и поспешил кивнуть.

— Разумеется, я могу вернуться в другой раз, чтобы задать свои вопросы, — ответил он,

направляясь к выходу.

— Я не думаю, что вы покинете этот лес, мистер Соломон, — сказал Джимми, неспешно помешивая содержимое котелка.

Соломон замер, уставившись на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, — начал он, продолжая помешивать, и его голос звучал очень зловеще, — что здесь есть для тебя работенка, вот почему ты оказался в этом месте. Нельзя сбежать из этого города, ты понимаешь меня?

Блять.

— Уходим, — быстро сказал Соломон и поспешил к дяде Джо.

— Ты можешь попытаться сбежать, но ты не уйдешь далеко, — сказал Джимми и разразился жутким смехом. — Они придут за тобой. Тебе нужно делать то, что от тебя требуется, и позаботиться об общем деле на благо города, мистер Гордж.

Соломон потянул Хаос за собой и огляделся по сторонам, всматриваясь в темноту, как только они оказались снаружи. Темные фигуры, словно выплыв из ночи, внезапно появились со всех сторон, окружая их. Один из них набросился на Соломона, повалив его на землю, и выдернул Хаос из его рук.

— Беги! — закричал он Хаос, едва дыша от сильного давления на спину, когда тело чужака вдавило его в землю, а затем он почувствовал, как плотная ткань начала наползать на его глаза, полностью окутывая голову.

— Беги, дядя Джо!

— Не делайте ему больно! — завопила Хаос.

— Тебе стоило позвать нас раньше, — раздался чей-то низкий голос довольно близко.

— Мне жаль, — задыхаясь, кричала она, — я бы позвала вас при первой возможности.

— Вы должны оставить второго мужчину здесь, — донесся голос Джимми.

— Он слишком много видел, — возразил обладатель того же низкого голоса.

— Неважно. Он не является частью всего этого, — сказал Джимми. — Вы получили все что вам было нужно, теперь убирайтесь из моего леса и сделайте то, что собирались.

Соломон взревел, изо всех сил сопротивляясь, пока ему крепко связывали руки за спиной, а затем рывком поставили на ноги.

— Хаос, пожалуйста. Это все неправильно, — закричал Соломон. — Не существует такого греха, который Христос не смог бы простить, он солгал тебе об этом и продолжает лгать! Христос все может простить...

Внезапно в его солнечном сплетении взорвалась вспышка боли, отдаваясь спазмами, лишая его дыхания и возможности говорить.

— Не бейте его! — закричала она.

— О, дочь моя, — произнес этот глубокий голос. — Это ничто по сравнению с тем, что грядет. Все, происходящее сейчас, не имеет никакого значения.

— Неужели мы должны поступать так? — Хаос снова сорвалась на крик. — Мы не можем просто принести жертву?

— Заберите его в приют для душевнобольных, — скомандовал низкий голос. — Мы начнем подготовку. Шесть дней, — произнес он громче. — Шесть дней подготовки к богоугодному деянию. А затем наступит Осквернение всех Осквернений. Но не беспокойся, дитя, — успокаивал он. — Ты будешь рядом с ним на протяжении всего этого времени.

— Что, если вы подготовите меня, — выдохнула она, — а его принесете в жертву? Ведь

мы все равно будем находиться вместе. Прошу! — кричала Хаос.

Услышав звуки ее сопротивления, Соломон вновь попытался вырваться.

— Дядя Джо!

— Я найду тебя, сынок, — пообещал он, его голос был пронизан напряжением. — Не беспокойся обо мне. Я найду тебя!

Соломон стиснул зубы, когда невидимые руки раздели его догола, сорвали с его головы мешок и грубо толкнули вперед. Жестко приземлившись на пол, он быстро осмотрелся и бросился обратно к дверям.

— Эй! — он колотил в дверь, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь железные прутья, которыми было зарешечено маленькое окошко в верхней части двери. — Где Хаос?

— Я здесь.

Тоненький голосок донесся откуда-то из угла, и он обернулся, вглядываясь в темноту. В противоположной стороне их темницы шевельнулась тень, и он поспешил пересечь комнату, ощущая затхлый запах застаревшей смерти.

— Где ты? — Соломон затаил дыхание, приближаясь к цели.

— Здесь, я здесь.

Его пальцы, наконец, нашли в темноте мягкие волосы Хаос, и он притянул ее в свои объятия. Соломона захлестнуло пронизывающей волной ужаса, когда он понял, что она тоже была полностью обнажена.

— Послушай меня, красавица, — он встал напротив нее. — Мы должны выбраться отсюда, мы должны бежать.

Соломон нежно провел ладонями, обхватив ее лицо.

— Но... — простонала она с недоумением в голосе. — Я думала...

— Прости меня, — прошептал он взволновано, отыскав ее мягкие губы в темноте и нежно целуя их. — Я вел нечестную игру, планируя вывезти нас из этого города, подальше от этого безумия, — признался он, почувствовав, как по его щекам потекли слезы. — Все это так неправильно! — воскликнул он, ощущая ярость. — Ты должна верить мне, и, если мы выживем, я докажу это тебе, хорошо? Ты поняла меня? Я докажу тебе всю абсурдность и дикость происходящего, клянусь. Разве ты не хотела бы отказаться от такого образа жизни? Ты бы хотела поселиться со мной в милом домике, где я мог бы любить и заботиться о тебе? Завести детей и создать семью?

Хаос всхлипнула.

— Остановись, — напряжено произнесла она. — Мы не можем сделать этого. Мы не можем сбежать сейчас. Даже если я и хочу всего этого вместе с тобой, я не могу себе позволить сделать это! Страдания людей будут продолжаться, женщины, мужчины и дети будут страдать и испытывать муки от проклятья! — выдохнула она.

Соломон затряс головой в темноте.

— Это не твое предназначение, которому ты должна следовать, красавица, у нас нет такой власти, чтобы все исправить, вот что я пытаюсь донести до тебя, — прошептал он. — Так называемое проклятье — это выдуманная ложь. Все, что происходит в городе, не имеет

никакого отношения к этому, и я могу доказать это.

Ее плач усилился и звучал почти монотонно.

— Как? — спросила она с надеждой в голосе.

— Ты и я, мы должны найти выход их всего этого безумия. Вот почему Господь свел нас вместе, понимаешь? Понимаешь это? Чтобы по-настоящему положить конец этой лжи, которую называют проклятием. Послушай меня, — сказал Соломон, крепко удерживая ее за плечи, ощущая, как паника пробивалась дрожью сквозь их тела. — Помнишь тот сон, что я видел о тебе?

— Да, — выдохнула Хаос, теряясь в происходящем безумии.

— Я никогда не рассказывал тебе свой сон до конца, ты хочешь услышать полную историю? Да? В моем сне, ты и я, мы спасли город, у нас получилось это сделать. Мы не погибли, а счастливо зажили вместе. У нас была настоящая семья, — он задержал дыхание, отчаянно пытаясь убедить ее.

— Правда? — пискнула она, даря Соломону надежду. — Как это возможно? Я имею в виду, Мастер должен был знать об этом, так ведь? Он бы не захотел умышленно вредить городу, он — хороший человек, — заверила она дрожащим голосом.

Соломон вновь покачал головой.

— Нет, это не так, Мастер не мог знать об этом, и знаешь почему?

— Почему? — наконец, выдавила Хаос сквозь прерывистое дыхание.

— Потому что он под влиянием того же проклятья! — Соломон прижимался губами в поцелуе к ее рту, целуя ее снова и снова, словно пытаясь убедить своими ласками. — Он даже не знает об этом. Он делает это не по злему умыслу, он просто слеп к правде, проклятие лишило его способности видеть!

Она задыхалась, хаотично заглатывая воздух, прежде чем смогла прошептать то, что Соломон так хотел услышать.

— О, мой Бог.

— Но я и ты, мы вместе, сможем все исправить, понимаешь? — он погладил теплыми ладонями ее лицо в темноте. — Это часть нашего предназначения, но мне нужна твоя помощь, хорошо?

Хаос снова начала тихо причитать.

— Он будет готовить нас, — шептала она дрожащим и полным страха голосом.

Страх сдавил грудь Соломона, как только он услышал это.

— Скажи мне, красавица. Помоги мне понять, что нас ждет.

— Шесть дней подготовки к ритуалу, — прошептала она. — Так же, как и всегда. Раз в неделю паства должна испытать на себе страдания. У него для этого есть специальные инструменты в особой комнате, которая находится в лечебнице. Но в этот раз он собирается делать все это в течение шести дней, — слова девушки перешли в слабое рыдание. — Он собирается сломать тебя, — наконец, выпалила она, и паника зазвенела в ее голосе. — Он собирается заставить тебя желать собственной смерти, — горько рыдала она. — Я не хочу, чтобы он причинил тебе боль, — решительно выпалила она. — Я не хочу!

Соломон тяжело вздохнул, прижимая ее крепче к себе.

— Ш-ш-ш, ш-ш-ш, — его разум уносился прочь при мысли о шести днях пыток, шести днях ада. — А потом он убьет нас, таков план? Истязать, а затем убить — в этом и заключается план Мастера?

— Убить? — смятение звучало в ее голосе. — Нет, нет, он не убьет нас.

— Что? — Соломон ощутил проблеск надежды, осознавая, что, возможно, он мог ошибаться. — Что ты имеешь в виду под тем, что он не убьет нас?

Она сделала несколько неуверенных, судорожных вдохов, крепко схватившись за его предплечья.

— Жертва должна оставаться живой. Это означает, что тело должно быть живым. — Он почувствовал, как ужас медленно наполняет его, впитываясь в кровь и разносясь по венам, когда Соломон услышал ее следующие слова.

— Он забирает только разум, — прошептала Хаос, глядя в темноту. — Мастер называет это... лоботомией.

О, БОЖЕ, СРАНЬ ГОСПОДНЯ!!!

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ!!!

МНЕ ТАК ЖАЛЬ!!!

Больше книг на сайте - Knigolub.net